

Учредитель
Национальный
исследовательский университет
«Высшая школа экономики»

Главный редактор
В.А. Петровский

Редакционная коллегия
К.А. Абульханова-Славская
Н.А. Алмаев
Т.Ю. Базаров
В.А. Барабанщиков
А.К. Болотова
А.Н. Гусев
А.Н. Ждан
А.Л. Журавлев
А.В. Карпов
Е.А. Климов
А.Н. Лебедев
Д.А. Леонтьев
Д.В. Люсин
А. Лэнгле
Н.Б. Михайлова
В.Ф. Петренко
А.Н. Подьяков
В.А. Пономаренко
В.М. Розин
И.Н. Семенов
Е.А. Сергиенко
Д.В. Ушаков (зам. глав. ред.)
Т.Н. Ушакова
А.М. Черноризов
В.Д. Шадриков (зам. глав. ред.)
Б. Шефер (зам. глав. ред.)
А.Г. Шмелев
С.Р. Яголковский (зам. глав. ред.)

Отв. секретарь *Ю.В. Брисева*
Редактор *О.В. Шапошникова*
Корректурa *Н.С. Самбу*
Переводы на английский
Е.Н. Осина
Компьютерная верстка
Е.А. Валуевой

Адрес редакции:
109316, г. Москва,
Волгоградский пр-т, д. 46Б
E-mail: psychology.hse@gmail.com

Перепечатка материалов только
по согласованию с редакцией
© НИУ ВШЭ, 2012 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Философско-методологические проблемы

А.А. Лебедева. Теоретические подходы и методологические проблемы изучения качества жизни в науках о человеке3

Специальная тема выпуска:

Кросс-культурная психология: теория, метод, применение

Н.М. Лебедева. Вклад кросс-культурной психологии в задачи социального развития ...20

Р. Фишер. Прикладная кросс-культурная психология социальных изменений и развития общества: на примере исследования благополучия и коррупции23

Ш. Шварц, Т.П. Бутенко, Д.С. Седова, А.С. Липатова. Уточненная теория базовых индивидуальных ценностей: применение в России43

А.Н. Татарко. Индивидуальные ценности и социально-психологический капитал: кросс-культурный анализ71

Н.М. Лебедева. ИмPLICITные теории инновативности: межкультурные различия89

Короткие сообщения

Д.В. Девятко. Объектные репрезентации и зрительные признаки: вклад в иллюзорные зрительные исчезновения107

В.В. Косихин. Психологическое содержание и диагностика когнитивного стиля «диапазон эквивалентности»116

В.Н. Шляпников, Ю.Н. Хрулёва. Особенности волевой регуляции у спортсменов-юниоров132

Обзоры и рецензии

И.Б. Рогожкина. Развивающий эффект обучения программированию: психолого-педагогические аспекты141

Резюме выпуска на европейских языках149

Vol. 9, № 2
2012

Publisher

National Research University
«Higher School of Economics»

Editor

V.A. Petrovsky

Editorial Board

K.A. Abulkhanova-Slavskaja

N.A. Almaev

T.Yu. Bazarov

V.A. Barabanshikov

A.K. Bolotova

A.N. Goussev

A.M. Chernorisov

A.V. Karpov

E.A. Klimov

A. Längle

A.N. Lebedev

D.A. Leontjev

D.V. Lyusin

N.B. Michailova

V.F. Petrenko

A.N. Poddiaikov

V.A. Ponomarenko

V.M. Rozin

I.N. Semenov

E.A. Sergienko

V.D. Shadrikov (Vice Editor)

B. Schäfer (Vice Editor)

A.G. Shmelev

D.V. Ushakov (Vice Editor)

T.N. Ushakova

S.R. Yagolkovsky (Vice Editor)

A.N. Zhdan

A.L. Zhuravlev

Managing editor *Yu.V. Briseva*

Copy editing *O.V. Shaposhnikova,*

N.S. Sambu

Translation into English

E.N. Osin

Page settings *E.A. Valueva*

Editorial office's address:

Volgogradsky pr., 46B, 109316,

Moscow, Russia.

E-mail: sychology.hse@gmail.com

No part of this publication may be reproduced without the prior permission of the copyright owner

© NRU HSE, 2012

PSYCHOLOGY

the Journal of the Higher School of Economics

CONTENTS

Theory and Philosophy of Psychology

A.A. Lebedeva. Theoretical Approaches and Methodological Issues of Life Quality Research in Human Sciences3

Special Theme of the Issue.

Cross-Cultural Psychology: Theory, Methods, Applications

N.M. Lebedeva. Contribution of Cross-Cultural Psychology to Social Development20

R. Fischer. Applied Cross-Cultural Psychology of Social Change and Development: The Example of Well-Being and Corruption Research23

S. Schwartz, T.P. Butenko, D.S. Sedova, A.S. Lipatova. A Refined Theory of Basic Personal Values: Validation in Russia43

A.N. Tatarko. Individual Values and Social Psychological Capital: A Cross-Cultural Analysis71

N.M. Lebedeva. Implicit Theories of Innovativeness: Cultural Differences89

Work in Progress

D.V. Devyatko. Contribution of Object Representations and Visual Attributes to Illusory Visual Disappearances107

V.V. Kosikhin. Psychological Substance and Assessment of the Equivalence Range Cognitive Style116

V.N. Shlyapnikov, Yu.N. Khrulyova. Volitional Control in Junior Athletes132

Reviews

I.B. Rogozhkina. Developmental Effect of Learning Programming: Psychological and Educational Perspectives141

Summary of the Issue149

Философско-методологические проблемы

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ В НАУКАХ О ЧЕЛОВЕКЕ

А.А. ЛЕБЕДЕВА

Лебедева Анна Александровна — научный сотрудник Института интегративного (инклюзивного) образования Московского городского психолого-педагогического университета, научный сотрудник лаборатории позитивной психологии и качества жизни НИУ ВШЭ.

Сфера научных интересов — психология личности, позитивная психология, субъективное благополучие, качество жизни.

Контакты: anna.alex.lebedeva@gmail.com

Резюме

В статье дан анализ различных взглядов на понимание качества жизни как предмета полидисциплинарных исследований. Результатом теоретического обзора стала проблематизация содержания понятия «качество жизни» в науках о человеке. Качество жизни связано с такими объективными факторами, как физическое здоровье, экономическое благополучие, различные внешние обстоятельства и условия и т.п. Однако исследователями признается, что качество жизни как субъективная оценка зависит от восприятия личностью своей жизни и отношения к ней. В связи с этим в современной психологической науке происходит смещение акцента исследования на субъективные параметры жизни, а обобщающей категорией для описания субъективных условий формирования психологического благополучия становится понятие субъективного качества жизни. Такой подход к качеству жизни обладает большим исследовательским потенциалом, но нуждается в дальнейшей проработке.

Ключевые слова: *качество жизни, субъективное благополучие, позитивная психология.*

Введение

В условиях нарастающего влияния факторов невротизации общества — экономического кризиса, риска природных и техногенных катастроф, высокого темпа жизни, переизбытка информации и т.п. — вопросы о качестве жизни становятся актуальными для разных областей научного знания. Сформировавшийся в конце XX в. запрос на исследование качества жизни со стороны органов государственной власти разных стран обнаружил неоднозначность подходов к содержанию понятия «качество жизни» в современной науке, а также недостаток научного обоснования критериев его оценки.

Параллельно с этим в психологии начала активно разрабатываться проблематика, связанная с изучением личностных ресурсов человека как условий позитивного развития. В ситуации массовизации современных идеалов и культурных ценностей произошла деформация представлений о счастье, свободе и смысле жизни. Эти объективные предпосылки выступили катализаторами начавшихся исследований субъективных аспектов качества жизни в контексте психологической науки.

Существующие подходы, рассматриваемые в данной статье, свидетельствуют о том, что понимание качества жизни характеризуется либо узостью, одномерностью и односторонностью, либо чрезмерной обширностью входящих в него параметров, в результате чего выхолащиваются его реальный смысл и содержание. В связи с этим назрела необходимость в систематизации имеющихся сведений о содержании

подходов к качеству жизни, а также о способах его эмпирического изучения с целью нахождения наиболее актуального пути для развития теории качества жизни и ее объясняющей способности.

Науками о человеке признается необходимость включения в эмпирические модели ряда субъективных параметров качества жизни. При этом в нашей стране главным недостатком изучения психологических составляющих качества жизни является дефицит теоретических разработок, принимающих во внимание субъективный аспект рассматриваемой категории, в первую очередь, личностные особенности и их влияние на качество жизни.

Категория «качество жизни» (*англ.* quality of life; *нем.* Lebensqualität) является междисциплинарной. Наиболее активно она разрабатывается с середины XX в. в социологии, экономике, медицине, психологии и других науках о человеке.

Акцент на осмыслении жизни в истории философии был сделан в конце XIX — начале XX в. в русле направления «философия жизни». Тогда наряду с остальными исходными понятиями философии была выдвинута категория «жизнь» как интуитивно постигаемая целостная действительность, не тождественная ни духу, ни материи (Некрасова и др., 2008).

Н.А. Бердяев рассматривает вопрос о «качестве бытия». В постижении подлинного бытия он отводит важнейшую роль личности, которая это бытие созидает, творит. Интересным образом он разрешает извечную проблему отношений между субъектом и объектом, говоря о том,

что это есть «в корне ложная постановка вопроса <...>. В действительности духовные состояния ничему не соответствуют, они и есть первореальность, они более экзистенциальны, чем все, что отражает объективный мир. <...> Личность есть прежде всего смысловая категория, она есть обнаружение смысла существования» (Бердяев, 1994, с. 298).

В истории научных взглядов на проблему качества жизни наблюдалось длительное противостояние на уровне философского осмысления данной категории. Среди ученых вопрос о содержании и структуре понятия «качество жизни» по сей день остается дискуссионным. Отечественная наука по идеологическим соображениям долгое время игнорировала западный лозунг о повышении качества жизни населения, выдвигая в противовес категорию образа жизни (Философский энциклопедический словарь, 1983). Критика подхода к качеству жизни касалась, в первую очередь, осуждения западного стремления к хорошей жизни, такой мотив не вписывался в идеологическую доктрину, господствовавшую в нашей стране.

Важно также отметить, что само слово «качество» в разных индоевропейских языках происходит от одного и того же корня «qualitas» и имеет одинаковое значение. Согласно толковому словарю С.И. Ожегова (Ожегов, Шведова, 1999), качество — 1) совокупность существенных признаков, свойств, особенностей, отличающих предмет или явление от других и придающих ему определенность; 2) то или иное свойство, признак, определяющий достоинство чего-нибудь. Другими словами,

зачастую неясно, на чем необходимо делать акцент, изучая качество жизни: на отдельных ее атрибутах (признаках или свойствах) или на характере протекания жизни (эффективности, достоинстве).

Итак, на уровне конкретной методологии исследования, посвященные качеству жизни, как правило, связаны со следующими контекстами: здоровьем, социально-экономическими индикаторами, психологическими показателями.

Качество жизни, связанное со здоровьем

Специалисты медицинского профиля большое внимание уделяют показателям состояния физического и психического здоровья. Субъективными критериями оценки качества жизни здесь выступают такие показатели, как воспринимаемое здоровье, удовлетворенность здоровьем и т.п., а объективированными — уровень физических ограничений, тяжесть течения того или иного заболевания.

Интерес к теме качества жизни в медицине нарастал из года в год. В конце 1940-х гг. американские исследователи предложили шкалу определения статуса здоровья Karnofsky Performance Scale Index (KPS) для измерения индекса физического состояния пациентов с целью классифицировать их функциональное нарушение (The Clinical Evaluation..., 1949). В 60-е гг. была создана методика, которая позволила более точно оценить важность физических функциональных параметров для клинической оценки состояния пациентов, — Instrumental Activities of Daily

Living Scale (шкала повседневной активности) (Lawton, Brody, 1969). К 1990 г. медиками было создано уже более 300 методик, как универсальных, так и специализированных, для определения качества жизни (Барер и др., 2006).

Современные исследователи выдвигают категорию качества жизни в качестве интегральной характеристики физического, психологического, эмоционального и социального функционирования, основанной на субъективном восприятии. При этом указывается, что качество жизни изменяется во времени в зависимости от состояния пациента, обусловленного рядом эндогенных и экзогенных факторов (Новик, Ионова, 2002).

Теоретический анализ медицинских исследований не показал наличия явной методологической неопределенности в подходах к качеству жизни. Возможно, что это связано с тем, что в начале XXI в. это понятие было конкретизировано медиками как «качество жизни, связанное со здоровьем» (Health Related Quality of Life, HRQL). ВОЗ выработала основополагающие критерии HRQL: физические (сила, энергия, усталость, боль, дискомфорт, сон, отдых); психологические (положительные эмоции, мышление, изучение, концентрация, самооценка, внешний вид, переживания); уровень независимости (повседневная активность, работоспособность, зависимость от лекарств и лечения); общественная жизнь (личные взаимоотношения,

общественная ценность субъекта, сексуальная активность); окружающая среда (быт, благополучие, безопасность, доступность и качество медицинской и социальной помощи, обеспеченность, экология, возможность обучения, доступность информации); духовность (религия, личные убеждения) (Ткаченко, 2008).

Самым популярным методом диагностики качества жизни пациента считается опросник The MOS 36 Item Short Form Health Survey (SF-36) (McHorney et al., 1994) и его русская версия¹ (Хамитов и др., 2004). Он содержит 36 вопросов, сгруппированных в 9 сфер: «Физическая активность», «Роль физических проблем в ограничении жизнедеятельности», «Боль», «Общее восприятие здоровья», «Жизнеспособность», «Социальная активность», «Роль эмоциональных проблем в ограничении жизнедеятельности», «Психическое здоровье», «Сравнение самочувствия в настоящее время и в предыдущем году». SF-36 позволяет получить количественную характеристику качества жизни по указанным критериям. Показатели могут колебаться от 0 до 100 баллов (чем выше значение, тем лучше качество жизни). Опросник предполагает дифференцированный подход к оценке составляющих качества жизни в зависимости от пола и возраста (Антонычев, Мохорт, 2003). Однако важной проблемой остается методологическая неопределенность нормативных показателей состояния здоровья.

¹ Подробнее см. инструкцию по обработке данных, полученных с помощью опросника SF-36: Институт клинико-фармакологических исследований [Электронный ресурс]. URL: http://www.preference-pro.com/files/sf-36_guidelines.pdf.

Разработанные общие методики оценки качества жизни, определяемого состоянием здоровья, адекватно отражают качество жизни пациентов, независимо от характера изучаемой популяции, вида заболевания и особенностей применяемых методов лечения. Общие опросники наиболее пригодны для популяционных исследований, однако не могут служить инструментом для детальной оценки конкретной категории качества жизни.

Специальные опросники отражают проблемы, наиболее важные для конкретной нозологической формы, учитывая динамику заболевания, используются для оценки качества жизни пациентов, страдающих определенными заболеваниями, и включают вопросы, относящиеся к данным конкретным заболеваниям (Барер и др., 2006).

Таким образом, в контексте медицинских исследований системообразующим фактором качества жизни является здоровье, показатель которого диагностируется в контексте нозологической формы на основе объективной выраженности симптоматики и тяжести протекания болезни, а также на основе субъективных ощущений пациента.

Качество жизни, измеряемое социально-экономическими показателями

В экономической социологии наблюдается изобилие различных концептуальных толкований качества жизни. Под качеством жизни предлагается понимать «сущность развития личности, социальных групп и всего общества страны в

увязке со степенью удовлетворения ими своих потребностей» (Бобков, 2007, с. 163).

Появление в 1960-е гг. категории «качество жизни» в социологической науке было вызвано признанием недостаточности количественного измерения «уровня жизни» экономистами. Считается, что впервые этот термин упоминается в книге Дж. Гэлбрейта «Общество изобилия», где под качеством жизни подразумевались все блага, которые могут быть предоставлены потребителю «развитым индустриальным обществом», «обществом менеджеров» (Попов, 1977, с. 143).

Э. Тоффлер говорит о качестве жизни в контексте анализа жизненного стиля. Ускорение темпа жизнедеятельности людей будущего приводит общество к качественным изменениям психического уклада (Тоффлер, 2008). Одна из характерных черт теории Э. Тоффлера — выдвижение психологических критериев для определения содержания качества жизни. Он пишет, что при потреблении товаров и услуг люди делают акцент не на их функциональном назначении, а «на психологическом характере удовлетворения ими». «Мы переходим от экономики „количественной“ к экономике „психологической“, потому что обладаем уже количественным содержанием, способным нас удовлетворить» (Бестужев-Лада, 1978а, с. 95).

И.В. Бестужев-Лада поднимает вопросы о значимости важнейших жизненных ценностей: «Как живет человек, как удовлетворяются его потребности высших порядков, во имя чего он живет, каков смысл его жизни, удовлетворен ли он своей

жизнью» (Бестужев-Лада, 1978б, с. 21). Ученый рассматривает категорию «качество жизни» с такого ракурса, при котором она не поддается прямому количественному измерению, а требует сложных приемов косвенной квалификации по различным шкалам.

Американский социолог С. Макколл (McCall, 1975) также пытается связать понятие «качество жизни» с ценностными категориями. Качество жизни, по мнению С. Макколла, состоит в удовлетворении необходимых условий для общего счастья. Он ставит вопрос об измерении этих «условий счастья», задаваемых обществом, без которых человек не может быть счастлив.

А.И. Субетто дополняет этот подход, включая в понятие не только материальный уровень жизни, но и духовно-нравственное, социальное качество жизни, определяющее раскрытие духовного, нравственного потенциала личности, реализацию творчества личности, обеспечение полноты реализации творческих способностей, осознанное исполнение духовно-нравственного, служебного, профессионального долга и т.д. (Субетто, 2004). По его мнению, качество жизни — категория, сопряженная с качеством человека, оказывается неотделимой от содержания качества человека.

Идею разделения качества жизни на высокое и низкое развивает В.Н. Бобков. Так, при низком качестве жизни наблюдается преобладание у населения забот о выживании на фоне слабо функционирующих общественных институтов и авторитарных форм государственности. При высоком качестве жизни заботы

населения касаются вопросов самореализации, а также собственного культурного и духовного развития (Бобков, 2007).

По мере развития личности или общества изменяется главный критерий оценки качества жизни. Пока люди заняты вопросами сохранения жизни, критерий «выжить» остается доминирующим в оценке качества жизни (либо вопрос о качестве не ставится вовсе). По мере удовлетворения различных уровней потребностей (в классической иерархии А. Маслоу) фактором, определяющим удовлетворенность своим качеством жизни, становится постановка таких задач, как «прокормиться», «трудиться», «обогатиться», «развиваться» (лично, профессионально), «расти» (духовно).

Основной смысл социально-экономического подхода к изучению качества жизни населения заключается в том, что данный показатель позволяет осуществить оценку эффективности управления страной. Основная масса эффективной социальной работы по улучшению качества жизни ведется в высокоразвитых странах.

Политолог Ю.В. Крупнов отмечает, что государственная работа по определению и реализации заданного качества жизни ведется через законодательное введение стандартов (индексов) качества жизни, которые обычно включают три блока комплексных индикаторов (Крупнов, 2005): 1) здоровье населения и демографическое благополучие, которые оцениваются по уровням рождаемости, продолжительности жизни, естественного воспроизводства; 2) удовлетворенность населения

индивидуальными условиями жизни, а также социальная удовлетворенность положением дел в государстве; 3) духовное состояние общества. Уровень духовности определяется по характеру, спектру и числу творческих инициатив, инновационных проектов, а также по частоте нарушений общечеловеческих нравственных заповедей. В качестве единиц измерения используются данные официальной статистики о социальных аномалиях: убийствах грабежах, тяжких телесных повреждениях, брошенных пожилых родителей и детях, алкогольных психозах.

Качество жизни, по мнению Ю.В. Крупнова, характеризует субъектность населения, т.е. фактическую дееспособность различных общностей и каждой отдельной личности. Исследователь не сводит качество жизни к потребностям и социально-экономическим благам, так как дееспособность — это не следствие благ, а их причина или даже основание. Качество жизни характеризуется реализацией заданных общественных эталонов — устойчивых элементов самодетельного населения. Оно определяется рефлексивными практиками и знаниями, принципиально строящимися на основе анализа субъектом средств организации своего мышления и деятельности. Рефлексивность как направленность сознания на себя является фундаментальным свойством работы по определению и организации необходимого качества жизни. Другим свойством является непрерывная сопоставимость качеств жизни различных личностей или общностей между собой (бенчмаркинг) как способ определения

реальности собственного качества жизни (Крупнов, 2003).

В конце XX в. для характеристики социальных условий жизни населения стал широко использоваться индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП). «Главными его составляющими является средняя ожидаемая продолжительность жизни при рождении, уровень образования населения и реальный среднедушевой валовой внутренний продукт, рассчитанный с учетом паритета покупательной способности национальной валюты. ИРЧП определяется в соответствии с требованиями квалиметрии, дисциплины, изучающей методологию и проблематику количественного оценивания качества объектов любой природы». «Однако для его определения выбраны лишь три объекта анализа, поэтому этот перечень далеко не полностью характеризует свойства компонентов качества жизни, да и сами включенные компоненты охарактеризованы недостаточно» (Бобков, 2007, с. 177, 187).

Специалисты социально-экономического профиля, изучая качество жизни населения, признают, что не все его характеристики поддаются количественному измерению (Васильев, 2007). Так, наряду с экономическими и социальными параметрами жизни среди основных показателей качества жизни исследователи выделяют эмоциональное восприятие личностью собственного существования. Главным мериллом здесь выступает субъект, который и определяет степень удовлетворенности своей жизнью.

Большинство исследований, ориентированных на поиск индексов

качества жизни, основаны на генерировании многочисленных объективных или субъективных параметров жизни с целью организации их в единую теоретическую модель. Однако многоаспектность и многоплановость жизни не укладываются в систему оценок, выдвигаемых исследователями, число рассматриваемых параметров постоянно растет и меняется от исследования к исследованию. Эклектичность подходов к качеству жизни и отсутствие единой методологии препятствуют прогрессу научной теории и объективной надежности измерений в данной области.

Качество жизни в психологических исследованиях

Долгое время исследователи стремились вычленить параметры «хорошей жизни», связывая ее с материальными показателями, продолжительностью жизни, уровнями рождаемости, смертности и т.п. Однако все эти признаки так или иначе сводятся к «количеству» жизни, а не к ее «качеству».

В противовес этому подходу в психологических исследованиях категория «качество жизни» приобрела иную трактовку, объединив исследователей в поисках, касающихся нематериальных аспектов человеческой жизни — счастья, субъективного благополучия личности в тех или иных объективных условиях.

Исследователи стремятся найти объективный по отношению к какой-либо конкретной жизненной философии, религии или морали подход: качество жизни должно быть определено как продукт взаимодей-

ствия между личностными особенностями и непрерывными эпизодами жизненных событий. Взаимоотношения между счастьем и качеством жизни являются уникальными. Улучшение объективных показателей жизни является только средством, а не целью самой по себе. Конечной целью улучшения качества жизни является поддержание и расширение охвата, глубины и интенсивности благополучия человека. Какие-либо всеобъемлющие оценки качества жизни должны полагаться на измерения нематериальных переменных переживания счастья (Najiran, 2006).

В книге, посвященной обзору и анализу исследований качества жизни, М. Сёрджи (Sirgy, 2010) акцентирует внимание на том, что социальная психология и психология личности занимаются субъективными аспектами качества жизни, такими как счастье, удовлетворенность жизнью, субъективное благополучие и воспринимаемое качество жизни. Последние 10–15 лет эта область активно разрабатывается в рамках позитивной психологии. Ее предметом стали такие категории, как удовлетворенность, положительный опыт, ценности, достоинства, таланты, а также то, как они способствуют благополучной жизни (Peterson, 2006).

На протяжении XX в. наиболее животрепещущей темой для исследователей выступал вопрос об устойчивости счастья и зависимости его от тех или иных внутренних (личностных) и внешних факторов (условий жизни). Основными выводами являлось то, что «жизненные обстоятельства вносят лишь небольшой вклад в дисперсию счастья по сравнению с

вкладом самой личности» (Kahneman, Tversky, 2000, p. 685). О том же свидетельствуют исследования С. Любомирски (Lyubomirski, 2007), результаты которых показывают, что внешними условиями объясняется лишь 10% дисперсии счастья. Иными словами, субъективное благополучие считается устойчивой переменной, относительно независимой от объективных условий жизни. Эта особенность была названа парадоксом субъективного благополучия (Staudinger, Fleeson, 1999).

С. Любомирски с соавт. (Lyubomirsky et al., 2005) построили модель устойчивого счастья. Согласно этой модели, счастье является результатом: 1) генетической предрасположенности; 2) обстоятельств жизни; 3) преднамеренной деятельности. Они утверждают, что важным элементом роста счастья является выполнение какой-либо деятельности, требующей волевых усилий (например, регулярное обучение чему-либо).

Итак, внешние обстоятельства, которые не связаны с преднамеренной активностью, не оказывают длительного влияния на субъективное благополучие, в то время как целенаправленная деятельность, связанная с посильными затруднениями и волевыми решениями, дает основу пролонгированному изменению уровня благополучия.

Стоит отметить, что исследователи, как правило, выделяют три основных компонента субъективного благополучия: положительные эмоции, негативный аффект и когнитивную оценку удовлетворенности своей жизнью целом (Diener et al., 1999). В качестве факторов благопо-

лучия выделяются такие параметры, как культура, социальные отношения, самоотношение, цели, черты личности, психологические потребности (Sheldon, Hoop, 2007).

Однако концепции, построенные на оценочном подходе, зачастую не способны объяснить целый ряд феноменов, выявляемых исследователями процессуальной стороны счастья. Одним из первых, кто занялся исследованием не количества, а качества счастья, стал М. Чиксентмихайи (Csikszentmihalyi, 1999). В своей теории потока он утверждает, что качество жизни — это не то, как сложилась жизнь, а то, как мы ее сами построили. Для него одним из главных способов такого самостоятельного формирования жизни является переживание состояния потока. Поток выступает для ученого «целью, заключенной самой в себе», «оптимальным переживанием» и характеризуется высокой степенью вовлеченности, глубокой концентрации и внутренней мотивации, когда вызов воспринимается как соответствующий умениям и силам личности.

Тем не менее его дальнейшие исследования также показывают, что люди, которые имеют тенденцию делать дело ради него самого, не являются более счастливыми, чем люди без такой тенденции. Это привело исследователей (Vitterso, 2003) к тому, что счастье как оценка результата жизни или деятельности и счастье, обретаемое в процессе деятельности (в потоке), *отражают разные аспекты субъективного качества жизни*, которые могут вступать между собой в противоречия. Для

того чтобы оценить жизнь с точки зрения удовлетворенности, необходимо абстрагироваться от нее самой, занять по отношению к ней внешнюю позицию наблюдателя. В то же время полное погружение в жизнь, ее проживание, требует от личности отказаться от оценочной позиции.

Все эти данные свидетельствуют в пользу того, что внешние события и условия жизни (объективные «количества» жизни) не приносят как такового счастья или несчастья в широком понимании. Качество жизни, измеряемое исследователями, как правило, является суммой количественных переменных, входящих в исследовательскую модель, будь то уровень развития человеческого потенциала в стране или уровень удовлетворенности жизнью отдельной личности. В рамках гегелевского диалектического закона перехода количества в качество, переход одного качества в другое осуществляется на основе количественных изменений (Ильин, 1985). Это объясняет исчезновение зависимости благополучия от материальной обеспеченности при высоком уровне дохода. Действительно, содержание жизни меняет ее качество. Согласно Д.А. Леонтьеву, проблема качества жизни есть проблема возможностей: на уровнях низкого экономического благосостояния, когда вопрос касается не качества жизни, а выживания, люди живут в основном в режиме необходимости и меньше всего задумываются о том, какие открываются возможности в тех или иных сферах. По мере того как люди переходят на более высокие уровни удовлетворения своих базовых мотивационных тенденций, они все больше и больше

задумываются не столько о том, что необходимо, а сколько о том, что возможно (Леонтьев, 2008).

Народная мудрость гласит: «Не было бы счастья, да несчастье помогло». Другими словами, внешние обстоятельства (объективное качество жизни) могут выступать для личности ресурсом, активирующим человека на преобразование объективных условий жизни в субъективные возможности для реализации своего потенциала. Принцип активности человека по отношению к среде — это принцип живого существа. «Активность снижает меру зависимости благополучия живого организма от условий окружающей среды, делая возможным поиск относительно более благоприятных условий. <...> Активное отношение к собственной жизни на основе сознания превращает жизнь в творческий процесс, и наоборот, изгнание из жизни элементов творчества и непредсказуемости омертвляет ее» (Леонтьев, 2009а, с. 142). Согласно определению, данному в словаре В. Даля, качество есть свойство, сущность того или иного явления, в данном случае — человеческого бытия. В таком случае вопрос о качестве жизни человека звучит как вопрос о реализации личностью своего потенциала и своих возможностей, о том, в каких отношениях он находится с жизнью, насколько он осознает свою субъектность, иными словами, «живет ли он жизнь» или «жизнь его живет» (Леонтьев, 2009б).

Западные исследователи различают подходы к качеству жизни (Naess, 1999). В субъективном подходе в качестве критерия для определения качества жизни берется восприятие

человеком своего личного жизненно-го опыта. Опыт и его восприятие не могут быть прямо наблюдаемыми, поэтому изучаются самоотчеты испытуемых. Они касаются удовлетворенности жизнью, счастья, а также чувства силы, азартности и энергичности, любви, чувства собственного достоинства и т.д. (Diener, 1994). В объективном подходе в качестве меры качества жизни используются доступные человеку ресурсы, а также условия жизни. Такие внешние ресурсы, как доход, навыки, физическая устойчивость и т.п., могут быть использованы в поле характеристик социально-экономической среды, в которой живет человек (Ringen, 1995; Veenhoven, 1984). Третий подход включает субъективные и объективные элементы анализа. Он используется в медицинских исследованиях. Сюда входят следующие сферы: физическое состояние и способности, социальные взаимодействия, экономическое положение и его факторы, а также психологическое благополучие (Spilker, 1990). Общим для всех трех подходов является то, что они учитывают и позитивные, и негативные аспекты жизни людей.

Идея измерения качества жизни, связанная с соотнесением его с неким стандартом жизни, развивается и в отечественной науке. Г.М. Зараковский предлагает определять качество жизни как «оценочную категорию жизни человека, обобщенно характеризующую параметры всех составляющих его жизни: жизненного потенциала, жизнедеятельности и условий жизнедеятельности (инструментов, ресурсов и среды) по отношению к некоторому эталону»

(Зараковский, 2009, с. 62). Он подразделяет психологические составляющие качества жизни на два класса: субъективно-оценочные и объективные. Первые он называет субъективным качеством жизни и относит к нему эмоционально-когнитивные оценки человеком (или множеством людей) собственной жизни и ее элементов, такие как эмоциональные (чувство радости, ощущение счастья) и когнитивные (оценка удовлетворенности жизнью). Ко вторым, называемым автором объективными психологическими составляющими качества жизни, относятся оценки психологических элементов жизни по отношению к объективным эталонам (критериям). Под последними подразумеваются установленные стандарты и нормативные значения элементов психологического потенциала и ряда психологических характеристик (там же, с. 63).

Ученые из Института психологии РАН Т.Н. Савченко и Г.М. Головина определяют качество жизни как «интегральный показатель жизнедеятельности людей, который включает в себя как объективные (уровень жизнедеятельности конкретного человека), так и субъективные компоненты (степень удовлетворения его потребностей и ценностных структур разного уровня)» (Савченко, Головина, 2006, с. 61). Под субъективным качеством жизни они понимают степень соответствия реальных ценностных структур различного уровня идеальным в представлении респондентов. Таким образом, особый акцент делается авторами на ценностных эталонах отдельно взятой личности (субъекта).

Вопрос о ценностном аспекте качества жизни поднимается и в западной науке. Так, М. Сёрджи (Sirgy, 2010), анализируя взгляды Милтона Рокича, делает вывод о том, что субъективное качество жизни является терминальной ценностью, которая описывается житейским языком словами «счастливая, осмысленная и комфортная жизнь». В этом смысле качество жизни является, по его словам, конечной целью человечества, поэтому общественные институты стремятся улучшить его в разнообразных аспектах.

По его мнению, одной из главных переменных качества жизни является субъективное благополучие. Основной идеей, которой придерживается М. Сёрджи, является то, что люди используют стратегии компенсации для оптимизации уровня их общего благополучия, если испытывают неудовлетворенность в той или иной сфере жизни (например, личная жизнь, работа, досуг). По-разному расставляя жизненные приоритеты, человек компенсирует недостаток благополучия в одной сфере жизни, повышая ценность другой (там же). Автор вводит понятие сбалансированной жизни, под которым подразумевается состояние удовлетворенности и реализации в ряде важных жизненных сфер без негативного влияния на другие. Он говорит о том, что баланс между разными областями жизни вносит значительный вклад в субъективное благополучие, поскольку человек должен быть вовлечен в несколько форм самореализации, чтобы удовлетворить весь спектр своих потребностей в совершенствовании (Sirgy, Wu, 2009).

Итак, исследования субъективного благополучия, основанные на оценочном подходе, описывают только одну из сторон субъективного качества жизни. Их результатом является субъективная оценка (удовлетворенности, счастья и т.п.) по сравнению с некоторым эталоном. Такая оценка фиксирует лишь некоторый момент, некоторое сегодняшнее отношение к жизни. Инструментальные ценности, задействованные в этой оценке, являются относительно стабильными у людей на протяжении долгого времени, поэтому, с точки зрения саморегуляции, такая оценка характеризуется статичностью и ее основной целью является сохранение психологического баланса. Однако главной идеей счастья выступает стремление к совершенству, добродетели, а значит, к личностному, моральному, духовному развитию. Таким образом, процессуальность счастья не охватывается исследованиями оценочных составляющих субъективного благополучия. Вслед за М. Чиксентмихайи можно рассматривать «поток» как творческую самодетельность, в процессе которой человек испытывает, переживает счастье. Оценить можно только результат, поэтому в его исследованиях было обнаружено, что оценка благополучия может быть ниже у тех людей, кто часто пребывает в потоковой деятельности. Автор объясняет это тем, что такие люди сложнее организованы, имеют более высокие идеалы и эталоны совершенства (Чиксентмихайи, 2011). Другими словами, в процессе деятельности личность встречается с затруднениями, от нее требуются волевые усилия, активные действия (даже если

они разворачиваются во внутреннем плане), а следовательно, в таких условиях она развивается, растет.

Как замечает Г.М. Иванченко, ощущение счастья не должно становиться целью (Иванченко, 2008). Оно необходимо в качестве средства, плацдарма для того, чтобы сделать следующий шаг в своем личностном и духовном совершенствовании.

В этом смысле стоит различать удовлетворенность жизнью как когнитивный компонент субъективного благополучия и удовлетворение, переживаемое личностью в процессе течения жизни. Необходимо понимать, что оценка результата деятельности не тождественна состоянию человека, глубоко включенного в процесс выполнения личностно значимой и осмысленной деятельности. В первом случае удовлетворенность выступает как отношение, закрепившееся в опыте личности. Во втором случае это переживание, характеризующееся неким слиянием личности с самой деятельностью или с течением жизни. Иными словами, классическое понимание субъективного благополучия описывает его как результат, в то время как исследование состояния потока вносят большой вклад в изучение счастья как процесса, требующего определенных усилий и «инвестиций» со стороны человека. Таким образом, оценка субъективного благополучия есть результат, который имеет перед собой задачу закреплять стратегию жизни, в то время как погружение в значимую деятельность и позитивные переживания, связанные с этим, есть процесс, в результате которого изменяется траектория развития личности, открывающая выход к

новым уровням самосовершенствования.

Итак, основной тенденцией современных научных исследований является рассмотрение объективного качества жизни с точки зрения анализа интегральных характеристик условий жизнедеятельности: экономических, экологических, социальных, связанных со здоровьем и физическим функционированием и т.п. Нет целостного взгляда, который мог бы собрать «мозаику» исследуемых переменных в единое целое.

В противовес этому в современной психологической науке происходит смещение акцента на субъективные параметры жизни человека, а также обосновывается необходимость изучения психологических условий, которые использует человек для реализации своих жизненных задач. В спектр понятий, характеризующих субъективное качество жизни, включается категория субъективного благополучия как обобщенная оценка жизни (когнитивная и эмоциональная). Эта оценка относительно независима от внешних условий существования. Таким образом, главной идеей данного направления исследований является увеличение роли самой личности в определении направленности и качества собственной жизни. При таком подходе медиатором взаимоотношений между внешними причинами и внутренними условиями выступают личностные особенности и смысловые факторы.

Заключение

Каждая дисциплина имеет склонность переоценивать значимость

своей предметной области. Как видно, это проявляется и при изучении качества жизни. Тем не менее на качество жизни отдельного человека в той или иной степени влияют разные факторы (например, социальная защищенность, экономическая стабильность, собственно здоровье, духовность, психологическое состояние и мн. др.), поэтому при оценке качества жизни общества или страны применяется многомерный подход.

С точки зрения цели исследований качества жизни, можно выделить следующие аспекты: 1) *прикладной аспект*, используемый для получения обратной связи от изучаемого объекта (будь то население страны или локальная социальная общность), а также оценки эффективности тех или иных мероприятий (социально-политических, реабилитационных); 2) *теоретический аспект*, применяемый для изучения самой категории «качество жизни», ее внутреннего содержания и направленный на интегрирование множества параметров в единую модель.

Многочисленные исследования качества жизни подвергаются критике, которая в основном касается того, что параметры качества жизни слишком обширны, разрознены, с трудом поддаются структурированию, так как не имеют единого основания для классификации. Особенно остро эта проблема стоит перед междисципли-

нарными исследованиями. Лонгитюдные исследования показывают, что взаимосвязи между параметрами качества жизни зачастую имеют нелинейный характер, поэтому ученым не всегда удается проследить и объяснить устойчивые закономерности и причинно-следственные связи. Другими словами, они могут существовать на определенном этапе исследования, но качественно изменяться на следующем.

Таким образом, существует немало прикладных концепций качества жизни, однако построить единую модель, удовлетворяющую междисциплинарным запросам, пока не представляется возможным.

Основной методологической проблемой является то, что качество жизни — это интегральное понятие, противоречивое по своей сути. В связи с этим необходимо четко определять тот методологический контекст, в котором оно используется представителями разных направлений. Для психологии это должен быть, в первую очередь, субъективный аспект. От психологии требуется разработка методов изучения личностных особенностей, преломляющих влияние объективных факторов на состояние общего качества жизни, а также глубокая методологическая проработка сущностного наполнения понятия субъективного благополучия человека в обычных и затрудненных условиях.

Литература

Антоньев С.Ю., Мохорт Т.В. Исследование качества жизни больных сахарным диабетом 1-го типа // Медицинская панорама. 2003. № 3. [Элект-

ронный ресурс]. URL: <http://www.harpydoctor.ru/diabetes/quality-of-life>.

Барер Г.М., Гуревич К.Г., Смирнягина В.В., Фабрикант Е.Г. Использование

стоматологических измерений качества жизни // *Стоматология для всех*. 2006. № 2. С. 4–7.

Бердяев Н. *Философия свободного духа*. М.: Республика, 1994.

Бестужев-Лада И.В. *Современные концепции уровня, качества и образа жизни*. М., 1978а.

Бестужев-Лада И.В. *Методологические проблемы исследования качества, уровня и образа жизни*. М.: Ин-т социолог. исслед. АН СССР, 1978б.

Бобков В.Н. *Качество и уровень жизни населения в новой России (1991–2005 гг.)*. М.: ВЦУЖ, 2007.

Васильев А.Л. *Экономический анализ качества жизни // Стандарты и качество*. 2007. № 4. С. 80–84.

Зараковский Г.М. *Качество жизни населения России: психологические составляющие*. М.: Смысл, 2009.

Иванченко Г.В. *Концепт счастья в (пост)гуманистической перспективе // Гуманистические основы взаимодействия цивилизаций: Доклады и выступления Международной конференции 26–27 октября 2007 г. / Сост. и общ. ред. У. Новотного, С. Андреевой*. М.: РУДН, 2008. С. 145–148.

Ильин В.В. *Мера // Диалектика материального мира. Онтологическая функция материалистической диалектики*. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1985. С. 140–141.

Крупнов Ю.В. *Качество жизни*. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kgroupov.ru/pubs/2005/01/09/10178>.

Крупнов Ю.В. *Рефлексивные практики, инфраструктуры и государственность — основа реконструкции России // Рефлексивные процессы и управление: Тезисы IV Международного симпозиума, 7–9 октября 2003 г., г. Москва*. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2003. С. 64–67.

Леонтьев Д.А. *Доклад на секции «Качество жизни населения России:*

показатели и критерии» // Всероссийский социологический конгресс «Социология и общество: пути взаимодействия». 21–24 октября 2008 г., г. Москва, Высшая школа экономики.

Леонтьев Д.А. *Жизнь: опыт междисциплинарного определения // Экзистенциальная традиция: философия, психология, психотерапия*. 2009а. № 2 (15). С. 142–145.

Леонтьев Д.А. *Стереометрия жизни // Человек — наука — гуманизм: К 80-летию со дня рождения академика И.Т. Фролова / Отв. ред. А.А. Гусейнов*. М.: Наука, 2009б. С. 668–676.

Некрасова Н.А., Некрасов С.И., Садикова О.Г. *Тематический философский словарь: Учебное пособие*. М.: МГУ ПС (МИИТ), 2008.

Новик А.А., Ионова Т.И. *Руководство по использованию качества жизни в медицине*. СПб.: Издательский дом «Нева», 2002.

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. *Толковый словарь русского языка*. М.: Азбуковник, 1999.

Плахова Е.Н. *Качество жизни: концепция и практика // Научно-теоретический и общественно-политический альманах «Грани»*. 2003. № 4. С. 115–119.

Попов С.И. *Проблема качества жизни в современной идеологической борьбе*. М.: Политиздат, 1977.

Савченко Т.Н., Головина Г.М. *Субъективное качество жизни: подходы, методы оценки, прикладные исследования*. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006.

Субетто А.И. *Государственная политика качества высшего образования: концепция, механизмы, перспективы*. Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова; СПб.: Смольный университет РАО; Изд-во «Астерион», 2004. Ч. 1.

Ткаченко Т.Б. *Влияние стоматологического статуса на качество жизни пациентов*

старших возрастных групп. // Успехи геронтологии. 2008. Т. 21. № 2. С. 327–329.

Тоффлер Э. Шок будущего (Future Shock, 1970). М.: Изд-во «АСТ», 2008.

Философский энциклопедический словарь / Под ред. Л.Ф. Ильичева, П.Н. Федосеева, С.М. Ковалева, В.Г. Панова. М.: Советская энциклопедия, 1983.

Хамитов Р.Ф., Пальмова Л.Ю., Новоженев В.Г. Оценка качества жизни при хронической бронхолегочной патологии (обзор литературы) // Российские медицинские вести. 2004. № 3. С. 13–19.

Чиксентмихайи М. Поток: психология оптимального переживания. М.: Смысл; Альпина нон-фикшн, 2011.

The clinical evaluation of chemotherapeutic agents in cancer / D.A. Karnofsky, J. Burchenal (eds). N.Y.: Columbia University Press, 1949.

Csikszentmihalyi M. If we are so rich, why aren't we happy? // American Psychologist. 1999. 54. 821–827.

Diener E. Assessing subjective well-being: Progress and opportunities // Social Indicators Research. 1994. 31. 2. 103–157.

Diener E., Suh E.M., Lucas R.E., Smith H.L. Subjective well-being: Three decades of progress // Psychological Bulletin. 1999. 125. 2. 276–302.

Hajiran H. Toward a quality of life theory: net domestic product of happiness // Social Indicators Research. 2006. 75. 31–43.

Kahneman D., Tversky A. Choices, values and frames. N.Y.: Cambridge University Press, 2000.

Lawton M.P., Brody E.M. Assessment of older people: Self-maintaining and instrumental activities of daily living // The Gerontologist. 1969. 9. 3. 179–186.

Lyubomirski S. The HOW of happiness: A practical approach to getting the life you want. London: Sphere, 2007.

Lyubomirsky S., Sheldon K.M., Schkade D. Pursuing happiness: The architecture of sustainable change // Review of General Psychology. 2005. 9. 111–131.

McCall S. Quality of life // Social Indicators Research. 1975. 2. 229–248.

McHorney C.A., Ware J.E., Lu J.F., Sherbourne C.D. The MOS 36-item short-form health survey: III tests of data quality, scaling assumptions, and reliability across diverse patient groups // Med. Care. 1994. 32. 40–66.

Naess S. Subjective approach to quality of life // Feminist Economics. 1999. 5. 2. 115–118.

Peterson C. A primer in positive psychology. N.Y.: Oxford University Press, 2006.

Ringen S. Well-being, measurement, and preferences // Acta Sociologica. 1995. 38. 2. 3–15.

Sheldon K.M., Hoon T.H. The multiple determination of well-being: Independent effects of positive traits, needs, goals, selves, social supports, and cultural contexts // Journal of Happiness Studies. 2007. 8. 4. 565–592.

Sirgy M.J. The psychology of quality of life. Dordrecht; Boston; London: Kluwer Academic Publishers, 2010.

Sirgy M.J., Wu J. The pleasant life, the engaged life, and the meaningful life: What about the balanced life? // Journal of Happiness Studies. 2009. 10. 183–196.

Spilker B. Quality of life assessments in clinical trials. N.Y.: Raven Press, 1990.

Staudinger U.M., Fleeson W. Predictors of subjective physical health and global well-being: Similarities and differences between the United States and Germany // Journal of Personality and Social Psychology. 1999. 76. 2. 305–319.

Veenhoven R. Conditions of happiness. Dordrecht, The Netherlands: Kluwer Academic, 1984.

Vitterso J. Flow versus life satisfaction: a projective use of cartoons to illustrate the difference between the evaluation approach

and the intrinsic motivation approach to subjective quality of life // Journal of Happiness Studies. 2003. 4. 141–167.

*Специальная тема выпуска:
Кросс-культурная психология:
теория, метод, применение*

ВКЛАД КРОСС-КУЛЬТУРНОЙ ПСИХОЛОГИИ В ЗАДАЧИ СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

В настоящее время в широком междисциплинарном дискурсе не смолкают споры о том, является ли развитие стран, наций, культур линейным процессом, все ли страны в своем развитии проходят одни и те же стадии и одинаковы ли пути к экономическому процветанию и психологическому благополучию для всех? Диапазон мнений чрезвычайно велик: от признания универсальности стадий социального развития до ее отрицания в пользу многообразия культурных траекторий достижения экономического благосостояния и счастья.

Кросс-культурная психология — одна из тех дисциплин, которые напрямую исследуют психологические феномены в сравнительно-культурном сопоставлении. Поэтому неудивительно, что она обращается к изучению социальных и психологических процессов и явлений с целью поиска культурных универсалий и культурной специфики.

Для реализации этой цели проводятся авторские социальные и психологические исследования и ис-

пользуются уникальные базы данных лонгитюдных мировых исследований (World Value Survey, European Social Survey), в которые вовлечены многие страны мира, что позволяет проводить межстрановые сопоставления и наблюдать временную динамику изучаемых переменных внутри отдельных стран.

Все чаще психологи разных стран ставят перед собой задачи кросс-культурного изучения социально значимых явлений и процессов, таких как модернизация, социальные изменения, динамика ценностей, социальный капитал, коррупция, инновации и др., чтобы понять универсальные законы развития человеческих обществ и культурные особенности этого развития.

В постановке и решении этих задач мы стоим на позициях универсализма в изучении психологических процессов и явлений, полагая, что основные психологические процессы являются общими для всего вида *Homo sapiens*, но культура влияет на их развитие и проявление. Такой подход позволяет обнаруживать не

только сходства (универсалии), но и различия (культурную специфику) в человеческом поведении. Психологические измерения основываются на универсальном психологическом феномене, но критерии оценок строятся с учетом культурных значений и смысла этого феномена (например, есть единый опросник для измерения ценностей, но в разных культурах одни и те же ценности имеют разные приоритеты). Сравнения при этом делаются с осторожностью, а интерпретации сходств и различий предпринимаются с учетом альтернатив культурно обусловленных смыслов того или иного феномена.

Отечественная психология не стоит в стороне от постановки и решения важных социальных проблем, изучая их вместе со своими зарубежными коллегами. В данной подборке представлены работы зарубежных и российских кросс-культурных психологов, сотрудников и партнеров Международной научно-учебной лаборатории социокультурных исследований (МНУЛ СКИ) НИУ ВШЭ, посвященные актуальным проблемам.

В статье новозеландского кросс-культурного психолога Рональда Фишера «Прикладная кросс-культурная психология социальных изменений и развития общества: на примере исследования благополучия и коррупции» ставится важная проблема вклада кросс-культурной психологии в широкие дискуссии по поводу социальных изменений и развития общества. Рон Фишер утверждает, что кросс-культурные исследователи могут внести свой вклад в исследование социально значимых процессов, разработку и реализацию

культурно-сенситивных программ изменений и посредством культурно-релевантной оценки существующих программ вмешательства с тем, чтобы они больше отвечали потребностям обществ. Он отмечает важный вклад кросс-культурных психологов в изучение детерминант психологического благополучия и коррупции, внесенный результатами его собственных исследований, Мирового исследования ценностей (WVS) и исследований своих коллег.

Для кросс-культурной психологии чрезвычайно важны методология и создание валидных методов, нацеленных на исследование универсальных феноменов и при этом культурно-сенситивных, это очень нелегкая задача. В статье научного руководителя МНУЛ СКИ Шалом Шварца в соавторстве с Татьяной Бутенко, Дарьей Седовой и Анной Липатовой «Уточненная теория базовых индивидуальных ценностей: применение в России» представлены обновленные теория и метод исследования базовых индивидуальных ценностей Ш. Шварца (A Refined Theory of Basic Personal Values). По мнению автора, данная теория должна иметь большую предсказательную силу по сравнению с исходной теорией 10 ценностей. Теория выделяет 19 ценностей и располагает их в виде кругового мотивационного континуума, где смежные ценности являются наиболее совместимыми, а противоположные находятся в наибольшем конфликте друг с другом. Проверка теории осуществлялась авторами с помощью русской версии методики на выборке из 506 человек (взрослых и студентов). Порядок ценностей, предсказанный в теории, в целом

подтверждается результатами многомерного шкалирования. В статье представлена русскоязычная версия новой методики измерения базовых индивидуальных ценностей, которая может вызвать большой интерес у российских исследователей.

В статье Александра Татарко «Индивидуальные ценности и социально-психологический капитал: кросс-культурный анализ» проанализирована феноменология социально-психологического капитала, рассматриваемого в качестве ресурса психологических отношений, на основе которого формируется социальный капитал. Проведен кросс-культурный анализ влияния ценностных ориентаций на социально-психологический капитал. На примере представителей трех этнических групп (русские, чеченцы, ингуши) показано, что, хотя влияние индивидуальных ценностей на социально-психологический капитал подчинено ясной логике, оно может иметь культурную специфику.

В статье Надежды Лебедевой «ИмPLICITные теории инновативности: межкультурные различия» анализируются межкультурные различия в имPLICITных теориях инновативности у русских, представителей народов Северного Кавказа и Тувы. Выявлены как культурно-универсальная модель влияния имPLICITных теорий инновативности на установки и опыт инноваций, так и культурная специфика, проявляющаяся в том, что влияние имPLICITных теорий инновативности на отношение к инновациям более выражено в традиционных культурах (северокавказских, тувинской) и не является значимым в более модернизированной (русской) культуре.

Надеемся, что теория, методы и результаты кросс-культурных исследований будут интересны и полезны российским психологам, а кросс-культурная психология привлечет в свои ряды новых исследователей.

Н.М. Лебедева

ПРИКЛАДНАЯ КРОСС-КУЛЬТУРНАЯ ПСИХОЛОГИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ И РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА: НА ПРИМЕРЕ ИССЛЕДОВАНИЯ БЛАГОПОЛУЧИЯ И КОРРУПЦИИ

Р. ФИШЕР

Фишер Рональд (Ronald Fischer) — преподаватель Университета Королевы Виктории (Веллингтон, Новая Зеландия), сотрудник Центра прикладных кросс-культурных исследований, PhD. Региональный представитель Исполнительного комитета Международной ассоциации кросс-культурной психологии в Австралии и Океании, член редколлегии журналов «Journal of Cross-Cultural Psychology», «Asian Journal of Social Psychology», «Applied Psychology» и др. Автор более 30 научных публикаций в ведущих международных рецензируемых журналах. Сфера научных интересов: ценности, социальные и культурные нормы, кросс-культурная организационная психология, межгрупповые конфликты и т.д.
Контакты: ronald.fischer@vuw.ac.nz

Резюме

Какой вклад может внести кросс-культурная психология в дискуссии по поводу социальных изменений и развития общества? Я утверждаю, что кросс-культурные исследователи могут деятельно участвовать, по крайней мере, в трех областях: а) исследование социально значимых процессов, б) разработка и реализация культурно-сенситивных программ изменений и в) культурно-сенситивная оценка существующих программ изменений с тем, чтобы они в большей степени отвечали потребностям сообществ. Я приведу два примера, которые имеют отношение к первому из обозначенных аспектов, поскольку эта область ближе всего к текущим кросс-культурным исследованиям. Я рассматриваю последнюю работу по пониманию кросс-культурных различий благополучия (Fischer, Boer, 2011) и изучение изменений коррупции с ходом времени (O'Connor, Fischer, 2012). Как кросс-культурное исследование может способствовать развитию и благополучию общества? Каковы те средства, которые психолог, интересующийся культурой, может использовать для информирования политиков и принятия политических решений? Как мы можем сделать кросс-культурные исследования релевантными повседневным действиям и событиям, принимая во внимание широкий круг проблем, с которыми человечество сталкивается в ходе глобализации, изменения климата и растущую взаимозависимость на глобальном уровне?

В данной статье я попытаюсь обрисовать три различных пути, которые могут помочь в поиске ответов на этот широкий круг вопросов, и обращение к которым может помочь сделать более четкими наши базовые исследовательские теории, а также способствовать пониманию глобальных проблем и их регулированию. Я детально рассмотрю два современных примера с использованием традиционного кросс-культурного исследования и попробую показать их потенциал в решении злободневных вопросов.

Ключевые слова: *прикладная кросс-культурная психология, благополучие, коррупция, ценности.*

Прикладная кросс-культурная психология применительно к социальным изменениям и развитию

Кросс-культурная психология как дисциплина возникла после Второй мировой войны, принесшей чудовищные страдания и вместе с тем ставшей причиной взаимодействия между людьми в масштабе, который был беспрецедентным в истории человечества. Десятилетия второй половины XX в. характеризовались массовыми перемещениями и обменом между популяциями всех населенных частей планеты, осталось совсем мало изолированных культурных групп, у которых не было бы никаких контактов с внешним миром. Кросс-культурная психология как дисциплина бросила вызов господствовавшей тенденции в науке, выразив предположения об универсальных процессах в психологии, и стремилась исследовать универсальность и разнообразие психологических процессов в человеческих сообществах по всему миру. Многие из этих попыток возникли вследствие практических потребностей на мест-

ном уровне, но в то же самое время повторение психологических феноменов, установленных на выборках США и Западной Европы, как и фундаментальные научные исследования, сыграли важную роль. Столкнувшись сегодня с многочисленными проблемами глобализации, фокус кросс-культурной психологии также должен переместиться на то, как могут быть применены исследования, чтобы отвечать задачам, вызванным глобализацией, индустриализацией и изменениями культурных практик.

Я представляю себе три непосредственных варианта для вовлечения кросс-культурной психологии в решение этих вопросов. Первый вариант заключается в сосредоточении на лучшем понимании психологических процессов, связанных с важными социальными последствиями. Ведутся многочисленные дебаты о том, как можно сделать общество более гуманным, здоровым и процветающим. Какие психологические процессы связаны с этими результатами? Тут сильной стороной кросс-культурной психологии является квази-экспериментальная природа культуры. Общества различаются между

собой по целому ряду важных характеристик и их потенциальных детерминант. Кросс-культурные психологи могут изучать эту вариабельность и наблюдать, какие переменные наиболее вовлечены в возникновение различающихся характеристик разных обществ. Здесь важно открытое, но критическое размышление о потенциальных детерминантах, потенциальных составляющих факторах этих различий. Как только конкретные переменные определены в качестве потенциально значимых, могут быть проведены более контролируемые эксперименты для проверки причинно-следственных связей. Не все переменные могут контролироваться в экспериментальных условиях (подумайте, например, о трудностях влияния на национальную историю или сезонные практики). Эта опция, возможно, наиболее близка стандартному психологическому исследованию. Основное отличие заключается в более тесном взаимодействии предметов научного исследования и вопросов, имеющих практическую и социальную значимость. Ниже я опишу некоторые исследования в этой области.

Во-вторых, кросс-культурные психологи могут заниматься созданием и внедрением культурно-сенситивных интервенций, которые отвечают практическим проблемам. Психологи, интересующиеся культурой, достигли некоторых успехов в создании и запуске межкультурных обучающих программ (Bhawuk, 1998; Fischer, 2011). Тем не менее программы, сфокусированные на совершенствовании и изменении поведения отдельных людей и групп, в значительной степени перешли к специа-

листам по общей психологии или другим дисциплинам (например, специалистам по проблемам развития, экономистам, социологам, политологам). Только некоторые программы при попытке изменить поведение использовали культурно-сенситивный подход (Khaled et al., 2009).

В-третьих, кросс-культурные психологи могут больше привлекаться к экспертизе уже существующих программ изменений, когда они используются и внедряются в различных культурах по всему миру. Например, микрокредитование — предоставление небольших займов отдельным людям или группам — использовалось во многих сообществах, находящихся в неблагоприятном положении, для борьбы с бедностью и для содействия экономическому росту. Однако мы очень мало знаем об эффективности этих инициатив, особенно о том, как они соответствуют многочисленным культурным нормам, убеждениям и практикам. Например, исследование Д. Карлан (Karlan, Zinman, 2011) показало, что микрокредитование на Филиппинах привело к уменьшению предпринимательских инициатив и более высокому стрессу у людей, получивших кредит, что противоречило ожиданиям. Это исследование было проведено экономистами, которые мало интересовались изучением культурных (и даже психологических) процессов. Кросс-культурные психологи могут сделать значительный вклад в такие исследования и помочь оценивать программы с той целью, чтобы они лучше соответствовали потребностям сообществ.

Я буду говорить о двух примерах исследований, которые определенно

соответствуют первому из описанных мною выше исследовательских подходов. В данном случае целью является получение лучшего представления о психологических, культурных и социальных факторах, которые оказывают влияние на значимые социальные последствия. Первое исследование сконцентрировано на предикторах благополучия, второе имеет отношение к коррупции. Благополучие — это основная проблема для обществ по всему миру. Французский президент Н. Саркози собрал специальную экспертную группу, в которую входят лауреаты Нобелевской премии, экономисты Джозеф Стиглиц и Амартия Сен, для исследования вопроса о том, что способствует росту благополучия и счастья населения. В Соединенном Королевстве раз в квартал проводятся репрезентативные исследования благополучия, что помогает государственному планированию и соответствующему реагированию. В Китае правительственные чиновники в настоящее время оцениваются с той точки зрения, способствуют ли они повышению уровня счастья своих избирателей. Следовательно, понимание благополучия стало основной заботой политиков на всем земном шаре. Вначале я представлю обзор последних исследований по этой теме.

Коррупция и транспарентность политики, с другой стороны, занимали умы политиков, философов и политологов тысячелетиями. Один из основных вопросов, которым, тем не менее, не занимались, — это вопрос о том, какие факторы могут повлиять на изменение уровня коррупции с ходом времени. К этому

вопросу, среди прочих, обратились С. О'Коннор и Р. Фишер (O'Connor, Fischer, 2012), и он будет рассматриваться при завершении данной статьи.

Благополучие народов

Как уже было упомянуто выше, благополучие народов стало центральным вопросом для экономистов, высокопоставленных политиков и специалистов в области общественных наук. Большинство исследований посвящено выявлению предикторов благополучия, счастья и удовлетворенности жизнью граждан различных стран по всему миру. Исследования выявили ряд показателей благополучия, включая такие индикаторы, как хорошее управление страной, демократические институты, более высокий доход и социальное равенство (Diener et al., 1995; Stevenson, Wolfers, 2008; Veenhoven, 1994). В то время как экономисты больше сосредоточились на материальных благах (Stevenson, Wolfers, 2008), психологи больше внимания уделяют культурным ценностям, в частности индивидуализму (Diener et al., 1995; Diener et al., 2003; Hofstede, 2001). Вопрос заключается в том, что более важно для благополучия: обеспечивать людей деньгами или предоставлять людям возможность выбора и автономии в их жизни? Сравнительно мало исследований рассматривают, какие из этих двух переменных более тесно связаны с индикаторами благополучия в разных странах, контролируя при этом другие переменные. Также может быть вполне вероятно, что богатство и индивидуализм влияют друг

на друга за счет своей связи с другими переменными, такими как благополучие (Arrindell et al., 1997; Fischer, Hanke, 2009). Более того, разворачиваются многочисленные дискуссии о том, имеют ли место линейные эффекты или существует «точка насыщения», после которой увеличение богатства не приводит к дальнейшему росту благополучия (Diener, Seligman, 2004; Kenny, 2005). Таким образом, оказывается важным изучать как нелинейный эффект, так и взаимодействие этих переменных.

Последние исследования, направленные на изучение благополучия, счастья или удовлетворенности жизнью, базируются на данных, полученных в опросах общественного мнения, таких как Всемирное исследование ценностей (Inglehart, 1997), Европейское социальное исследование (Moore, 2006) или исследование Р. Вееenhoфена (Veenhoven, 1999, 2009). В этих опросниках от респондентов обычно требуется определить степень счастья или удовлетворенности жизнью на основе единичных вопросов или небольшой серии вопросов. Психометрические характеристики и валидность этих индикаторов не выявлены, и требуются исследования для поиска инструментов, которые обладали бы доказанной валидностью (Diener, 2006) или где был бы преодолен «индивидуалистический» уклон в измерениях (Christopher, 1999). Следовательно, важно посмотреть, могут ли полученные в прошлом данные быть воспроизведены при помощи клинических измерений благополучия. Так, например, в исследовании Р. Фишера и Д. Бёр анализировались различия в трех признанных опрос-

никах: общего здоровья (Goldberg, 1972), выгорания (Maslach, Jackson, 1981) и тревожности (Spielberger et al., 1970).

Вклад исследования Р. Фишера и Д. Бёр заключался в трех моментах: а) они исследовали сравнительную значимость богатства в сравнении с истолкованием национального благополучия с точки зрения культуры, б) изучали нелинейный эффект и эффект взаимодействия этих переменных на уровне стран и в) использовали психометрически качественные и хорошо валидизированные способы измерения благополучия. Этих целей авторы смогли достичь за счет проведения серий метаанализов с использованием средних значений по тем же методикам в исследованиях 40-летней давности на взрослых выборках (это позволяло также провести анализ изменений с учетом времени). Они разработали и применили трехуровневую иерархическую модель со смешанными эффектами, разделяя влияния на уровне исследования и на уровне страны, а также влияния метода и интересовавших их действительных результатов. Дополнительным преимуществом этого многоуровневого подхода было то, что полученные данные могут быть генерализованы за пределы конкретных выборок, входивших в исследования (Lipsey, Wilson, 2001).

Исследования различий уровня благополучия в разных обществах

Данные, полученные на больших репрезентативных выборках с использованием отдельного вопроса для оценки удовлетворенности

жизнью и счастья, доступны для все большего числа стран и демонстрируют определенное стойкое разнообразие между обществами. Экономисты, политологи и в особенности социологи очень заинтересовались объяснением различий между обществами, поскольку полученные данные обладают потенциально большим значением для системы управления и повышения благополучия сообществ. Должны ли политики стимулировать или сдерживать экономический рост и приводит ли увеличение дохода к большему благополучию общества (или нет)?

Например, Б. Стивенсон и Дж. Вольферс (Stevenson, Wolfers, 2008) в своем обзоре существующих массивов данных обнаружили устойчивый положительный эффект абсолютного дохода: больший доход связан с большим уровнем благополучия. П. Шинс (Schyns, 1998) по данным WVS выявил, что и индивидуализм, и уровень дохода связаны со счастьем, но что эффект индивидуализма исчезает, если контролировать доход. Если разделить страны по уровню богатства, то в богатых странах эффект индивидуализма воспроизводился, в бедных странах этот эффект пропал. Р. Вееenhoфен (Veenhoven, 1993, 1999) показал, что взаимосвязь между богатством и счастьем нелинейная, а эффект дохода ослабевает, когда достигается точка насыщения. К. Кенни (Kenney, 2005) также описывал более сильную взаимосвязь между уровнем дохода и данными Р. Вееenhoфена в развивающихся странах. Аналогичным образом Бонини (Bonini, 2008), используя многоуровневое моделирование и данные WVS, отмечал, что

на индивидуальном уровне влияние дохода на удовлетворенность жизнью снижалось в странах с более высоким доходом. Д. Ван Хемерт (Van Hempt et al., 2002) установил, что уровень депрессии (негативного аффекта) был выше в менее обеспеченных, менее демократически стабильных и более коллективистских обществах.

Данные ряда исследований согласуются в том, что благополучие связано как с богатством, так и с ценностями (особенно ценностями автономии и индивидуализма). Отдельно эффекты влияния богатства или индивидуализма трудно дифференцировать, так как и то и другое может быть индикатором «модернизации» (Inglehart, 1997). Названные исследования были сосредоточены на независимых следствиях обеих совокупностей переменных. Как уже обсуждалось выше, имеют место признаки того, что богатство и индивидуализм могут на самом деле взаимодействовать друг с другом (Schyns, 1998). Также предполагается, что имеют место нелинейные эффекты богатства (Veenhoven, 1991). Современные данные подтверждают нелинейные взаимосвязи в некоторых исследованиях (Veenhoven, 1993), но не во всех (Diener et al., 1995; Stevenson, Wolfers, 2008). Необходимо тщательно изучить эти нелинейные эффекты и эффекты взаимодействия.

Теоретические объяснения различий между обществами

Сначала Р. Фишер и Д. Бёр (Fischer, Voeg, 2011) провели обзор имеющейся литературы по благополучию и материальному богатству.

Обращение к такому показателю, как богатство, к теории потребностей (Schyns, 1998) и «livability theory» (теория, касающаяся минимума необходимых ресурсов для комфортной жизни) (Veenhoven, 1995) указывало на линейный прирост дохода и экономического процветания, которое связывалось с более высоким уровнем благополучия. Улучшение широко определяемых объективных условий жизни (образование, доход, равенство, стабильность, свобода и т.д.) ассоциируется с большим счастьем. Следовательно, большее богатство предоставляет лучшие возможности для удовлетворения потребностей и дает возможность жить более комфортно.

Данный теоретический подход представляется совместимым с нелинейными моделями, потому что это предполагает снижение предельной полезности дохода: когда базовые потребности, для реализации которых необходимы денежные средства, удовлетворены, дальнейший прирост богатства больше ничего не добавляет к общему уровню счастья (Diener et al., 1993; Diener, Seligman, 2004; Veenhoven, 1991). Этот аргумент является центральным в тезисе Р. Инглхарта (Inglehart, 1997) о постмодернизме. В контексте экономического дефицита, небольшое увеличение количества денег влечет за собой сравнительно многочисленные улучшения (например, в еде, одежде, безопасном жилье, медицинском обеспечении). Тем не менее, когда базовые потребности удовлетворены, дальнейший экономический рост не приведет к продолжению увеличения уровня благополучия. «С этого момента внеэкономические аспекты

жизни приобретают все более значимое влияние на то, как долго и насколько хорошо живут люди» (там же, р. 65). Поэтому нелинейная гипотеза связана с уменьшением предельной полезности дохода.

Дальнейшее развитие этого аргумента может помочь согласовать приведенные данные с доводами о растущей распространенности среди граждан США оценки себя как несчастливых людей, несмотря на беспрецедентное богатство страны (Lane, 2000; Schwartz B., 2000). Более высокий уровень дохода может приводить к негативным психологическим процессам, которые подрывают ощущение благополучия. Погоня за престижными товарами для того, чтобы повысить свой социальный статус, приводит к непрерывному изменению исходной точки отсчета. Это ситуация, когда, выигрывая в одном, проигрываешь в другом (не каждый может быть состоятельным), и при этом каждый вовлекается в негативное сравнение себя с состоятельным человеком, который, в свою очередь, скорее всего, ощущает себя менее благополучным (Binswanger, 2006; Hsee et al., 2008; Schwartz, 2004, 2010).

Второй механизм снижения уровня благополучия обсуждался в разных терминах, таких как «multi-option treadmill» (данный термин отсылает к попытке сделать лучший выбор из многих имеющихся в наличии возможных альтернатив, что вызывает стресс у человека, возникающий в результате необходимости выбрать оптимальный вариант, избежав негативных альтернатив) (Binswanger, 2006), «тирания свободы» (Desmeules, 2002; Schwartz, 2000) и

«перегрузка выбором» (Brenner, Rottenstreich, Sood, 1999; Iyengar, Lepper, 2000) в экономике, маркетинге и психологии. Однако отметим общее для всех подходов: наряду с тем, что отсутствие выбора связывается с отрицательной оценкой благополучия, увеличение возможности выбора позволяет людям пережить экономическую свободу и удовлетворить потребности. Однако в ходе дальнейшего роста возможностей выбора люди перегружаются информацией, они переживают издержки выбора (каждая выбранная альтернатива будет означать, что остальные, равным образом желанные варианты больше не доступны), людям становится свойственно испытывать сожаления после принятия решения или винить себя за принятие не самых оптимальных решений (Binswanger, 2006; Desmeules, 2002; Hsee, Hastie, 2006; Hsee et al., 2008; Schwartz B., 2010), поэтому увеличение богатства сверх пределов необходимого для удовлетворения базовых потребностей в сочетании с увеличением возможностей выбора в материальной сфере связано с негативными психологическими процессами и может приводить к общему снижению субъективного благополучия.

Если обратиться к влиянию ценностей, то выявляется, что механизм, лежащий в основе их взаимосвязи с индивидуализмом—коллективизмом, затрагивает не только материальные факторы. Наиболее вероятное теоретическое объяснение этого заключается в том, что индивидуалистские общества предоставляют индивидуумам больше свободы принимать решения относительно своей жизни и осуществлять выбор (Diener et al.,

1995; Veenhoven, 2008), а также меньше требуют жертвовать собой ради группы (Suh, Koo, 2008). Приписывание успеха в жизни собственной активности человека также может делать свой вклад в более высокий уровень благополучия (Diener et al., 1995). В модели культурных ценностей Ш. Шварца (Schwartz, 1994, 2004) индивидуализм обозначает аффективную и интеллектуальную автономию. В обществах, придающих значение этим двум типам автономии, люди получают поощрение в своем стремлении иметь эмоционально приятный опыт, от них ожидается культивирование и выражение своих собственных идей и нахождение смысла в своей уникальности.

Теория самодетерминации (Ryan, Deci, 2002) вносит предположение, что удовлетворение универсальных потребностей в автономии, принадлежности и компетентности связано с большим уровнем счастья и благополучия. Если люди могут удовлетворить эти потребности, их уровень благополучия должен быть высоким. В литературе по самодетерминации автономия представлена как последовательно связанная с большим благополучием в различных культурных контекстах (Chirkov et al., 2003, 2005). В социологии большая свобода выбора, автономия и активность стабильно связываются с ростом удовлетворенности жизнью, что продемонстрировано на 80 сообществах как в лонгитюдном исследовании, так и в поперечных срезах (Inglehart et al., 2008; Welzel, Inglehart, 2010). Объясняя различия в восприятии степени свободы, исследование указывает на важность демократии,

экономического развития и либеральных ценностей (Inglehart et al., 2008; Johnson, Lenartowicz, 1998; Welzel et al., 2003; Welzel, Inglehart, 2010). В общем и целом эти данные свидетельствуют в пользу причинной связи, при которой бóльшая свобода, предоставленная людям в более индивидуалистических обществах, превращается затем в бóльшие возможности выбора и возможности развиваться и следовать своим собственным целям, в конечном счете это приводит к большему благополучию как индивидов, так и обществ в целом.

Как и в ситуации с богатством, в этом случае тоже высказывались мнения о том, что эта тенденция не может продолжаться бесконечно: слишком много свободы личности и автономии могут быть не самым лучшим вариантом для людей и приводить к одиночеству, утрате идентичности и опустошенности (Barber, 2003; Cacioppo, Patrick, 2008; Cushman, 1990; Hogg, 2007; Schwartz B., 2010). Этот «постмодернистский парадокс» (Hogg, 2000, p. 231), по сути, снижает уровень благополучия за счет утраты социальных связей (Cacioppo, Patrick, 2008; Lane, 2000; Veenhoven, 1999), оставляя людей с недостаточной сетью социальной поддержки в одиночку справляться с кризисами или негативными событиями жизни (Lane, 2000; Veenhoven, 1999). Более того, чрезмерный индивидуализм связан с целым рядом факторов, которые затем расшатывают коллективное благополучие, такими как негативные социальные установки (религиозный фундаментализм, национализм, расизм, например: Barber, 2003), разрушение соци-

ального капитала (Flanagan, Lee, 2003; Putnam, 2000; см. контрапункты: Welzel, 2010), приверженность материальным ценностям и потребление с целью заполнения внутренней опустошенности (Cushman, 1990; Schwartz B., 2004, 2010).

Умеренный уровень индивидуализма, который уравнивает потребности человека в автономии и связанности с другими людьми, может быть наилучшим вариантом (Kagitcibasi, 2005; Vaclair et al., 2011) и приводить к самым высоким показателям благополучия. Следовательно, чрезмерный индивидуализм в западных обществах связан с понижением уровня благополучия за счет ослабления социальных связей, роста негативных социальных установок и приверженности материальным ценностям.

Рассматривая этот широкий спектр теоретических подходов, связанных с богатством, индивидуализмом и благополучием, Р. Фишер и Д. Бёр задались вопросом: что более значимо для благополучия – обеспечивать индивидов в среднем бóльшим количеством денег или предоставлять автономию так, чтобы индивиды могли делать свой собственный выбор в жизни? Существует ли тот предел, когда последующий рост богатства или автономии может иметь негативные последствия?

В первом исследовании Р. Фишер и Д. Бёр (Fischer, Boer, 2011) изучали колебания в уровне благополучия, измеренного при помощи опросника общего здоровья (GHQ) Д. Голдберга (Goldberg, 1972). Это наиболее популярный опросник как для исследования населения в целом, так и на

уровне сообществ. Авторы проанализировали 274 статьи, в которых приводились данные 400 выборок с участием 260 449 респондентов в 54 странах.

В своей трехуровневой модели метаанализа они обнаружили явное подтверждение влияния автономии, как и кубическую тенденцию для богатства и автономии. Кроме того, они выявили эффект взаимодействия между автономией и богатством. Общая нелинейная тенденция влияния уровня богатства находилась в соответствии с данными наблюдений отрицательного влияния экономического выбора и богатства («тирания свободы»). Аналогичная тенденция была выявлена для автономии, что можно рассматривать как некоторое подтверждение аргументов «постмодернистского парадокса». Слишком много богатства и автономии могут быть вредны. И наконец, взаимодействие между автономией и богатством наводит на мысль, что автономия наиболее значима в бедных странах, тогда как в богатых странах высокая степень индивидуализма и богатства не очень помогает понижению негативных показателей благополучия. Этот вывод поддерживает аргумент «компенсации внутренней опустошенности посредством потребления», свидетельствующий о том, что чрезмерный индивидуализм в богатых обществах имеет негативные побочные эффекты для благополучия.

В своем втором исследовании авторы изучали тревожность, которая измерялась опросником Спилбергера «Состояния и свойства тревожности» (Spielberger, Gorsuch, Lushene, 1970). Это короткая анкета

для самозаполнения, измеряющая тревожность, в которой проводится разграничение между такими уровнями тревожности, как состояние (временное ощущение) и свойство (более устойчивая тенденция). Поиск в базе данных PsychInfo и изучение опубликованных материалов привели в результате к тому, что было найдено 1007 источников, в итоге окончательная выборка состояла из 123 выборок 25 стран с 21 993 участниками по личностной тревожности и 124 выборок 28 стран с 15 596 участниками по ситуативной тревожности. Их результаты позволяют предположить, что как большее богатство, так и большая автономия связаны с меньшей тревогой, если рассматривать их по отдельности, но только автономия остается значимой, когда то и другое вводятся одновременно. Следовательно, результаты снова указывают на явное и выраженное влияние автономии. Не было выявлено эффектов взаимодействия, но проявилась некоторая сложная нелинейная взаимосвязь с богатством, позволяющая предположить, что богатство не связано напрямую с тревожностью. Вопреки аргументам «свободы выбора» и «multi-option treadmill» больший доход в богатых странах оказался связан с понижением тревожности (уровень благополучия выше). Была отмечена слабая тенденция изменения ситуационной тревожности, свидетельствующая в пользу аргументов «постмодернистского парадокса».

Наконец, в третьем исследовании Р. Фишер и Д. Бёр (Fischer, Voer, 2011) изучали различия в уровне благополучия, используя опросник по определению выгорания К. Маслач и

С. Джексона (Maslach, Jackson, 1981), специально сконцентрировавшись на компоненте эмоционального истощения, потому что это наиболее распространенный и наиболее полно описанный аспект выгорания (Maslach et al., 2003). Он оценивает степень индивидуального стресса выгорания и обращается к переживанию перенапряжения и ощущению истощения, с точки зрения эмоциональных и физических ресурсов. Для проведения исследования был взят материал 200 статей и 274 выборок с общим числом испытуемых 132 556 из 25 стран. И автономия и богатство были значимо связаны с эмоциональным истощением, если их рассматривать по отдельности, но только автономия оставалась значимой, если они вводились одновременно. Взаимодействие переменных также было значимым. Была отмечена незначительная отрицательная корреляция между индивидуализмом и эмоциональным истощением в богатых странах, но при этом очень высокая отрицательная корреляция в бедных странах, что воспроизводило паттерн первого исследования и подтверждало аргументы «компенсации внутренней опустошенности».

Во всех трех исследованиях было выявлено, что предоставление индивидуумам выбора в их жизни являлось хорошим индикатором уровня их психологического благополучия. С помощью различных индикаторов, разработанных в клинических исследованиях, был исключен ряд альтернативных объяснений, которые могли угрожать результатам прошлых исследований, включая валидность измерений и культурные предубеж-

дения. Эффекты взаимодействия были новыми и теоретически интересными, поскольку они привнесли особый нюанс в теорию потребностей и «livability theory». Если потребности не удовлетворены, большая свобода все равно может обуславливать некоторые возможности для улучшения благополучия. Напротив, в более обеспеченных обществах, где потребности легко удовлетворяются и потребление перемещается в направлении предметов роскоши, предоставление индивидуумам автономии может повысить уровень негативного восприятия благополучия в результате слишком большого доступного выбора и наличия слишком большого количества противоречащих потребностей. Кроме того, может иметь место давление в направлении конкуренции за увеличение благополучия и счастья, что, в сущности, подрывает благополучие. Следовательно, индивидуалистические общества переживают насыщение автономии, когда удовлетворяются потребности. Большая автономия в менее обеспеченных сообществах имеет некоторые положительные последствия вне зависимости от материальных условий.

Процветание не оказывало воздействия на благополучие коллективистских сообществ в такой же степени. Большее экономическое развитие было связано с понижением уровня негативной оценки благополучия, но эти эффекты были не такие явные, как в индивидуалистическом контексте. Наши результаты показывают, что «теория благоустроенности жизни» и культурная теория взаимодействуют и в своем сочетании помогают постичь существенные моменты,

касающиеся социального благополучия.

Что касается первоначального вопроса, поставленного политиками, о значимости денег или автономии, результаты исследований позволяют предположить, что предоставление автономии индивидуумам разных стран в целом имеет более масштабное и более стойкое влияние на психологическое благополучие, чем деньги. Деньги ведут к автономии (Welzel et al., 2003), но возникает впечатление, что это не увеличивает ощущения благополучия или счастья. Таким образом, деньги и богатство могут быть полезным средством для достижения свобод, которые затем могут делать вклад в уровень благополучия в обществе до определенного момента. Исследование наводит на мысль о том, что обществу необходимо сохранять равновесие жажды автономии и богатства — это важная информация для политиков.

Понимание временной динамики уровня коррупции

Коррупция — широко определяемая как *злоупотребление* должностью, доверием или властью для личной выгоды (Lambsdorff, 2006) — поставила в тупик исследователей и специалистов-практиков. Почему некоторые страны характеризуются значительным уровнем коррупции, тогда как в других странах уровень коррупции низкий и был таковым значительное время? Является ли коррупция несчастьем только бедных стран (Svensson, 2005)? Или есть иные переменные, кроме социального богатства, связанные с различиями уровня коррупции в разных

странах и с изменениями уровня коррупции в каждой из стран с ходом времени?

Важно найти ответ на этот вопрос для понижения уровня коррупции. Всемирные организации, такие как Transparency International (Transparency International, 2009), утверждают, что снижение коррупции важно для достижения социальных и экономических целей. Исследования также указывают на то, что коррупция имеет неблагоприятные последствия для социальной справедливости и оптимального распределения государственных средств (Gupta et al., 2002; Méon, Sekkat, 2003). Несмотря на это, факторы, ведущие к коррупции, плохо изучены. Теоретики ряда дисциплин разработали экономические, институциональные и социокультурные объяснения того, как и почему возникает коррупция (Becker, Stigler, 1974; Connelly, Ones, 2008; Rose-Ackerman, 1978; Zim, 2005). Обычно исследователи стремились проверять эти теории, анализируя отношения между уровнем коррупции в стране («социальная коррупция») и такими разнообразными переменными, как богатство, политические институты и социальные ценности (Connelly, Ones, 2008; Goel, Nelson, 2008; Sandholtz, Taagepera, 2005). С. О'Коннор и Р. Фишер (O'Connor, Fischer, 2012) сделали свой вклад в эту область исследований, проанализировав долговременные влияния переменных на уровне стран, которые обычно ассоциируются с коррупцией в кросс-национальном и временном аспектах. Авторы сфокусировались на индексе восприятия коррупции — одной из наиболее часто применяющихся оценок

уровня коррупции в международном масштабе (Treisman, 2007) — в качестве индикатора социальной коррупции и затем связали его с динамикой социальных ценностей, богатства и политических институтов в лонгитюдинальной многоуровневой модели.

Экономисты утверждают, что социальная коррупция представляет собой сумму коррупционной активности отдельных людей и что люди вовлекаются в коррупционные действия, когда возможность незаконно присвоить государственные средства совпадает с их личным побуждением к противоправным действиям (Becker, Stigler, 1974; Rose-Ackerman, 1978; Treisman, 2000; World Bank, 2009). Побудительный мотив сильнее, если присутствуют низкая вероятность раскрытия, отсутствие строгих взысканий и значительная выгода от коррупционных действий; и он меньше, если имеется высокая степень ответственности. Благоприятных возможностей больше, когда ресурсы, которые должны предназначаться для общественного пользования, доступны в приемлемой форме и у индивида есть свобода действий или монополия доступа к этим ресурсам (Klitgaard, 1988). Эта модель понимания коррупции как «возможность плюс побуждение» заимствована из экономики, но может быть также адаптирована для концептуализации взаимосвязей между социокультурными переменными и коррупцией.

Как и в случае с благополучием, целый ряд переменных связан с различиями в коррупции на уровне обществ. Для своего исследования С. О'Коннор и Р. Фишер (O'Connor, Fischer, 2012) использовали два измерения ценностей, разработанные

Р. Инглхартом и У. Бейкером (Inglehart, Baker, 2000), так как это были единственные эмпирические измерения, для которых имелись лонгитюдные данные большого количества стран. В первом измерении противопоставляются традиционные ценности (которые подчеркивают уважение к власти и почтительное отношение к родителям, социальную конформность, большее влияние религии и консервативное социальное поведение) и рациональные ценности (которые придают особое значение большему эгалитаризму и толерантности). Второе измерение противопоставляет ценности выживания (которые акцентированы на тяжелом труде, ограниченном количестве свободного времени, приверженности материальным ценностям, авторитарном правлении) и ценности самовыражения (в которых делается акцент на качестве жизни и правах человека выражать себя свободно и бросать вызов существующему порядку).

Ценности самовыражения могут снижать побуждение к коррупционным действиям, так как они акцентируют межличностное доверие и ставят заботу об интересах общества выше личной выгоды (Welzel, Inglehart, 2010). В подтверждение этому предположению К. Велзел с соавт. (Welzel et al., 2003) обнаружили, что страны, которые изначально характеризовались высокими показателями ценности самовыражения, обладали более низким уровнем коррупции (отсроченная корреляция между ценностями и коррупцией). У. Зандхольц и Р. Таагепера (Sandholtz, Taagepera, 2005) установили сходную взаимосвязь между ценностями

самовыражения и более низким уровнем коррупции в перекрестном анализе. Сходным образом, рациональные ценности могут создавать меньше возможностей для коррупции, поскольку они способствуют более эгалитарному обществу, в котором меньше укоренившихся иерархических структур и дисбаланс власти, что означает, что люди в обществе с более рациональными ценностями с меньшей вероятностью будут иметь возможность обладать — и потенциально злоупотреблять — высокой свободой действий и властью. В соответствии с этим предположением У. Зандхольц и Р. Таагепера (там же) установили, что рациональные ценности положительно коррелируют с более низким уровнем коррупции, и объясняли приблизительно четвертую часть различий средних показателей по коррупции между странами. Богатство также влияет на коррупцию. Люди в бедных странах обычно имеют больше побудительных мотивов для вовлечения в коррупционные действия в силу их сравнительно высокой выгоды. Низкий уровень дохода приводит к тому, что трудно становится сводить концы с концами и повышается вероятность появления стремления создать дополнительный источник дохода. Кроме того, страны с низким уровнем дохода часто обладают меньшими финансовыми ресурсами для создания эффективных институтов контроля за соблюдением закона, что делает менее вероятным выявление коррупции и наложение взыскания. В соответствии с этим предположением было обнаружено, что уровень коррупции выше в бедных странах (Lambsdorff, 2006; Svensson, 2005).

Наконец, политические институты (такие как расширенное правительство и демократические конвенции) также могут влиять на возможности и побуждения к коррупции. Страны с расширенным правительством могут предоставлять больше социальных услуг и возможностей в области трудоустройства и иметь больше представителей обеспечения правопорядка, что снижает побуждение к коррупции (вследствие более низкой «необходимости» и более высокого риска быть пойманным). Демократические конвенции могут с большей долей вероятности обязывать политиков и чиновников отчитываться за свой доступ к ресурсам, что снижает возможность коррупции. В свою очередь, более низкая коррупция в правительстве может уменьшить воспринимаемую социумом допустимость коррупции, что сократит коррупцию и среди широкой общественности (Tavits, 2005). В соответствии с этим предположением и более обширный государственный сектор (Goel, Nelson, 2008), и более высокий уровень демократии (Sandholtz, Taagepera, 2005; Treisman, 2000, 2007) оказались связаны с меньшим уровнем коррупции.

С. О'Коннор и Р. Фишер (O'Connor, Fischer, 2012) сосредоточили свое внимание на нескольких вопросах, оставшихся нерешенными. Во-первых, предыдущие исследования коррупции не обращались к изменениям и тенденциям длительного периода. Поэтому авторы проанализировали данные лонгитюдных исследований в 59 странах при помощи двухуровневой линейной модели роста (за 28 лет). Во-вторых, они одновременно рассматривали относительную значимость

богатства, политических институтов и ценностей, использовали данные о коррупции, богатстве, политических институтах и ценностях за период с 1980 по 2008 г. в 59 странах. В ходе многоуровневого анализа было обнаружено, что рост богатства связан с понижением уровня коррупции, но изменения размера правительства или демократия в качестве индикаторов институтов не оказывают влияния на коррупцию. Что еще более важно: ни одна из ценностей не объясняла никакие изменения коррупции с ходом времени. Следовательно, единственной переменной, которая может прогнозировать изменение уровня коррупции, был рост благосостояния. Тем не менее общие социальные различия (указывающие на различия исходных показателей коррупции) объяснялись уровнем благосостояния, размером правительства и ценностями самовыражения. Большой доход, большие государственные расходы и более высокие показатели ценностей самовыражения были связаны с большей транспарентностью.

Если обратиться к ценностям самовыражения, то подтверждаются представления о том, что это ценностное измерение связано со значимыми различиями *между* обществами (Welzel, 2010). Страны, где ценятся индивидуальная автономия, социальное разнообразие и более эгалитарные социальные структуры, с меньшей вероятностью будут коррумпированы вне зависимости от экономических условий. Возможно, это позволяет предположить, что низкий уровень коррупции связан с «заботой об интересах общества», другим коррелятом ценностей само-

выражения (там же). Напротив, рациональные ценности не продемонстрировали предполагавшейся связи с коррупцией ни при сравнении между странами, ни при сравнении внутри стран. Это противоречит колониальным взглядам, которые до сих пор пропагандируются многими политиками и сторонниками транспарентности (Ferrieux-Patterson, 2003) и подразумеваются другими кросс-культурными исследователями (Connolly, Ones, 2008), что общества с более высоким уровнем коррупции могут *не* нуждаться в том, чтобы следовать примеру обществ, разделяющих так называемые рациональные и секулярные «современные» ценности (Inglehart, Baker, 2000), чтобы понизить уровень коррупции. П. Лармур (Larmour, 2005) приводит данные о том, что некоторые тихоокеанские сообщества заимствовали новые институты для снижения уровня коррупции, но при этом сохранили традиционные институты и ценности. Таким образом, традиционные ценности не противоречат попыткам противостояния коррупции.

В общем и целом полученные данные позволяют предположить, что изучение ценностей может помочь в понимании разнообразия между обществами, но на сегодняшний день есть все основания считать, что ценности не вовлечены напрямую в социальные изменения уровня коррупции. Фактически ценности могут не быть *каузальной* переменной изменений, но скорее отражать предшествующие экономические и социальные изменения (Inglehart, Baker, 2000; Welzel et al., 2003). Итак, данные наших лонгитюдных исследований становятся важным напоминанием об

ограничениях анализа ценностей. Для лучшего понимания социальной и культурной динамики кросс-культурным психологам стоит расширить их набор переменных, например, включить показатель благосостояния и его непосредственные психологические корреляты.

Работа С. О'Коннора и Р. Фишера расширила предшествующие перекрестные и панельные исследования (Lambsdorff, 2006; Svensson, 2005; Welzel et al., 2003), продемонстрировав стойкие эффекты влияния благосостояния на динамику уровня коррупции внутри стран и между странами. Эти результаты в целом показывают, что перекрестный анализ на уровне стран не дает адекватного понимания того, что влияет на динамику уровня коррупции. Так, организации, стремящиеся снизить уровень коррупции, должны скорее сконцентрироваться на лучшем понимании долговременной социальной динамики внутри отдельной страны, чем просто переносить институты и экономические стратегии из стран, где уровень коррупции ниже, и ожидать при этом, что эти институты будут работать так же хорошо в новых условиях. Другими словами, наши данные могут служить основанием для критики тех ситуаций, когда учреждения, такие как Всемирный банк, поддерживают идею заимствования международного «передового опыта» в целях лучшего управления вместо поиска

культурно-релевантных решений. В частности, данное исследование не предоставляет оснований для поддержания импорта демократических институтов или (принудительного) усвоения рациональных ценностей в качестве средств для снижения уровня коррупции (по меньшей мере, в краткосрочной перспективе).

Заключение

Кросс-культурные психологи могут сделать большой вклад в современные дискуссии и интервенции, целью которых являются изменение и развитие общества или смягчение негативных последствий текущих событий. В этой статье я обрисовал три различных возможных варианта, относящихся непосредственно к области классического исследования. Затем я привел два примера исследований, в центре внимания которых было изучение процессов, важных для тех, кто принимает политические решения. Это лишь два примера из практики нашей исследовательской группы, могут быть найдены многие другие достойные внимания примеры. Я надеюсь на то, что кросс-культурные психологи будут больше привлекаться и применять научные методы для того, чтобы помогать решению важных социально значимых проблем.

Перевод с англ. Т.Д. Панюшевой

Литература

- Arrindell W.A., Hatzichristou C., Wensink J., Rosenberg E., Twillert B., Stedema J., Meijer D.* Dimensions of national culture as predictors of cross-national differences in subjective well-being // *Personality and Individual Differences*. 1997. 23. 1. 37–53.
- Barber B.R.* Jihad vs. McWorld. Terrorism's challenge to democracy. L.: Corgi Books, 2003.
- Becker G., Stigler G.* Law enforcement, malfeasance, and compensation of enforcers // *The Journal of Legal Studies*. 1974. 3. 1–18.
- Bhawuk D.P.S.* The role of culture theory in cross-cultural training: A multi-method study of culture specific, culture-general, and culture theory-based assimilators // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 1998. 29. 5. 630–655.
- Binswanger M.* Why does income growth fail to make use happier? Searching for the treadmills behind the paradox of happiness // *Journal of Socio-Economics*. 2006. 35. 366–381.
- Bonini A.N.* Cross-national variation in individual life satisfaction: Effects of national wealth, human development, and environmental conditions // *Social Indicators Research*. 2008. 87. 2. 223–236.
- Brenner L., Rottenstreich Y., Sood S.* Comparison, grouping, and preference // *Psychological Science*. 1999. 10. 225–229.
- Cacioppo J.T., Patrick W.* Loneliness. Human nature and the need for social connection. N.Y.: Norton, 2008.
- Chirkov V.I., Ryan R.M., Willness C.* Cultural context and psychological needs in Canada and Brazil: Testing a self-determination approach to the internalization of cultural practices, identity and well-being // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 2005. 36. 423–443.
- Chirkov V.I., Ryan R.M., Kim Y., Kaplan U.* Differentiating autonomy from individualism and independence: A self-determination theory perspective on internalization of cultural orientations and well-being // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2003. 84. 97–110.
- Christopher J.C.* Situating psychological well-being: Exploring the cultural roots of its theory and research // *Journal of Counselling and Development*. 1999. 77. 141–152.
- Connelly B., Ones D.* The personality of corruption: A national-level analysis // *Cross-Cultural Research*. 2008. 42. 4. 353–385.
- Cushman P.* Why the self is empty: Toward a historically situated psychology // *American Psychologist*. 1990. 45. 599–611.
- Desmeules R.* The impact of variety on consumer happiness: marketing and the tyranny of freedom // *Academy of Marketing Science Review*, 2002. 12. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.amsreview.org/articles/desmeules12-2002.pdf>
- Diener E.* Guidelines for National indicators of subjective well-being and ill-being // *Applied Research in Quality of Life*. 2006. 1. 151–157.
- Diener E., Diener M., Diener C.* Factors predicting the subjective well-being of nations // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1995. 69. 5. 851–864.
- Diener E., Oishi S., Lucas R.E.* Personality, culture, and subjective well-being: emotional and cognitive evaluations of life // *Annual Review of Psychology*. 2003. 54. 403–425.
- Diener E., Sandvik E., Seidlitz L., Diener M.* The relationship between income and subjective well-being: Relative or absolute // *Social Indicators Research*. 1993. 28. 195–223.
- Diener E., Seligman M.E.P.* Toward an economy of well-being // *Psychological Science in the Public Interest*. 2004. 5. 1. 1–31.

Ferrieux-Patterson M.N. Conflict of interest—Vanuatu's Experience: Conference Paper, 4th regional conference of the ADB/OECD Anti-Corruption Initiative for Asia and the Pacific, Kuala Lumpur, Malaysia, 2003. 3–5 December. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.adb.org/Documents/Books/Controlling-Corruption>.

Fischer R. Cross-cultural training effects on cultural essentialism beliefs and cultural intelligence // *International Journal of Intercultural Relations*. 2011. 35. 767–775.

Fischer R., Boer D. What is more important for national well-being: Money or autonomy? A meta-analysis of well-being, burnout and anxiety across 63 societies // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2011. 101. 164–184.

Fischer R., Hanke K. Are societal values linked to global peace and conflict? // *Peace and Conflict: Journal of Peace Psychology*. 2009. 15. 3. 227–248.

Flanagan S., Lee A.-R. The new politics, culture wars, and the authoritarian-libertarian value change in advanced industrial democracies // *Comparative Political Studies*. 2003. 36. 235–270.

Goel R., Nelson M.A. Causes of corruption: history, geography, and government // BOFIT Discussion Paper 6/2008, Bank of Finland. Helsinki, 2008.

Goldberg D.P. The detection of psychiatric illness by questionnaire: A technique for the identification and assessment of non-psychotic psychiatric illness. N.Y.: Oxford University Press, 1972.

Gupta S., Davoodi H., Alonso-Terme R. Does corruption affect income inequality and poverty? // *Economics of Governance*. 2002. 3. 23–45.

Hofstede G. Culture's consequences: comparing values, behaviors, institutions and organizations across nations. Thousand Oaks, CA: Sage, 2001.

Hogg M.A. Uncertainty-identity theory // M.P. Zanna (ed.). *Advances in experimental social psychology*. San Diego, CA: Academic Press, 2007. Vol. 39. P. 69–126.

Hsee C.K., Hastie R. Decision and experience: Why don't we choose what makes us happy? // *Trends in Cognitive Sciences*. 2006. 10. 1. 31–37.

Hsee C.K., Hastie R., Chen J. Hedonomics: Bridging decision research with happiness research // *Perspectives on Psychological Science*. 2008. 3. 3. 224–243.

Inglehart R. Modernization and post-modernization: Cultural, economic and political change in 43 societies. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1997.

Inglehart R., Baker W. Modernization, cultural change and the persistence of traditional values // *American Sociological Review*. 2000. 65. 19–51.

Inglehart R.F., Foa R., Peterson C., Welzel C. Development, freedom, and rising happiness. A global perspective (1981–2007) // *Perspectives on Psychological Science*. 2008. 3. 4. 264–285.

Iyengar S.S., Lepper M. When choice is demotivating: Can one desire too much of a good thing? // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2000. 76. 995–1006.

Johnson J.P., Lenartowicz T. Culture, freedom and economic growth: Do cultural values explain economic growth? // *Journal of World Business*. 1998. 33. 4. 332–354.

Karlan D., Zinman J. Microcredit in theory and practice: Using randomized credit scoring for impact evaluation // *Science*. 2011. 332. 1278–1286.

Kenny C. Does development make you happy? Subjective wellbeing and economic growth in developing countries // *Social Indicators Research*. 2005. 73. 199–219.

Khaled R., Barr P., Biddle R., Noble J., Fischer R. Game design strategies for collectivist persuasion // *Proceedings of the 36th International Conference and Exhibition*

on Computer Graphics and Interactive Techniques, SIGGRAPH 2009.

Klitgaard R. Controlling corruption. Berkeley, CA: University of California Press, 1988.

Lambsdorff J.G. Causes and consequences of corruption: What do we know from a cross-section of countries? // International handbook on the economics of corruption. Cheltenham, UK: Edward Elgar, 2006. 3–51.

Lane R.E. The loss of happiness in market democracies. New Haven, CT: Yale University Press, 2000.

Larmour P. Culture and corruption in the Pacific Islands: Some conceptual issues and findings from studies of National Integrity Systems. Asia Pacific School of Economics and Government Discussion Paper, Policy and Governance. Canberra: Australian National University, 2005.

Lipsey M.W., Wilson D.B. Practical meta-analysis. London: Sage, 2001.

Maslach C., Jackson S.E. The Maslach Burnout Inventory Manual. Palo Alto, CA: Consulting Psychologists Press, Inc., 1986.

Maslach C., Jackson S.E. The measurement of experienced burnout // Journal of Occupational Behaviour. 1981. 2. 99–113.

Maslach C., Schaufeli W.B., Leiter M.P. Job Burnout // Annual Review of Psychology. 2003. 52. 397–422.

Méon P., Sekkat K. Does corruption grease or sand the wheels of growth? // Public Choice. 2003. 122. 69–97.

Moore S.C. The value of reducing fear: an analysis using the European Social Survey // Applied Economics. 2006. 38. 115–117.

O'Connor S., Fischer R. Predicting corruption across time: Values, wealth or institutions? // Journal of Cross-Cultural Psychology. 2012. 43. 4. 644–659. Doi: 10.1177/0022022111402344 (in press).

Putnam R.D. Bowling alone. N.Y.: Simon & Schuster, 2000.

Rose-Ackerman S. Corruption: A study of political economy. N.Y.: Academic Press, 1978.

Ryan R.M., Deci E.L. Overview of self-determination theory: An organismic dialectical perspective // E.L. Deci, R.M. Ryan (eds). Handbook of self-determination research. Rochester, NY: University of Rochester Press, 2002. P. 3–36.

Sandholtz W., Taagepera R. Corruption, culture, and communism // International Review of Sociology. 2005. 15. 109–131.

Schwartz B. Be careful what you wish for: The dark side of freedom // R.M. Arkin, K. C. Oleson, P. J. Carroll (eds). The handbook of the uncertain self. N.Y.: Psychology Press, 2010. P. 62–77.

Schwartz B. The paradox of choice: Why more is less. N.Y.: Ecco Press, 2004.

Schwartz B. Self-determination: The tyranny of freedom // American Psychologist. 2000. 55. 79–88.

Schwartz S.H. Beyond individualism-collectivism: New cultural dimensions of values // U. Kim, H. C. Triandis, C. Kagitcibasi, S.C. Choi, G. Yoon (eds). Individualism and collectivism: Theory, method and applications. Thousand Oaks, CA: Sage, 1994. P. 85–119.

Schwartz S.H. Mapping and interpreting cultural differences around the world // H. Vinken, J. Soeters, P. Ester (eds). Comparing cultures, dimensions of culture in a comparative perspective. Leiden, The Netherlands: Brill, 2004. P. 43–73.

Schwartz S.H. Values: Cultural and individual // S.M. Breugelmans, A. Chasiotis, F.J.R. van de Vijver (eds). Fundamental questions in cross-cultural psychology, 2010.

Schyns P. Crossnational differences in happiness: Economic and cultural factors explored // Social Indicators Research. 1998. 43. 1. 3–26.

Spielberger C.D., Gorsuch R.L., Lushene R.D. Manual for the State-Trait Anxiety Inven-

tory. Palo Alto, CA: Consulting Psychologists Press, 1970.

Stevenson B., Wolfers J. Economic growth and subjective well-being: reassessing the Easterlin paradox. Brookings papers on Economic activity, 2008.

Suh E.M., Koo J. Comparing subjective well-being across cultures and nations: The «what» and «why» questions // M. Eid, R.J. Larsen (eds). The science of subjective well-being. N.Y.: Guilford Press, 2008. P. 414–427.

Svensson J. Eight questions about corruption // Journal of Economic Perspectives. 2005. 19. 19–42.

Tavits M. Causes of corruption: Testing competing hypotheses. Oxford: Nuffield College, University of Oxford, 2005.

Transparency International (2009). Corruption Perceptions Index. Retrieved. 2010. 2. January. [Электронный ресурс]. URL: http://www.transparency.org/policy_research/surveys_indices/cpi.

Treisman D. The causes of corruption: A cross-national study // Journal of Public Economics. 2000. 76. 399–457.

Treisman D. What have we learned about the causes of corruption from ten years of cross-national empirical research? // Annual Review of Political Science. 2007. 10. 211–244.

Van Hemert D.A., Van de Vijver F.J.R., Poortinga Y.H. The Beck Depression Inventory as a measure of subjective well-being: A cross-national survey // Journal of Happiness Studies. 2002. 3. 257–286.

Vauclair C.-M., Hanke K., Fischer R., Fontaine J.R.J. The structure of human values at the culture level: A meta-analytical replication of Schwartz's value orientations using the Rokeach value survey // Journal of Cross-Cultural Psychology. 2011. 42. 186–205.

Veenhoven R. The cross-national pattern of happiness: Test of predictions implied in three theories of happiness // Social Indicators Research. 1995. 34. 33–68.

Veenhoven R. Happiness in nations. The Netherlands: RISBO, Rotterdam, 1993.

Veenhoven R. Is happiness a trait? // Social Indicators Research. 1994. 32. 101–160.

Veenhoven R. Is happiness relative? // Social Indicators Research. 1991. 24. 1–34.

Veenhoven R. Quality-of-life in individualistic society. A comparison of 43 nations in the early 1990s // Social Indicators Research. 1999. 48. 157–186.

Veenhoven R. Sociological theories of subjective well-being // M. Eid, R.J. Larsen (eds). The science of subjective well-being. N.Y.: Guilford Press, 2008. P. 44–61.

Veenhoven R. World Database of Happiness. Erasmus University Rotterdam, 2009. [Электронный ресурс]. URL: <http://worlddatabaseofhappiness.eur.nl>.

Welzel C. How selfish are self-expression values? A civiness test // Journal of Cross-Cultural Psychology. 2010. 41. 152–174.

Welzel C., Inglehart R. Values, agency, and well-being: A human development model // Social Indicators Research. 2010. 97. 43–63.

Welzel C., Inglehart R., Klingemann H.D. The theory of human development: A cross-cultural analysis // European Journal of Political Research. 2003. 42. 341–379.

World Bank. Governance and anti-corruption. Retrieved September 25, 2009. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.worldbank.org/wbi/governance>.

Zim D.L. Afterword — Anthropology and corruption: The state of the art // D. Haller, C. Shore (eds.). Corruption: Anthropological Perspectives. L.: Pluto Press, 2005. P. 229–243.

УТОЧНЕННАЯ ТЕОРИЯ БАЗОВЫХ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ ЦЕННОСТЕЙ: ПРИМЕНЕНИЕ В РОССИИ

Ш. ШВАРЦ, Т.П. БУТЕНКО, Д.С. СЕДОВА, А.С. ЛИПАТОВА

Шварц Шалом (Schwartz Shalom H.) — заслуженный профессор психологического факультета Еврейского Университета (Hebrew University), профессор НИУ ВШЭ. Бывший президент Международной ассоциации кросс-культурной психологии (IACCP). Автор книг и статей по социальной, кросс-культурной, политической психологии, социологии, образованию, праву и экономике. За научные работы награжден наиболее престижной гражданской наградой Государства Израиль.

Контакты: msshach@mscc.huji.ac.il, shalom.schwartz@huji.ac.il

Бутенко Татьяна Петровна — младший научный сотрудник МНУЛ СКИ НИУ ВШЭ, кандидат психологических наук. Сфера научных интересов: ценности личности, культура и поведение, современные методы кросс-культурных исследований.

Контакты: tatiana.butenko@gmail.com

Седова Дарья Сергеевна — стажер-исследователь МНУЛ СКИ НИУ ВШЭ, аспирант факультета психологии МГУ им. М.В. Ломоносова.

Контакты: sedova.darya@gmail.com, dsedova@hse.ru

В данной научной работе использованы результаты проекта «Ценности и экономическое поведение: проверка объяснительных моделей в экспериментах и полевых исследованиях», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2012 г.

Липатова Анна Сергеевна — стажер-исследователь МНУЛ СКИ НИУ ВШЭ, соискатель на степень кандидата психологических наук МГУ им. М.В. Ломоносова. Сфера научных интересов: процессы в малых группах, ценности, групповые нормы, организационная культура, оценка персонала.

Контакты: alipatova@hse.ru, lipanya@mail.ru

Резюме

В статье представлена уточненная теория базовых индивидуальных ценностей Ш. Шварца (A Refined Theory of Basic Personal Values), призванная обеспечить большие эвристические и предсказательные возможности по сравнению с исходной теорией 10 ценностей (Schwartz, 1992), а также результаты ее проверки в российских условиях. Уточненная теория опирается на ключевое положение теории ценностей, которое нередко игнорируется в исследованиях: ценности формируют круговой мотивационный континуум. Теория выделяет 19 ценностей и располагает их на континууме: смежные ценности являются наиболее совместимыми, а противоположные находятся в наибольшем конфликте друг с другом. Проверка теории осуществляется с помощью русской версии методики на выборке из 506 человек. Конфирматорный факторный анализ и многомерное шкалирование показали наличие 19 ценностей.

Порядок ценностей, предсказанный в теории, в целом подтверждается результатами многомерного шкалирования.

Ключевые слова: теория ценностей, континуум ценностей, базовые ценности, структура ценностей, предсказательная сила ценностей.

Теория базовых ценностей Ш. Шварца (Schwartz, 1992) в последние 20 лет послужила основой сотен исследований¹. В них преимущественно проверялась связь 10 базовых ценностей по Ш. Шварцу или четырех метаценностей с различными установками, мнениями, типами

поведения, качествами личности и социально-демографическими показателями. В этих исследованиях также измерялись особенности развития ценностей в детском и юношеском возрасте и изменение ценностей во времени (напр.: Bardi et al., 2009; Knafo, Schwartz, 2003). В последнее

¹ Основанная на Интернет-публикациях Гугл Академия 3 декабря 2011 г. выводит более 6800 ссылок на три основные статьи, представляющие теорию (Schwartz, Bilsky, 1987; Schwartz, 1992, 1994). База данных PsycINFO и Гугл Академия выводят более 150 опубликованных исследований, относящихся к обзорам ценностей, основанных на теории.

время получили распространение исследования различимости 10 ценностей и порядка их расположения на мотивационном круге в соответствии с теорией (напр.: Bilsky, Janik, Schwartz, 2011; Perrinjaquet et al., 2007). Для измерения 10 ценностей исследователи разработали и успешно использовали пять различных типов методик (Döring et al., 2010; Lee, Soutar, Louviere, 2008; Oishi et al., 1998; Schwartz, 1992; Schwartz et al., 2001). Русифицированные версии этих методик применялись в ряде исследований (напр.: Белинская, 2003; Лебедева, 2000, 2001; Лебедева, Татарко, 2007; Тихомандрицкая, 2000; Ценности культуры и модели экономического поведения, 2011).

Все эти исследования рассматривают ценности как обособленные конструкты. Таким образом, ни одно из них не основывается на центральном тезисе теории, который Ш. Шварц сформулировал, впервые представляя свою теорию:

«... совокупность ценностей представляет собой мотивационный континуум, <...> мотивационные различия между ценностями могут рассматриваться скорее как непрерывные, чем как дискретные. Мы <...> рассматриваем их как отдельные, если это удобно для исследования. <...> наше разделение континуума, основанное на теории, является произвольным. Позже оно может быть заменено другим разделением, основанным на уточненной теории, так, что выделенные ею ценности будут обладать большей эвристической и предсказательной силой» (Schwartz, 1992, p. 45–46).

Последующие публикации не раз подтверждали этот тезис. Например:

«Круговое расположение ценностей представляет собой скорее континуум

связанных мотивов, больше похожий на цветовой спектр, чем на набор отдельных мотиваций. Его можно разделить на более широкие или более узкие ценностные конструкты...» (цит. по: Davidov, Schmidt, Schwartz, 2008, p. 424)

Данное исследование представляет собой уточнение теории и опирается на идею мотивационного континуума. Уточненная теория имеет своей целью разделение континуума на еще более содержательные, концептуально отличные друг от друга ценности, обладающие более универсальной эвристической и предсказательной силой. Мы начнем с проверки исходной теории ценностей и определим возможности для нового, потенциально более удобного разграничения концептов. Затем мы кратко опишем результаты исследований, проведенных в 10 странах, в которых была показана различимость более узко определяемых ценностей. В финальной части мы расскажем о процессе создания русскоязычной версии методики, которая операционализирует уточненную теорию, и представим результаты исследования, оценивающего ее.

Приведенный ниже пример иллюстрирует, как тонкое разграничение концептов может усовершенствовать теорию. Изначальное определение такой ценности, как Самостоятельность (Schwartz, 1992), включало два аспекта — автономию мыслей и автономию поступков. Исследования отношений между ценностями и личностными особенностями показали наличие сильной положительной корреляции между ценностью Самостоятельности и фактором «Открытость» из Большой Пятерки (напр.: Roccas et al., 2002). Повторный анализ

данных, проведенный Д. Капрара с соавт. (Cargara et al., 2006), когда были разделены автономия мыслей и автономия поступков (Schwartz et al., 2011), показал, что лишь автономия мыслей, а не поступков является источником данной корреляции.

Этот пример иллюстрирует преимущество уточненной теории, выделяющей в мотивационном континууме более узкие концептуально различные ценности. Такая теория может углубить наше понимание самой категории ценностей, а также расширить возможности использования ценностей при изучении других феноменов. Ниже приведен список из 19 ценностей, которые, по нашему предположению, фиксируют значимые различия мотиваций на континууме ценностей. Мы теоретически обосновываем выделение данных ценностей и порядок их расположения на мотивационном круге. Уточненная теория совместима с первоначальной структурой из десяти более широких конструктов, так как эти 19 ценностей охватывают тот же мотивационный континуум, что и изначальные десять. Комбинируя ценности, занимающие смежное положение на круге, можно снова получить первоначальный набор из десяти ценностей (или создать другие группы ценностей), отвечающих конкретному исследовательскому запросу.

Предлагаемое теорией разделение ценностного круга на 19 областей противоречит принципу экономии. Вместе с тем уточненная теория не требует от исследователей использования всех 19 ценностей. Спрашивать, нужны ли нам 19 ценностей, если у нас уже есть десять, — это то же самое, как спрашивать, нужны ли

нам миллиметры, если уже есть сантиметры. Ответ «да» в определенных ситуациях. Теория дает исследователям возможность работы с тем набором ценностей, который больше подходит для их целей. Они могут выбрать 19 ценностей или объединить их и работать с исходными десятью, четырьмя ценностями высшего порядка (Сохранение, Открытость изменениям, Самоутверждение, Самопреодоление) или даже двумя парами метаценностей (ценностей, выражающих интересы индивида, и ценностей, выражающих интересы группы, а также ценностей избегания тревоги и ценностей свободы от нее). Если исследователя интересует только одна часть ценностного круга, он выигрывает благодаря концептуальной точности и ясности уточненной теории, позволяющей различать ценности в интересующей его части круга более точно.

Уже существующие методики не предназначены для измерения набора из 19 ценностей, поэтому Ш. Шварцем была разработана новая методика. На основе данных, полученных в десяти странах, мы использовали эту методику, чтобы оценить, действительно ли можно выделить предполагаемые 19 ценностей (Schwartz et al., 2011). Далее мы представляем российскую версию опросника, а также проверку дискриминативности теории на данных, полученных в России. Мы также проверили, соответствует ли порядок ценностей в мотивационном круге порядку, предсказанному теорией.

Разработка списка из 19 ценностей

Ш. Шварц постулировал, что все индивидуальные ценности основны-

ваются на базовых условиях человеческого существования (одном или более): а) потребности организма, б) стремление к социальным взаимодействиям и в) потребность в принадлежности к группе. 19 ценностей основываются на этих условиях и соответствуют функциональным требованиям, выработанным Ш. Шварцем (Schwartz, 1992, 2006) для базовых ценностей. Они фокусируются на: а) личной или социальной выгоде от результата, б) росте и саморазвитии или избегании тревожности и защите, в) открытости к изменениям или сохранении статус-кво, г) направленности на собственное благо или благо других.

Для ценностей, исходное определение которых включает несколько аспектов, Ш. Шварц с соавт. (Schwartz et al., 2011) выделили концептуально различимые подтипы (по числу аспектов). Также была проанализирована возможность выделения среди уже существующих базовых ценностей значительных, но до сих пор не обозначенных ценностных конструктов. Были сформулированы теоретические основания наличия 19 ценностей, которым могли быть даны различные концептуальные определения. Гипотеза о возможности существования более узко определяемых ценностей была проверена на двух типах эмпирических данных, взятых из предыдущего исследования.

Вначале Ш. Шварц с соавт. (Schwartz et al., 2011) подробно

изучили полученные при многомерном шкалировании карты связей между пунктами ценностей (в каждой из 344 выборок в 83 странах). Карты были построены на основе данных, полученных с помощью Ценностного опросника Шварца, который состоит из 56–57 пунктов (SVS: Schwartz, 1992, 2006) и Портретного ценностного опросника, состоящего из 40 пунктов (PVQ: Schwartz, 2006; Schwartz et al., 2001). Исследование было направлено на поиск в картах визуальных доказательств того, что гипотетические подтипы ценностей, обоснованные теорией, различимы эмпирически. Далее были проанализированы результаты четырех исследований с помощью конфирматорного факторного анализа ценностей, что помогло выявить наличие субфакторов². В одном из исследований анализируются данные, полученные с помощью SVS (Schwartz, Boehnke, 2004), и в трех – с помощью PVQ (Beierlein et al., 2011; Cieciuch, Schwartz, 2012; Knoppen, Saris, 2009). Авторы этих исследований искали подтверждающие или опровергающие статистические доказательства этих потенциальных, теоретически обоснованных подтипов.

Основываясь на результатах вышеописанных методов, Ш. Шварц с соавт. (Schwartz et al., 2011) выявили 19 базовых ценностей с потенциально различным мотивационным смыслом. В таблице 1 представлены 19 ценностей уточненной теории и

² Были включены только исследования, где анализировались связи между, по крайней мере, тремя пунктами, измеряющими каждую ценность. Такое количество является минимальным для того, чтобы пролить свет на возможные подтипы ценностей.

Таблица 1

**19 ценностей уточненной теории, каждая из которых определена
в терминах своей мотивационной цели**

Ценность	Концептуальное определение с точки зрения мотивационной цели
Самостоятельность — Мысли	Свобода развивать собственные идеи и способности
Самостоятельность — Поступки	Свобода определять собственные действия
Стимуляция	Стремление к возбуждению, новизне и переменам
Гедонизм	Стремление к удовольствию и чувственному удовлетворению
Достижение	Достижение успеха в соответствии с социальными стандартами (нормами)
Власть — Доминирование	Влияние посредством осуществления контроля над людьми
Власть — Ресурсы	Влияние посредством контролирования материальных и социальных ресурсов
Репутация	Защита и влияние посредством поддержания публичного имиджа и избегания унижения
Безопасность — Личная	Безопасность непосредственного окружения
Безопасность — Общественная	Безопасность и стабильность общества в целом
Традиция	Поддержание и сохранение культурных, семейных или религиозных традиций
Конформизм — Правила	Соблюдение правил, законов и формальных обязательств
Конформизм — Межличностный	Избегание причинения вреда или огорчения другим людям
Скромность	Признание незначительности существования одного человека в круговороте жизни
Универсализм — Забота о других	Стремление к равенству, справедливости и защите всех людей
Универсализм — Забота о природе	Сохранение природной среды
Универсализм — Толерантность	Принятие и понимание тех, кто отличается от тебя
Благожелательность — Забота	Преданность группе и благополучие ее членов
Благожелательность — Чувство долга	Стремление быть надежным и заслуживающим доверия членом группы

дается определение каждой из них в терминах мотивационных целей.

Оценка уточненной теории ценностей

В прошлых исследованиях для объяснения и прогнозирования успешно применялись десять ценностей исходной теории. Тем не менее исследователи отмечали различные проблемы таких измерений: в частности, мультиколлинеарность между смежными ценностями, низкую внутреннюю валидность показателей и перекрестную нагрузку пунктов разными факторами (напр.: Davidov et al., 2008; Knoppen, Saris, 2009). Уточненная ценностная теория и шкала, разработанная для ее измерения, разрешают эти проблемы. Увеличивая число различаемых нами ценностей до 19, мы можем определить каждую из них более точно. При этом теория и шкала избавляются от неоднородности, связанной с включением в состав разнородных компонентов прежних (более широких) ценностей. Использование однородного набора пунктов для оценки каждой ценности увеличивает корреляцию между пунктами, которые ее измеряют, и внутреннюю надежность шкал. Это также уменьшает перекрестную нагрузку пунктов и мультиколлинеарность. 19 ценностей охватывают все основные компоненты исходных десяти ценностей. Таким образом, более детальное разбиение континуума сохраняет полноту охвата мотивационных целей, которые его образуют.

Новая шкала включает три пункта для каждой ценности: минимум, необходимый для проведения кон-

фирматорного ФА (Bollen, 1989; Brown, 2006). Для исследования был принят формат опросника PVQ, где каждый из пунктов был ограничен одним предложением. Эти предложения описывают цели личности, устремления или желания, которые неявно указывают на важность той или иной ценности. Например, пункт «Для него важно никогда не быть униженным» описывает человека, для которого важна ценность Репутации, а пункт «Для него важно соблюдать все законы» описывает человека, ценящего Конформизм — Правила. Относительно каждого описания респонденты указывают, насколько похож данный человек на них самих. Ценности респондентов выводятся из имплицитных ценностей людей, которых они считают похожими на себя. Шкала ответов содержит 6 альтернатив: 0 — совсем не похож на меня, 1 — не похож на меня, 2 — мало похож на меня, 3 — немного похож на меня, 4 — похож на меня, 5 — очень похож на меня.

Порядок расположения 19 ценностей в круговом мотивационном континууме

Исходная теория ценностей определяет порядок расположения ценностей по кругу. Ш. Шварц (Schwartz, 1992, 1994) основывал порядок расположения ценностей на отношениях конфликта или совместности каких-либо ценностей, которые переживают люди, стремясь воплотить их в единственном решении или действии. Например, решение бросить вызов власти создает конфликт между Самостоятельностью и Конформизмом, но способствует

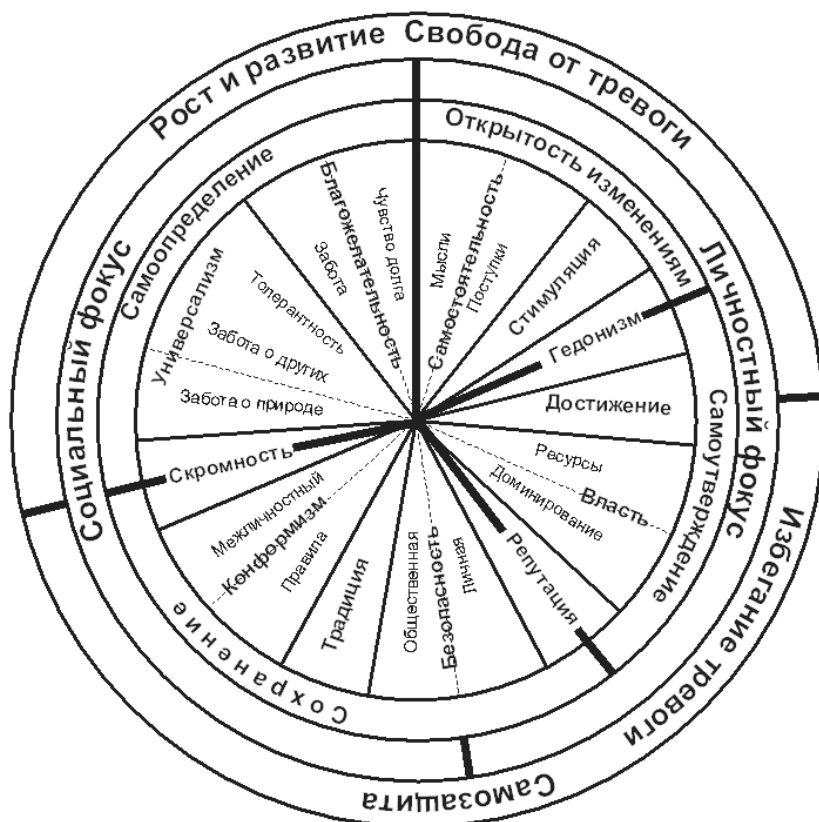
проявлению и Самостоятельности, и Стимуляции. Вторым фактором, определяющим порядок ценностей, является их нацеленность на личные (например, Гедонизм) или социальные (например, Традиция) результаты. Дальнейшее усовершенствование теории добавило также другие основания для определения порядка (Schwartz, 2006, 2009): является ли целью для данной ценности избегание тревоги (например, Безопасность) или же относительная свобода от тревоги (Универсализм); помо-

гает ли она справляться с угрозами извне (например, Власть) или способствует саморазвитию и росту (например, Благожелательность)

Основываясь на этом теоретическом построении, Ш. Шварц с соавт. (Schwartz et al., 2011) разработали предварительную схему расположения 19 ценностей, представленную на рисунке 1. Три внешних круга определяют концептуальные основы порядка расположения ценностей. Ценности в верхней части внешней окружности выражают рост

Рисунок 1

Круговой мотивационный континуум 19 ценностей с указанием причин их размещения в данном порядке

и саморазвитие и мотивируют людей, когда они не испытывают беспокойства (тревоги). Ценности в нижней половине внешней окружности направлены на защиту себя от угроз и беспокойства. Ценности справа в третьем круге от центра имеют личную направленность, они связаны с получением выгоды для себя. Те, что находятся слева в этом круге, имеют социальную направленность; они связаны с другими людьми или устоявшимися институтами.

Второй круг от центра очерчивает границы между четырьмя ценностями более высокого порядка, в которые все ценности могут быть объединены. Ценности Открытости изменениям подчеркивают готовность к новым или преобразующим идеям, действиям и переживаниям. Они контрастируют с ценностями Сохранения, которые акцентированы на избегании изменений, самоограничении и порядке. Ценности Самоутверждения входят в стремление к удовлетворению собственных интересов. С ними контрастируют ценности Самопреодоления с акцентом на преодолении личных интересов ради других. Гедонизм включает элементы как Открытости изменениям, так и Самоутверждения. В пределах внутреннего круга 19 ценностей выстраиваются таким образом, что достижение любой ценности на одной стороне круга, скорее всего, будет в конфликте с достижением ценностей, находящихся на другой стороне круга³. Мы немного изменили поряд-

док ценностей в круге, чтобы отразить результаты, устойчиво воспроизводившиеся во всех странах, принявших участие в исследовании Ш. Шварца с соавт. (Schwartz et al., 2011).

Доказательства уточненной теории ценностей, полученные в предыдущих исследованиях

Сейчас мы кратко представим первые подтверждения уточненной теории, полное описание которых можно найти в статье Ш. Шварца с соавт. (Schwartz et al., 2011). Данные были получены при опросе 15 выборок студентов ($N = 3909$) и взрослых ($N = 2150$) в Финляндии, Германии, Израиле, Италии, Новой Зеландии, Польше, Португалии, Швейцарии, Турции и США. Участники заполняли опросник на своем родном языке. В случае если в данном языке существовало грамматическое различие по роду, были использованы мужская и женская версии. Опросники заполнялись в письменной форме, как онлайн, так и очно. 57 пунктов были размещены случайно, с тем ограничением, что каждая треть теста должна была включать по одному пункту каждой из 19 ценностей.

Различимость 19 ценностей и связи между ними оценивались двумя способами: с помощью конфирматорного ФА и многомерного шкалирования. Для конфирматорного ФА выборки были объединены в две группы: 9 выборок, которые использовали

³ Расстояния между ценностями по кругу могут быть не одинаковыми. Таким образом, визуально противоположные ценности, скорее всего, будут антагонистическими, но не обязательно будут находиться в наиболее сильном конфликте.

6-балльную шкалу ответов, и 6 выборок, использовавших 11-балльную шкалу. Каждой выборке был присвоен равный вес. При проведении многомерного шкалирования каждая из 15 выборок была проанализирована отдельно. Также было проведено одно объединенное исследование всех данных по выборкам, где использовалась 6-балльная шкала, и такое же — где 11-балльная.

Основываясь на результатах исследований конфирматорного ФА, Ш. Шварц с соавт. (Schwartz et al., 2011) удалили 9 из этих 57 пунктов. После этого модель приобрела хорошую степень статистического соответствия данным обеих объединенных выборок. Все нагрузки пунктов были значимыми и выше 0.4. Корреляции между 19 латентными факторами подтвердили предположение о различимости каждой ценности. Таким образом, данные конфирматорного ФА не только послужили подтверждением нового теоретически предсказанного набора 19 ценностей, но также заставили обратить внимание на дальнейшее улучшение шкалы измерений. Конфирматорный ФА второго порядка использовался, чтобы определить, могут ли 19 ценностей быть объединены, чтобы получить исходные 10 базовых ценностей. Шесть ценностей, которые уточненная теория делит на целый ряд ценностей, были объединены следующим образом: Безопасность (Безопасность — Личная, Безопасность — Общественная и Репутация), Универсализм (Универсализм — Забота о других, Универсализм — Забота о природе, Универсализм — Толерантность), Самостоятельность (Самостоятельность —

Мысли и Самостоятельность — Поступки), Власть (Власть — Ресурсы и Власть — Доминирование), Конформизм (Конформизм — Правила, Конформизм — Межличностный и Скромность) и Благожелательность (Благожелательность — Чувство долга и Благожелательность — Забота). На основании анализа обеих объединенных выборок исследователи пришли к заключению, что данные, полученные в формате 19 ценностей, могут отражать и десять исходных базовых ценностей.

Ш. Шварц с соавт. (Schwartz et al., 2011) выполнили отдельные для каждой из 15 выборок и двух объединенных выборок анализы с помощью метода многомерного шкалирования, используя только 48 пунктов, оставленных после конфирматорного ФА. В результате для каждой выборки была получена двумерная пространственная карта взаимосвязей между пунктами. При этом пространство, где располагаются пункты, разбивается на области, показывающие *априорные* ценности. В 80% выборок 17 из 19 ценностей сформировали различимые области. Почти в каждой выборке все 19 ценностей сформировали или различимые области, или области, объединенные со смежной на теоретическом мотивационном круге ценностью. В 13 выборках все 48 ценностных пунктов оказались вместе с другими пунктами, измеряющими ту же ценность, или с пунктами смежной ценности. В целом результаты многомерного шкалирования подтвердили различимость 19 ценностей и показали, что ни один из пунктов опросника не является проблемным.

Результаты многомерного шкалирования также в значительной степени подтвердили предсказанный теоретически порядок 19 ценностей в мотивационном круге (см. рисунок 1). Однако Универсализм и Благожелательность поменялись местами в 15 выборках. В результате ценности Благожелательности оказались смежными с ценностями Самостоятельности, а три ценности Универсализма — смежными с Конформизмом — Межличностным или Скромностью. Также были некоторые вариации в порядке следования смежных ценностей в отдельных выборках. Тем не менее результаты подтверждают предположение, что 19 ценностей охватывают тот же мотивационный континуум, что и исходные десять. Кроме того, проекции многомерного шкалирования подтвердили выводы, сделанные на основе фирматорного ФА, что 19 ценностей могут быть объединены для получения десяти изначальных.

Оценка уточненной теории и метода в России⁴

Выборка и процедура исследования

Сбор данных происходил с декабря 2011 по февраль 2012 г. в Москве и Московской области. Для исследования мы объединили две отдельные

выборки. Одна выборка (N = 200) участвовала в исследовании связи ценностей и установок по отношению к частной собственности (Павленко, 2012). Вторая выборка участвовала в исследовании отношений между ценностями и креативностью личности (Стефанов, неопубликованные данные)⁵.

Настоящее исследование было направлено на оценку валидности пересмотренной теории ценностей и русской версии методики. Мы не стремились измерить ценностные приоритеты отдельной группы или сопоставить ценности различных групп. Поэтому мы использовали легкодоступную, «удобную» выборку. Студенты и взрослые были вовлечены в исследование при помощи техники «снежного кома», начиная с коллег исследователей. Студенты являются учащимися различных факультетов (психологии, менеджмента, лингвистики, медицины, социологии, дизайна, экономики, инженерных, художественных, юридических) разных вузов.

Объединенная выборка состояла из 506 респондентов, среди них 342 студента и 164 взрослых, 59% из них женщины, средний возраст — 27.0 года (стандартное отклонение — 11.7). Они заполняли опросник в бумажном (71.5%) или электронном варианте (28.5%), индивидуально (94%) или в группе (6%).

⁴ В данной научной работе использованы результаты проекта «Ценности и экономическое поведение: проверка объяснительных моделей в экспериментах и полевых исследованиях», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2012 г.

⁵ Мы благодарим О. Павленко и А. Стефанова за предоставленные данные (исследование А. Стефанова было проведено в рамках проекта «Ценности и экономическое поведение: проверка объяснительных моделей в экспериментах и полевых исследованиях», входящего в Программу фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2012 г.).

Сначала респонденты заполняли опросник PVQ-R (PVQ-Revised, Портретный опросник ценностей — Пересмотренный), затем в зависимости от исследования отвечали на ряд вопросов, связанных с установками по отношению к частной собственности либо с креативностью; ответив на вопросы, они указывали свои социально-демографические данные.

*Портретный ценностный
опросник — Пересмотренный
(Portrait Values Questionnaire-Revised —
PVQ-R)*

Каждая из ценностей в методике PVQ-R измеряется тремя пунктами. Это минимум, который необходим для проведения конфирматорного факторного анализа, контролирующего случайные и неслучайные ошибки измерения (Bollen, 1989; Brown, 2006). Каждый вопрос описывает цели личности, ожидания или желания, которые неявным образом указывают на важность той или иной ценности. Для каждого такого портрета респондент определяет, насколько описываемый человек похож на него по шестибалльной шкале: 1 — совсем не похож на меня, 2 — не похож на меня, 3 — мало похож на меня, 4 — немного похож на меня, 5 — похож на меня, 6 — очень похож на меня. Все респонденты получили соответствующие их полу версии опросника, которые различались только по грамматической структуре. Пункты были расположены в случайном порядке. Единственным условием было, чтобы между вопросами, измеряющими соседние (на мотивационном круге) ценности, находилось как минимум два вопроса.

Основываясь на результатах конфирматорного факторного анализа, Ш. Шварц с соавт. (Schwartz et al., 2011) удалили 9 пунктов, входивших ранее в опросник. Поэтому мы разработали 9 новых вопросов, чтобы для измерения каждой ценности было 3 пункта. Мы использовали когнитивные интервью для того, чтобы оценить, понятен ли каждый из этих 9 пунктов потенциальным респондентам, как планировалось исследователями, а затем модифицировали их при необходимости. Авторы, а также еще двое русскоговорящих экспертов оценивали далее то, насколько ясным является каждый пункт. Вопросы разрабатывались одновременно на русском и английском языках, и их обратные переводы проверялись. В первой колонке таблицы 2 приведены 57 пунктов, использованные в данном исследовании, с указанием того, какую именно ценность каждый из них измеряет.

Статистический анализ

Конфирматорный факторный анализ. Факторная структура ценностей была проанализирована с помощью конфирматорного ФА, при использовании программы Mplus 5.1 (Muthén, Muthén, 1998–2008). Мы оценивали параметры по методу максимального подобия. Теоретическая модель предполагала наличие 19 отдельных факторов (19 ценностей), каждый из которых измерялся с помощью трех пунктов. Нагрузка одного пункта для каждой ценности была приравнена к 1, другие факторные нагрузки определялись свободно, ковариация между ошибками не включалась в модель. Предыдущее

исследование указывало на необходимость корректировки данных в связи с отклонениями (например, такими как социальная желательность), которые влияют на важность, приписанную ценностям независимо от «истинных» ценностных приоритетов людей (см., напр.: Schwartz, 1992, 2006). Чтобы контролировать данное отклонение, мы включили в модель общий фактор, на который влияют все пункты (Podsakoff et al., 2003). Поскольку степень такого отклонения изменяется от ценности к ценности (Schwartz et al., 1997), мы позволили нагрузкам пунктов на общем факторе изменяться через все пункты, присваивая фактору значение, равное 1.

С пропущенными значениями мы работали с помощью метода полного максимального правдоподобия, который привлекает все доступные данные, чтобы оценить параметры модели, не включая недостающие значения (Arbuckle, 1996). Мы использовали множественные индексы подгонки, считая параметры значимости CFI > 0.90 (Bentler, 1990), RMSEA < 0.08 (Browne, Cudeck, 1993) и SRMR < 0.06 (Hu, Bentler, 1999) — показателями согласованности модели.

Многомерное шкалирование. Чтобы оценить структуру связей между 19 ценностями и их положение внутри кругового мотивационного континуума, мы провели многомерное шкалирование с помощью программы SPSS.18 MDS Proxscal. Мы

включили все пункты, кроме выброшенных на основе конфирматорного ФА. Мы также использовали многомерное шкалирование, чтобы оценить, могут ли 19 ценностей сформировать структуры, сопоставимые с исходными структурами, формируемыми десятью ценностями и четырьмя ценностями высшего порядка. Мы использовали круговую конфигурацию (Bilsky et al., 2011), назначенную на основе теоретически предполагаемого круга (см. рисунок 1)⁶.

Результаты

Описательные статистики

Таблица 2 показывает значения и стандартные отклонения 57 ценностных пунктов и 19 ценностей. Необходимо осуществлять корректировку особенностей индивидуального использования респондентом шкалы для более точного измерения его ценностных приоритетов. Мы использовали стандартную процедуру центрирования ответов каждого человека относительно его/ее медианы (см.: Schwartz, 2005a, 2006). Так происходит перевод абсолютных значений ценностей в относительные, которые указывают на важность той или иной ценности человека относительно других ценностей, т.е. на ценностные приоритеты человека.

Конфирматорный факторный анализ

Индекс CFI для исходной модели, включавшей 57 пунктов и 19 факторов ценностей плюс общий фактор,

⁶ Дизайн-матрица основывалась на так называемом «интуитивном» расположении координат: каждой из 19 ценностей был назначен определенный угол, приблизительно в 19 градусов (так как $19 \times 19 \approx 360$). Результаты сходны с полученными по методу интуитивных конфигураций Торгерсона.

Таблица 2

Средние значения (M), стандартные отклонения (SD) и нагрузки ценностных пунктов, а также средние значения, стандартные отклонения и надежность 19 ценностей

Пункт	Названия ценностей и пункты опросника	M	SD	Нагрузки		M (SD)	Индексы качества
				ценностный фактор	общий фактор		
<i>Самостоятельность – Мысли</i>						4.55	0.765
ССм1	Ему важно мыслить творчески	4.43	1.09	0.449	-0.115	(0.74)	
ССм2	Для него важно иметь оригинальные идеи и формировать собственные суждения	4.70	1.01	0.678	-0.011		
ССм3	Для него важно узнавать новое о вещах и явлениях и хорошо разбираться в них	4.52	0.99	0.565	0.011		
<i>Самостоятельность – Поступки</i>						4.70	0.793
ССп1	Ему важно принимать свои собственные решения, касающиеся его жизни	4.92	0.88	0.581	-0.068	(0.74)	
ССп2	Для него важно делать все независимо	4.13	1.20	0.551	0.267		
ССп3	Свобода действий важна для него	4.92	0.88	0.741	-0.023		
<i>Стимуляция</i>						4.10	0.814
СТ1	Для него важно всегда искать разнообразия в деятельности	4.56	1.09	0.655	0.175	(0.96)	
СТ2	Для него важен азарт в жизни, даже если он сопряжен с риском	3.49	1.48	0.442	0.383		
СТ3	Ему важно испытывать разнообразные виды нового опыта	4.24	1.20	0.680	0.226		
<i>Гедонизм</i>						4.40	0.886
ГЕ1	Для него важно хорошо проводить время	4.86	0.88	0.688	0.063	(0.87)	
ГЕ2	Наслаждаться удовольствиями жизни важно для него	4.54	1.06	0.831	0.086		
ГЕ3	Для него важно пользоваться любой возможностью повеселиться	3.78	1.26	0.673	0.286		

Таблица 2 (продолжение)

Пункт	Названия ценностей и пункты опросника	M	SD	Нагрузки		M (SD)	Индексы качества
				ценностный фактор	общий фактор		
<i>Достижение</i>							
ДО1	Быть честолюбивым в жизни важно для него	3.89	1.15	0.439	0.155	(0.83)	
ДО2	Быть очень успешным важно для него	4.34	1.07	0.663	0.164		
ДО3	Ему важно, чтобы люди восхищались его достижениями	4.02	1.26	0.689	0.125		
<i>Власть – Ресурсы</i>							
ВЛр1	Для него важно ощущать власть, которую могут дать деньги	3.01	1.45	0.785	0.200	(1.16)	
ВЛр2	Для него важно быть богатым	3.59	1.26	0.805	0.165		
ВЛр3	Обладать дорогими вещами, которые демонстрируют его богатство, важно для него	2.75	1.35	0.722	0.254		
<i>Власть – Доминирование</i>						3.21	0.907
ВЛд1	Для него важно, чтобы люди делали то, что он им говорит	3.93	1.18	0.645	0.061	(1.11)	
ВЛд2*	Ему важно иметь власть, чтобы заставлять людей делать то, что он хочет	2.74	1.42	---	---		
ВЛд3	Быть тем, кто указывает другим, что делать, важно для него	2.95	1.37	0.792	0.341		
<i>Репутация</i>						4.41	0.845
РЕП1	Ему важно, чтобы никто никогда не мог его пристыдить	4.12	1.11	0.632	0.068	(0.71)	
РЕП2	Для него важно сохранять свое лицо в глазах других	4.62	.83	0.710	-0.021		
РЕП3	Для него важно никогда не быть униженным	4.49	1.00	0.657	-0.004		
<i>Безопасность – Личная</i>						4.20	0.789
БЕЗл1	Избегать болезней и заботиться о своем здоровье очень важно для него	4.09	1.12	0.589	-0.033	(0.77)	

Таблица 2 (продолжение)

Пункт	Названия ценностей и пункты опросника	M	SD	Нагрузки		M (SD)	Индексы качества
				ценностный фактор	общий фактор		
БЕЗл2	Для него исключительно важна его личная безопасность	4.02	1.10	0.656	-0.166		
БЕЗл3*	Для него очень важно, чтобы район его проживания был безопасным	4.48	1.11	---	---		
<i>Безопасность – Общественная</i>						4.18	0.901
БЕЗо1	Для него важно, чтобы его страна защищала себя от всех угроз	4.18	1.16	0.601	-0.143	(0.91)	
БЕЗо2	Иметь сильное государство, которое может защитить своих граждан, очень важно для него	4.13	1.22	0.695	-0.118		
БЕЗо3	Стабильность и порядок в обществе важны для него	4.22	1.04	0.764	-0.288		
<i>Традиция</i>						3.26	0.923
ТР1	Для него важно поддерживать традиционные ценности или верования	3.36	1.30	0.829	0.071	(1.07)	
ТР2	Ему важно следовать обычаям семьи или обычаям его религии	3.28	1.33	0.878	0.129		
ТР3	Он очень ценит возможность принимать участие в традициях своей культуры	3.14	1.21	0.667	0.176		
<i>Конформизм – Правила</i>						3.05	0.908
КОНп1	Никогда не нарушать правила и предписания важно для него	3.04	1.21	0.762	-0.100	(1.05)	
КОНп2	Ему важно соблюдать правила, даже когда никто не наблюдает за ним	3.04	1.31	0.805	0.022		
КОНп3	Для него важно соблюдать все законы	3.08	1.25	0.773	-0.082		
<i>Конформизм – Межличностный</i>						3.97	0.787
КОНм1*	Ему важно избегать огорчения других людей	4.30	1.15	---	---	(0.80)	

Таблица 2 (продолжение)

Пункт	Названия ценностей и пункты опросника	M	SD	Нагрузки		M (SD)	Индексы качества
				ценностный фактор	общий фактор		
КОНм2	Ему важно никогда никого не раздражать	3.19	1.27	0.642	-0.038		
КОНм3	Для него важно быть тактичным и избегать назойливости по отношению к людям	4.42	0.98	0.599	-0.345		
<i>Скромность</i>						3.51	0.751
СКР1*	Ему важно никогда не быть хвастливым или иметь большое самомнение	3.92	1.18	---	---	(0.86)	
СКР2	Для него важно быть скромным	3.42	1.22	0.728	-0.199		
СКР3	Никогда не искать публичного внимания и похвалы важно для него	3.20	1.33	0.492	-0.159		
<i>Благожелательность – Забота</i>						4.84	0.852
БЛз1	Заботиться о близких ему людях важно для него	5.07	0.78	0.720	-0.176	(0.64)	
БЛз2	Помогать дорогим ему людям очень важно для него	5.01	0.83	0.553	-0.270		
БЛз3	Заботиться обо всех потребностях близких людей важно для него	4.44	0.91	0.738	-0.026		
<i>Благожелательность – Чувство долга</i>						4.89	0.866
БЛчд1	Ему важно, чтобы люди, которых он знает, были полностью в нем уверены	4.81	0.85	0.669	-0.156	(0.61)	
БЛчд2	Быть надежным и заслуживающим доверия другом очень важно для него	5.00	0.76	0.743	-0.131		
БЛчд3	Ему важно, чтобы люди, с которыми он проводит время, могли на него полностью положиться	4.86	0.75	0.678	-0.074		
<i>Универсализм – Забота о природе</i>						3.37	0.912
УНзп1	Заботиться о природе очень важно для него	3.98	1.14	0.765	-0.200	(0.97)	

Таблица 2 (окончание)

Пункт	Названия ценностей и пункты опросника	M	SD	Нагрузки		M (SD)	Индексы качества
				ценностный фактор	общий фактор		
УНзп2	Ему важно участвовать в акциях по защите природы	2.59	1.19	0.778	0.284		
УНзп3	Ему важно защищать окружающую среду от разрушения и загрязнения	3.55	1.19	0.845	-0.039		
<i>Универсализм – Забота о других</i>						4.18	0.806
УНзд1	Защищать слабых и уязвимых людей в обществе важно для него	3.93	1.24	0.466	-0.079	(0.76)	
УНзд2	Ему важно, чтобы каждый человек в мире имел равные возможности в жизни	4.08	1.06	0.656	-0.127		
УНзд3	Ему важно, чтобы к каждому относились справедливо, даже к незнакомым ему людям	3.92	1.17	0.629	-0.395		
<i>Универсализм – Толерантность</i>						3.98	0.832
УНт1	Ему важно быть терпимым ко всем людям и группам	3.93	1.24	0.637	-0.300	(0.88)	
УНт2	Ему важно слушать и понимать людей, отличающихся от него	4.08	1.06	0.677	-0.061		
УНт3	Для него важно принимать людей, даже когда он с ними не согласен	3.92	1.17	0.618	-0.071		

* Пункты, выброшенные в процессе конфирматорного ФА и затем не включенные в многомерное шкалирование.

Примечание. Средние значения и стандартные отклонения пунктов подсчитывались путем центрирования ответов респондентов около полученного ими среднего значения для всех 57 пунктов, после чего прибавлялось 4.00 для восстановления оригинального диапазона шкалы. Средние значения, стандартные отклонения и надежность 19 ценностей подсчитывались из значений трех основных пунктов для каждой ценности. Индекс качества (Sarıs, Gallhofer, 2007) – показатель надежности.

оказался ниже 0.90, хотя другие индексы указывали на согласие модели. Поскольку задачей исследования являлась оценка валидности модели 19 ценностей, а не отдельных

пунктов, то мы анализировали индексы модификации. Это привело к тому, что мы выбросили 4 пункта, отмеченные в таблице 2 звездочкой (*). После этих модификаций на

каждую ценность приходилось минимум 2 пункта. Пересмотренная модель обладает приемлемым согласием. Показатели качества статистической пригодности исходной и модифицированной моделей приведены в таблице 3.

В таблице 2 представлены стандартные регрессионные веса (нагрузки) пунктов на факторы ценностей и общий фактор. Все веса пунктов являются значимыми, со значениями больше 0.4 – критерий, предложенный Т. Брауном (Brown, 2006). Нагрузки пунктов на общий фактор сильно различались, как и предполагалось. Мы также проверили корреляции между латентными факторами. Среднее значение корреляций среди 171 полученной корреляции составляло 0.25 (стандартное отклонение – 0.27). Только одна корреляция была выше 0.8 (0.848 между Самостоятельностью – Мыслями и Стимуляцией)⁷.

Для проверки того, могут ли 19 ценностей быть объединены в изначальные десять базовых ценностей,

мы выполнили конфирматорный ФА второго порядка. С этой целью мы добавили к предыдущей модели шесть факторов второго порядка, чтобы представить шесть ценностей, которые усовершенствованная теория делит на целый ряд новых ценностей. SRMR и индексы подгонки RMSEA для этих моделей второго порядка были приемлемыми, но индекс CFI был немного ниже 0.90.

В этом случае мы не пытались улучшить соответствие, ориентируясь на индексы модификации, поскольку уже в этой модели было показано, что 19 ценностей группируются в факторы определенным образом, тем более что, учитывая большое количество переменных в этих моделях, хорошее соответствие, показанное другими индексами, воспроизведение результатов в двух наборах данных, кажется вполне разумным не отказываться от модели десяти базовых ценностей только из-за CFI. Как отметили Д. Кенни и Д. Маккоач (Kenney, McCoach, 2003), даже в правильно построенных моделях

Таблица 3

Показатели качества статистической пригодности исходной и модифицированной моделей

Модель	χ^2	df	CFI	SRMR	RMSEA (90% доверительный интервал)
1. Исходная модель: 57 пунктов, 19 латентных факторов и один общий фактор	2405.98	1311	0.888	0.046	0.041 (0.038, 0.043)
2. Модифицированная модель: 53 пункта, 19 факторов и один общий фактор	1953.45	1100	0.903	0.04	0.039 (0.036, 0.042)

⁷ За полной таблицей корреляций между латентными факторами можно обратиться к авторам статьи.

индекс CFI имеет тенденцию ухудшаться, если число переменных в модели возрастает. Они предположили, что если CFI кажется «немного ниже, чем можно было надеяться, но RMSEA — немного лучше, то реальных поводов для беспокойства нет» (там же, р. 349).

Анализ данных многомерного шкалирования

Различение 19 ценностей. Рисунок 2 представляет результаты многомерного шкалирования 53 пунктов, оставленных после конфирматорного ФА.

Каждый маркированный пункт в этом двумерном графическом про-

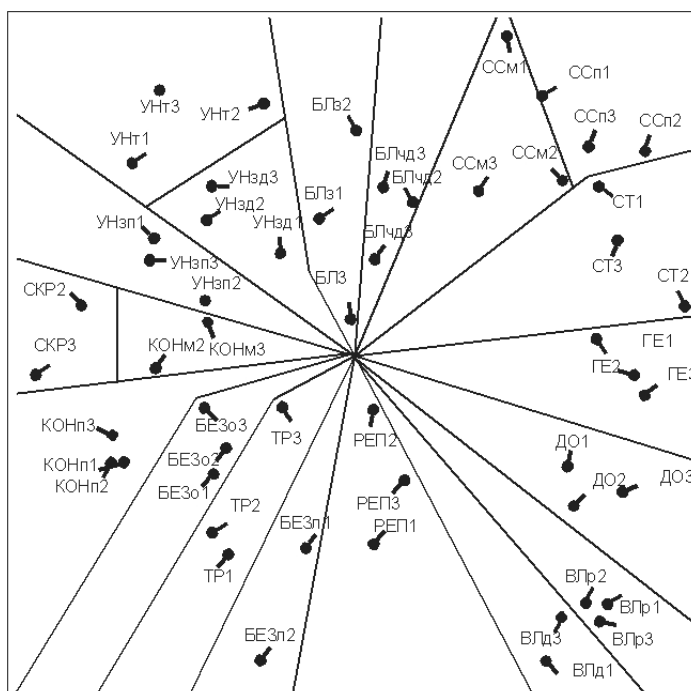
странстве представляет пункт ценности. Мы разделяем пространство на области, которые представляют априорные ценности. Изогнутые линии не являются проблемой при интерпретации, если отдельная ценностная область не включает в себя пунктов другой ценности (Borg, Shye, 1995; Shye, Elizur, Hoffman, 1994).

На рисунке 2 пространство делится на 19 областей. Каждая область охватывает все пункты, которые операционализируют определенную ценность, и не охватывает «чужих» пунктов.

Тестирование порядка ценностей в мотивационном круге. Наблюдаемый

Рисунок 2

Многомерное шкалирование 53 пунктов. Стресс 1 = 0.17, дисперсия = 0.97, коэффициент конгруэнтности Такера = 0.99

порядок 19 ценностей в круге на рисунке 2 в значительной степени соответствует предполагавшемуся на рисунке 1. Тем не менее были некоторые отклонения. Наиболее заметно, что положения Благожелательности и Универсализма полностью изменены. Благожелательность — Чувство долга располагалась рядом с Самостоятельностью, затем Благожелательность — Чувство долга, Универсализм — Толерантность, Универсализм — Забота о других и Универсализм — Забота о природе. Также примечательно, что Традиция оказалась между Безопасностью — Личной и Безопасностью — Общественной, а не рядом с Конформизмом — Правила. Наконец, две ценности Универсализм — Толерантность и Самостоятельность — Поступки появились на периферии пространства дальше тех ценностей, с которыми они, как ожидалось, будут смежными.

Различение десяти исходных ценностей. Мы предположили теоретически, что 19 ценностей лежат в том же мотивационном континууме, что и ценности в исходной теории. Поэтому на проекциях многомерного шкалирования можно увидеть широкие зоны, представляющие десять исходных ценностей. Рисунок 2 подтверждает заключение конфирматорного ФА: 19 ценностей могут быть объединены в исходные десять с одним исключением. Ценности Традиции, как было отмечено выше, вклиниваются между двумя типами ценности Безопасности. В соответствии с проекцией многомерного шкалирования, Репутацию лучше рассматривать как часть Безопасности, а Скромность — как часть Кон-

формизма. Альфа Кронбаха для версии опросника из десяти ценностей составила: Традиция = 0.84, Власть = 0.83, Универсализм = 0.81, Конформизм = 0.80, Благожелательность = 0.79, Безопасность = 0.77, Гедонизм = 0.77, Самостоятельность = 0.70, Стимуляция = 0.66 и Достижение = 0.65. Надежность всех, кроме последних двух, ценностей выше, чем наблюдавшиеся показатели надежности в обобщенных исследованиях данных SVS и PVQ40 (Schwartz, 2005b).

Различимость четырех ценностей высшего порядка. Исследователи иногда комбинируют десять ценностей в четыре ценности высшего порядка: Самопреодоление, Самоутверждение, Открытость изменениям и Сохранение. Таким образом, 19 ценностей вполне можно объединить в четыре ценности высшего порядка.

Обсуждение

Оценка уточненной теории 19 ценностей

Теоретические и эмпирические доказательства, предоставленные Ш. Шварцем с соавт. (Schwartz et al., 2011), продемонстрировали, что мотивационные ориентации могут быть описаны и измерены более искусно и точно, чем представлялось до этого. Данное исследование, проведенное с помощью доработанного опросника ценностей в русскоязычной версии, подтверждает это заключение и демонстрирует, как уточненная теория ценностей применяется в России. Результаты как конфирматорного ФА, так и многомерного шкалирования послужили подтверждением

уточненной теории. В конфирматорном ФА каждая из 19 постулируемых ценностей сформировала отдельный фактор, каждый пункт которого имеет хорошую нагрузку. Проекция пунктов в многомерном шкалировании подтвердили заключение, что мы можем рассматривать 19 ценностей как отличные друг от друга.

Хотя данные результаты поддерживают наличие 19 ценностей в уточненной теории, некоторые результаты заслуживают более пристального внимания. Конфирматорный ФА различил все 19 ценностей. Тем не менее латентные факторы для одной пары ценностей Самостоятельность — Мысли и Стимуляция значимо коррелировали (0.85). Эти две ценности являются смежными в проекции многомерного шкалирования, но они четко отделены от накладывающихся пунктов. Среди скрытых факторов только одна корреляция (из 171) была выше 0.8. Это меньше, чем в исследовании Ш. Шварца с соавт. (Schwartz et al., 2011) и в более ранних исследованиях по другим методикам (напр.: Davidov et al., 2008). Такая картина отражает отсутствие в данном исследовании сильных кросс-корреляций пунктов альтернативных ценностей. Следовательно, мультиколлинеарность становится менее частым явлением, если мы используем более широкий набор ценностей.

Конфирматорный ФА включал один общий фактор. Мы не исключали этот фактор, чтобы проконтролировать регулярно наблюдаемое искажение ответов (Schwartz, 1992, 2006). Нагрузки пунктов к общему фактору (таблица 2) сильно коррелируют с нецентрированными медианами значения пунктов: $r = -0.93$.

Таким образом, общий фактор вполне учитывает уровень социальной желательности (обратная зависимость) в этой выборке, как это было в более раннем исследовании Ш. Шварца с соавт. (Schwartz et al., 2011). Ш. Шварц и А. Барди (Schwartz, Bardí, 2001) выдвинули гипотезу и доказали на ряде выборок из разных стран, что чем более социально желательна ценность, тем выше ее средний показатель среди респондентов. Таким образом, данные нагрузки подтверждают интерпретацию общего фактора как базового основания социальной желательности пунктов.

Порядок расположения 19 ценностей в мотивационном круге

Постулируемый теоретический порядок 19 ценностей был основан на четырех, частично перекрывающихся друг друга, основных мотивационных измерениях. Первое измерение противопоставило ценности, касавшиеся самозащиты и избегания тревоги, ценностям, которые выражают рост и развитие, свободные от тревоги. Это измерение отличало ценности верхней части от ценностей нижней части рисунка 1, как показано во внешнем круге. Второе измерение противопоставило ценности, фокусирующиеся на личной выгоде, ценностям с акцентом на социальных результатах (правая и левая часть рисунка 1). Третье и четвертое измерения различали четыре набора ценностей, где ценности Открытости изменениям противопоставляются ценностям Сохранения, а ценности Самопреодоления — ценностям Самоутверждения (сектора

на рисунке 1). Совместимость или конфликт между целями каждой пары ценностей помогли в определении их местоположения в мотивационном круге.

Порядок, теоретически основанный на этих четырех изменениях, был полностью подтвержден эмпирически (рисунок 2). Тем не менее среди ценностей было четыре отклонения от предсказанного порядка: Благожелательность и Универсализм поменялись местами, Традиция расположена между двумя ценностями Безопасности; Самостоятельность — Поступки расположена за Самостоятельностью — Мыслями, Универсализм — Толерантность расположен за Универсализмом — Заботой о других.

Реверсивное расположение Благожелательности и Универсализма повторяет результаты исследования Ш. Шварца с соавт. (Schwartz et al., 2011), в котором этот феномен был обнаружен во всех 15 выборках. Более того, появляясь как во взрослой, так и в студенческой выборке, как из западных, так и из восточных стран, данный феномен не наблюдается в исследованиях, использующих версии Ценностного опросника Шварца (SVS) до 2000 г. Поэтому реверсивный порядок данных ценностей в выборке из России не удивителен. Более того, как и в этих 15 выборках, по результатам нашего исследования, Универсализм — Забота о природе располагается рядом с ценностями Сохранения, а Благожелательность — Чувство долга соседствует с Открытостью изменениям. Возможно, эти две достаточно емкие ценности действительно должны поменяться местами и в теории. Ш. Шварц с

соавт. (там же) предполагают, что причиной этой реверсии могут служить как исторические изменения, так и уточнения ценностей Благожелательности, Универсализма, Конформизма, а также выделение новой ценности Скромности. Подробное обсуждение возможных причин данной реверсии можно найти в упомянутой выше работе Ш. Шварца с соавт.

Относительно других отклонений от предполагаемого порядка можно заметить, что они являются достаточно слабыми, чтобы предположить их обусловленность ошибками выборки (Schwartz, Sagiv, 1995). Поэтому мы воздержимся от их обсуждения в данной статье, пока данные реверсии не обнаружатся в других исследованиях на российских выборках.

Различение десяти исходных ценностей и четырех ценностей высшего порядка

Мы утверждали, что 19 ценностей образуют тот же мотивационный континуум, что и десять ценностей исходной теории. Поэтому ожидалось, что исследования подтвердят возможность объединения 19 ценностей в исходные десять. И конфирматорный ФА, и многомерное шкалирование действительно подтвердили данное предположение в двух наборах комбинированных выборок. Очень показательное сравнение того, как выделились десять ценностей в проекциях многомерного шкалирования в данном исследовании и 15 выборках из исследования Ш. Шварца с соавт. (Schwartz et al., 2011), с тем, как они выделяются в 112 выборках, тестированных с помощью PVQ40.

Подобное сравнение показывает, что опросники, основанные на уточненной теории, отражают десять исходных ценностей эффективнее, чем PVQ40, основанный на исходной теории. В 16 выборках, изученных на основе уточненной теории, проекции многомерного шкалирования дали хорошо различимые области для каждой из десяти ценностей в 69% выборках, а также восемь различных ценностных областей с объединенной областью для смежных ценностей в 31% выборках. Аналогичные показатели для исследований PVQ40 составляли 48% и 30% соответственно. Скомбинировать ценности в четыре группы высшего порядка (Самопреодоление, Самоутверждение, Открытость изменениям и Сохранение) оказалось возможным во всех 16 выборках, изученных с помощью уточненной теории.

Заключение

В данном исследовании усовершенствованная теория базовых индивидуальных ценностей в российском контексте была применена впервые. Усовершенствованная теория основывается на центральном положении исходной теории о том, что ценности предстают в виде кругового мотивационного континуума. Усовершенствованная теория делит континуум на набор из 19 концептуально отличных ценностей, призванных обеспечить большую эвристическую и предсказательную силу теории. К настоящему времени исследования подтверждают возможность и целесообразность выделения 19 ценностей по данным, полученным на 16 выборках в 11 странах,

включая Россию. Также выяснилось, что порядок ценностей в мотивационном круге сопоставим с порядком ценностей в мотивационном круге исходной теории с одним существенным исключением. Порядок ценностей Благожелательности и Универсализма оказался обратным. Весьма желательно дальнейшее усовершенствование теории, которое приняло бы это во внимание.

Доказательства, подтверждающие идею кругового мотивационного континуума, подразумевают правомерность самых различных способов разбиения данного круга. Если исследователи учитывают тот факт, что ценности формируют континуум, они могут выбрать количество ценностей, на которые можно разделить круг, согласно целям своего исследования. Результаты текущего многомерного шкалирования поддерживают разделение континуума на 19, десять, четыре или даже две части (например, ценности роста и развития против ценностей самозащиты). Исследование показывает возможность выделения различных уровней абстрагирования в пределах мотивационной иерархии. В зависимости от необходимой точности исследователи могут выводить гипотезы, основанные на разных уровнях мотивационной ориентации, предложенной теорией. Например, исследователь, заинтересованный противопоставлением широты подхода мотивации избегания, вполне может быть удовлетворен разделением континуума на оппозицию роста и развития самозащите. Тем не менее прогнозирование наличия отрицательных межгрупповых стереотипов или экологического поведения требует более

дифференцированного подхода к ценностям (в рамках которого Безопасность и Универсализм были бы разделены на необходимое число компонентов). В целом более тонкое различие, скорее всего, позволит более точно понять и предсказать отношения между ценностями и другими переменными.

Хотя в предыдущих исследованиях оценивалось всего десять ценностей, конфирматорный ФА часто показывал возможность объединения некоторых смежных в круге ценностей (напр.: Davidov et al., 2008; Perrinjaquet et al., 2007). Тем более поразительно, что и конфирматорный ФА, и многомерное шкалирование позволяют различить полный набор из 19 ценностей. Более узкое и более точное определение каждой ценности позволило создать пункты, значительно меньше коррелирующие с соседними ценностями. Возможность с помощью конфирматорного ФА успешно выделить 19 ценностей означает, что исследователи, которые хотят применять структурное моделирование с факторными весами для изучения ценностей, могут это делать.

Инструменты, разработанные для операционализации уточненной теории, были валидизированы на разнообразных выборках в 11 странах. Используемая нами российская версия предлагает целый ряд изменений по сравнению с инструментом, использованным в исследовании Ш. Шварца с соавт. (Schwartz et al., 2011). Тот факт, что нам понадобилось исключить из анализа только четыре пункта в этом исследовании против девяти в предыдущем, позволяет заявить, что данная версия опросни-

ка существенно улучшена. В отличие от предшественника PVQ40, в первой версии пересмотренного PVQ-R (PVQ-R1) на каждый пункт приходится только одна формулировка. Это устраняет проблему, о которой иногда заявляют респонденты: желание дать различные ответы на два предложения одного и того же пункта. Респондентам также требуется меньше времени для ответа на каждый пункт.

Ограничения и дальнейшие исследования

Данное исследование включало выборки с различным уровнем образования и профессиональной занятости в странах из различных регионов мира. Тем не менее большинство респондентов были высокообразованы, а большинство стран находится на достаточно высоком социально-экономическом уровне. Необходимо проверить теорию на менее образованных выборках, в странах с более низкими социально-экономическими профилями, а также в регионах, где исследование еще не проводилось (например, Африка к югу от Сахары, Дальний Восток, Латинская Америка).

Поскольку мы выбросили пункты, с которыми возникли проблемы, четыре ценности нам пришлось измерить с помощью всего двух пунктов. Чтобы увеличить надежность измерения, желательно заменить выброшенные пункты другими, более эффективно измеряющими эти ценности. Мы разработали измененную версию PVQ-R, названную нами PVQ-R2, и рекомендуем ее для будущих исследований. Данная версия

демонстрирует изменения в содержании нескольких пунктов и унификацию формата всех пунктов: теперь каждый из пунктов начинается с фразы «Ему важно...»⁸.

Хотя эта статья демонстрирует дискриминантную, конвергентную и конструктивную валидность уточненной теории и инструмента измерения, она не обращается к вопросу прогностической валидности. Не продемонстрировано, что уточненная теория ценностей обеспечивает большую предсказательную и объяснительную точность в отношении поведения, аттитюдов и верований, чем исходная теория. Ш. Шварц с соавт. (Schwartz et al., 2011) показали такое увеличе-

ние точности только для некоторых аттитюдов и верований. Тем не менее этого не было сделано для типов поведения, непосредственно выражающих ценности. В настоящее время авторами проводится исследование связи 19 ценностей и широкого набора типов поведения, которые данные ценности должны предсказывать. Постулаты уточненной теории более подробно, чем в исходной теории, описывают мотивационные движущие силы, лежащие в основе ценностей и организующие ценностный континуум. Одна из задач — исследовать, насколько более детально прописанная динамика мотивации связана с организацией поведения.

Литература

Белинская Е.П. Система ценностей личности в перспективе толерантности // Век толерантности. 2003. № 5. С. 61–72.

Лебедева Н.М. Базовые ценности русской культуры на рубеже XXI века // Психол. журн. 2000. Т. 21. № 3. С. 73–87.

Лебедева Н.М. Ценностно-мотивационная структура личности в русской культуре // Психол. журн. 2001. Т. 22. № 3. С. 26–36.

Лебедева Н.М., Татарко А.Н. Ценности культуры и развитие общества. М.: Изд-во ГУ–ВШЭ, 2007.

Павленко О.Б. Взаимосвязь ценностей личности с отношением к собственности // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2012» / Отв. ред. А.И. Андреев, А.В. Андриянов, Е.А. Антипов, М.В. Чи-

стякова. 2012. [Электронный ресурс]. URL: <http://lomonosov-msu.ru/rus/archive.html>.

Тихомандрицкая О.А. Ценности и самоотношение на этапе юношеской социализации: Дис. ... канд. психол. наук. М., 2000.

Ценности культуры и модели экономического поведения: Научная монография / Под ред. Н.М. Лебедевой, А.Н. Татарко. М.: Изд-во «Спутник+», 2011.

Arbuckle J.L. Full information in the presence of incomplete data // G.A. Marcoulides, R.E. Schumacker (eds). Advanced structural equation modeling. Mahwah, NJ: Erlbaum, 1996. P. 243–277.

Bardi A., Lee J. A., Towfigh N., Soutar G. The structure of intra-individual value change // Journal of Personality and Social Psychology. 2009. 97. 913–929.

⁸ Российскую версию PVQ-R2 можно получить от авторов данной статьи.

Beierlein C., Davidov E., Schmidt P., Schwartz S.H., Rammstedt B. Testing the discriminant validity of Schwartz' Portrait Value Questionnaire items – A replication and extension of Knoppen and Saris // Survey Research Methods. 2011 (in press).

Bentler P.M. Comparative fit indexes in structural models // Psychological Bulletin. 1990. 107. 238–246.

Bilsky W., Janik M., Schwartz S.H. The structural organization of human values: Evidence from three rounds of the European Social Survey (ESS) // Journal of Cross-Cultural Psychology. 2011. 42. 759–776.

Bollen K.A. Structural equations with latent variables. N.Y.: Wiley, 1989.

Borg I., Shye S. Facet theory: form and content. Newbury Park, CA: Sage, 1995.

Brown T.A. Confirmatory factor analysis for applied research. N.Y.: Guilford Press, 2006.

Browne M.W., Cudek R. Alternative ways of assessing model fit // K.A. Bollen, J.S. Long (eds). Testing structural equation models. Newbury Park, CA: Sage, 1993.

Caprara G.V., Schwartz S.H., Capanna C., Vecchione M., Barbaranelli C. Personality and politics: Values, traits, and political choice // Political Psychology. 2006. 27. 1–28.

Cieciuch J., Schwartz S.H. Assessing the number of distinct basic values and their structure in Poland // Journal of Personality Assessment. 2012. 92. 1–8.

Davidov E., Schmidt P., Schwartz S.H. Bringing values back in: The adequacy of the European social survey to measure values in 20 countries // Public Opinion Quarterly. 2008. 72. 420–445.

Döring A. K., Blauensteiner A., Aryus K., Drögekamp L., Bilsky W. Assessing values at an early age: The picture-based value survey for children (PBVS-C) // Journal of Personality Assessment. 2010. 92. 439–448.

Hu L., Bentler P.M. Cut-off criteria for fit indexes in covariance structure analysis: Conventional criteria versus new alternatives // Structural Equation Modeling. 1999. 6. 1–55.

Kenny D.A., McCoach D.B. Effect of the number of variables on measures of fit in structural equation modeling // Structural Equation Modeling. 2003. 10. 333–351.

Knafo A., Schwartz S.H. Parenting and adolescents' accuracy in perceiving parental values // Child Development. 2003. 74. 595–611.

Knoppen D., Saris W. Schwartz' theory of human values: Balancing homogeneity of reflective items and theoretical coverage. Barcelona: University Pompeu Fabra, 2009. RECSM Working Paper 9. 1–40.

Lee J.A., Soutar G.N., Louviere J. An alternative approach to measuring Schwartz's values: The best-worst scaling approach // Journal of Personality Assessment. 2008. 90. 335–347.

Muthén B., Muthén L. Mplus User's Guide. Los Angeles: Muthén & Muthén, 1998–2008.

Oishi S., Schimmack U., Diener E., Suh E. The measurement of values and individualism-collectivism // Personality and Social Psychology Bulletin. 1998. 24. 1177–1189.

Perrinjaquet A., Furrer O., Usunier J.-C., Cestre G., Valette-Florence P. A test of the circumplex structure of human values // Journal of Research in Personality. 2007. 41. 820–840.

Podsakoff P.M., MacKenzie S. B., Lee J.Y., Podsakoff N.P. Common method bias in behavioral research: A critical review of the literature and recommended remedies // Journal of Applied Psychology. 2003. 88. 879–903.

Roccas S., Sagiv L., Schwartz S.H., Knafo A. The Big Five personality factors and personal values // Personality and Social Psychology Bulletin. 2002. 28. 789–801.

Saris W.E., Gallhofer I.N. Design, evaluation, and analysis of questionnaires for survey research. Hoboken, NJ: Wiley, 2007.

Schwartz S.H. Universals in the content and structure of values: Theory and empirical tests in 20 countries // M. Zanna (ed.). Advances in experimental social psychology. N.Y.: Academic Press, 1992. Vol. 25. P. 1–65.

Schwartz S.H. Are there universal aspects in the content and structure of values? // Journal of Social Issues. 1994. 50. 19–45.

Schwartz S.H. Basic human values: Their content and structure across countries // A. Tamayo, J.B. Porto (eds). Valores e comportamento nas organizações [Values and behavior in organizations]. Petrópolis, Brazil: Vozes, 2005a. P. 21–55.

Schwartz S.H. Robustness and fruitfulness of a theory of universals in individual human values // A. Tamayo, J.B. Porto (eds). Valores e comportamento nas organizações [Values and behavior in organizations]. Petrópolis, Brazil: Vozes, 2005b. P. 56–95.

Schwartz S.H. Les valeurs de base de la personne: Théorie, mesures et applications [Basic human values: Theory, measurement, and applications] // Revue Française de Sociologie. 2006. 47. 249–288.

Schwartz S.H. Culture matters: National value cultures, sources and consequences // C.-Y. Chiu, Y.Y. Hong, S. Shavitt, R.S. Wyer

(eds). Understanding culture: Theory, research and application. N.Y.: Psychology Press, 2009. P. 127–150.

Schwartz S.H., Bardi A. Value hierarchies across cultures: Taking a similarities perspective // Journal of Cross Cultural Psychology. 2001. 32. 268–290.

Schwartz S.H., Boehnke K. Evaluating the structure of human values with confirmatory factor analysis // Journal of Research in Personality. 2004. 38. 230–255.

Schwartz S.H., Cieciuch J., Vecchione M., Davidov E., Fischer R., Beierlein C., Ramos A., Verkasalo M., Lönnqvist J.-E., Demirutku K., Dirilen-Gumus O., Konty M. Refining the theory of basic individual values. 2011 (in press).

Schwartz S.H., Melech G., Lehmann A., Burgess S., Harris M., Owens V. Extending the cross-cultural validity of the theory of basic human values with a different method of measurement // Journal of Cross-Cultural Psychology. 2001. 32. 519–542.

Schwartz S.H., Sagiv L. Identifying culture specifics in the content and structure of values // Journal of Cross-Cultural Psychology. 1995. 26. 92–116.

Schwartz S.H., Verkasalo M., Antonovsky A., Sagiv L. Value priorities and social desirability: Much substance, some style // British Journal of Social Psychology. 1997. 36. 3–18.

Shye S., Elizur D., Hoffman M. Facet theory. Newbury Park, CA: Sage, 1994.

ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ И СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ КАПИТАЛ: КРОСС-КУЛЬТУРНЫЙ АНАЛИЗ

А.Н. ТАТАРКО

Татарко Александр Николаевич — доцент факультета психологии НИУ ВШЭ, ведущий научный сотрудник Международной научно-учебной лаборатории социокультурных исследований НИУ ВШЭ, кандидат психологических наук. Автор 6 монографий и 60 статей в области кросс-культурной и социальной психологии. Сфера научных интересов: социальный капитал, влияние культуры на экономическое поведение.
Контакты: tatarko@yandex.ru

Резюме

Проанализирована феноменология социально-психологического капитала, рассматриваемого в качестве ресурса психологических отношений, на основе которого формируется социальный капитал. Проведен кросс-культурный анализ влияния ценностных ориентаций на социально-психологический капитал. На примере представителей трех этнических групп (русские, $n = 103$; чеченцы, $n = 100$; ингуши, $n = 109$) показано, что, хотя влияние индивидуальных ценностей на социально-психологический капитал подчинено ясной логике, оно может иметь культурную специфику. Ценности Выхода за пределы собственного Я (Благожелательность, Универсализм) оказывают позитивное влияние на социально-психологический капитал поликультурного общества, а ценности Самоутверждения — негативное. Ценности Открытости изменениям позитивно влияют на гражданскую идентичность, но отрицательно на воспринимаемый социальный капитал. Ценности Сохранения позитивно влияют на гражданскую (российскую) идентичность у представителей этнической группы ингушей.

Ключевые слова: *социальный капитал, социально-психологический капитал, ценностные ориентации, доверие, гражданская идентичность.*

В данной научной работе использованы результаты проекта «Социокультурные и психологические факторы экономической активности и психологического благополучия» (ТЗ 54.00), выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2012 г.

Актуальность исследования

Исследование социальных процессов, происходящих в поликультурном обществе, в частности процессов взаимодействия культуры и экономики, показывает, что их детерминацию невозможно объяснить отдельными социально-психологическими факторами. Мы сталкиваемся с необходимостью рассматривать не набор, а целостную систему социально-психологических факторов, влияющих на развитие поликультурного общества. В социальных науках существует понятие, системно описывающее феномен социальной интеграции, способствующей развитию обществ, — «социальный капитал». Показано, что общества, характеризующиеся высоким социальным капиталом, являются более прогрессивными в плане экономического развития, в таких обществах более подходящий климат для развития малого бизнеса, высокий субъективный уровень счастья и удовлетворенности жизнью у населения (Handbook of social capital, 2010; Helliwell, Putnam, 1995, 2004). Понять механизм формирования и действия социального капитала можно, если изучить его психологический аспект: как он формируется и функционирует. Особенно актуальным представляется исследование социально-психологических явлений, которые могут способствовать формированию социального капитала поликультурного общества, такого как, например, Россия.

Феноменология социально-психологического капитала

На социетальном уровне существует ряд социально-психологиче-

ских феноменов, которые способствуют развитию общества. Поэтому необходимо ввести понятие, которое объединяло бы эти феномены, а также выделить основные из них. В качестве такого понятия предлагается использовать термин «социально-психологический капитал». Значение понятия «капитал», лежащего в основе данного явления, с латинского языка переводится как «главный».

Если обратиться к понятию капитала в классической экономике, то под ним понимают ресурсы, которые могут быть использованы в производстве товаров или оказании услуг (Маршалл, 1993). В 1960-е гг. экономисты Г. Беккер, Х.Дж. Джонсон, Т.У. Шульц обосновали необходимость включения в категориальный аппарат экономической теории термина «человеческий капитал» (Коньков, 2006). Формирование и развитие понятия социального капитала явилось логическим развитием концепции человеческого капитала (Коулмен, 2001; Патнэм, 1996). П.Н. Шихирев, предлагая социально-психологический подход к анализу феномена социального капитала, отмечает: «За время, прошедшее после публикации статьи Коулмена, проблематика, связанная с тем, что называют социальным капиталом, хотя и без упоминания самого термина выдвинулась на одно из первых мест в социальной психологии» (Шихирев, 2003, с. 21).

Социальный капитал может быть операционализирован как ресурс, содержащийся в социальных сетях и доступный включенным в них акторам. Таким образом, у данного понятия есть два важных компонента: 1) это *ресурсы*, содержащиеся в

социальных отношениях, а не люди, и 2) *доступ* к использованию таких ресурсов, который есть у акторов (N. Lin — см.: Häuberer, 2011).

Носителем, субъектом социального капитала является группа, но социальный капитал как ресурс группы складывается из отдельных «вложений» членов группы. Что «вкладывают» люди в группу? Фактически их вклад — это отношение к другим членам группы и к группе в целом, которое можно определить как «социально-психологический капитал». Социально-психологический капитал отдельных людей на групповом (в том числе и социальном) уровне приводит к возникновению таких характеристик общности, на основании которых ее категоризируют как обладающую высоким социальным капиталом. В данном случае социальная общность как целостная система начинает обладать социальным капиталом как неким набором инструментов для достижения своих целей: это соблюдение норм без санкций, самоорганизация (сообщества, сплоченность), политическая активность. Но в основе этого социального капитала лежат отношения людей: отношение к ближайшему окружению (доверие, толерантность), отношение к общности в целом (воспринимаемый социальный капитал, социальное доверие), отношение к своей принадлежности к общности (идентичность). Все эти виды отношений являются социально-психологическим капиталом группы. Они вкладываются в группу отдельными людьми, но принадлежат группе в целом.

Отношения являются основными сторонами психической жизни чело-

века наряду с психическими процессами, свойствами, состояниями (Мясищев, 2011, с. 16). С позиции автора данной статьи, группы, обладающие определенным ресурсом отношений, характеризуются как имеющие высокий социальный капитал. Таким образом, *социально-психологический капитал — это ресурс психологических отношений, содержащийся в социальных группах и доступный включенным в них индивидам*. Данный ресурс находит свое выражение в поведении (создание сетей, ассоциаций, самоорганизация), которое и трактуется как социальный капитал. Однако за таким поведением всегда стоят определенные отношения к группам как целостным субъектам, отдельным представителям данных групп и к собственному членству в этих группах (социальная идентичность).

Структура социально-психологического капитала поликультурного общества

Поскольку понятие социально-психологического капитала является новым, то к настоящему времени не существует теоретических подходов к рассмотрению его структуры. В данной работе предлагается теоретический подход к структуре социально-психологического капитала поликультурного общества. Поскольку социально-психологический капитал является основой для формирования социального капитала и связан с ним, то, предлагая теоретический подход к структуре социально-психологического капитала, автор данной статьи отталкивается от существующих взглядов на структуру

родового понятия — социального капитала.

В таблице 1 приводятся наиболее часто встречаемые в литературе и обоснованные параметры социального капитала, которые используются в большинстве исследований. Во втором столбце даются соответствующие им показатели социально-психологического капитала поликультурного общества, т.е. социаль-

но-психологические явления, ответственные за формирование соответствующих элементов социального капитала.

Воспринимаемый социальный капитал

Воспринимаемый социальный капитал – это отношение к обществу в целом. Отношение к обществу –

Таблица 1

Параметры социального капитала и их соотношение с параметрами социально-психологического капитала

Показатели социального капитала	Соответствующие показатели социально-психологического капитала поликультурного общества
Вовлеченность в сообщество, в общественную деятельность (например, подписание петиций) членство в различных организациях (Goldfinger, Ferguson, 2009; Onyx, Bullen, 2000; Putnam, Feldstain, 2003; Veenstra, 2003)	Гражданская идентичность (позитивность, выраженность)
Участие в волонтерской деятельности (Carpenter et al., 2004; Goldfinger, Ferguson, 2009; Lillbacka, 2009)	
Соблюдение базовых социальных норм отношений в сообществе (Nahapiet, Ghoshal, 1998; Putnam, 2001)	Принятие культурного разнообразия (этническая толерантность)
Позитивные установки по отношению к культурному многообразию, рассматриваются как компонент социального капитала (Onyx, Bullen, 1997, 2000; Westlund, Calidoni-Lundberg, 2007)	
Доверие (генерализованное, социальное, институциональное) (Carpenter et al., 2004; Goldfinger, Ferguson, 2009; Lillbacka, 2009; Nahapiet, Ghoshal, 1998)	Доверие: – межличностное доверие; – социальное доверие и доверие к представителям иных этнических групп; – институциональное доверие
Социальные сети, индивидуальный социальный капитал (кол-во людей, к которым человек может обратиться за помощью) (Градосельская, 2004; Lillbacka, 2009)	
Когнитивный социальный капитал (Lehis, 2008): – общее доверие – уровень включенности в сообщество или сообщества (идентичность) – доверие сообществу или сообществам – доверие центральному правительству	

обширный конструкт, и когда идет речь о социальном капитале, необходимо рассмотрение восприятия, оценки людьми тех отношений в обществе, которые и трактуются как социальный капитал. Данный конструкт можно обозначить как «воспринимаемый социальный капитал». Он не является рядоположенным элементом наряду с другими компонентами социально-психологического капитала, скорее, он влияет на них, но он является одним из элементов психологической структуры социального капитала общества.

Подтверждение тому, что отношение индивида к социуму опосредуется отношениями в этом социуме, восприятием этих отношений, можно найти в работах как отечественных, так и зарубежных специалистов. В частности, А.А. Бодалев отмечал, что «индивидуальные субъективные отношения каждого человека к таким элементам действительности, как человечество, Отечество, отдельный человек, семья, труд, материальные и духовные ценности, создаваемые в процессе этого труда, оказываются всегда опосредованными отношениями к ним, сложившимися в том обществе, к членам которого он себя причисляет и мнением которого о себе он дорожит» (Бодалев, 1996, с. 202).

В зарубежных эмпирических исследованиях показано, что доверие другим людям опосредовано восприятием доверия со стороны других, или приписываемым (ascribed) доверием (Häuberer, 2011; Van Staveren, Knorringa, 2007). Эти результаты объясняются с позиций теории социального обмена (Schiff, 1992). Люди, прежде чем вкладывать в

общество свой собственный отношенческий ресурс, оценивают, насколько этот ресурс уже существует в обществе. Как правило, люди считают нерациональным вкладывать свои средства туда, куда другие не вкладывают. Об этом метафорично, но достаточно точно писала Г. Градосельская: «В то время как экономический капитал лежит на банковских счетах, а человеческий капитал сосредоточен в головах людей, социальный капитал присущ социальной структуре взаимодействий. Социальный капитал — ресурс, который актер постоянно должен соотносить со своим окружением» (Градосельская, 2004).

Восприятие уровня социального капитала имеет значение для собственной ориентации на успех и на экономическую активность. Например, М. Килкенни, опираясь на данные эмпирических исследований 800 небольших фирм в 30 городах Айовы, показал, что воспринимаемая поддержка местного сообщества в сочетании с равноправием и поддержкой внутри фирм позитивно и высокозначимо связана с представлениями сотрудников об успехе их фирм (Kilkenny et al., 1999).

Индивидуальные ценности и социально-психологический капитал

Вопрос о сопряженности индивидуальных ценностей с социальным капиталом рассматривался преимущественно в работах зарубежных исследователей. Некоторые из авторов, затрагивавших проблематику социального капитала, изучали единство ценностей внутри группы или

общества в качестве одного из индикаторов социального капитала (Munene et al., 2005). К. Банкстон, полемизируя с Дж. Коулменом, указывал на то, что социальный капитал не может быть просто отражением структуры отношений между индивидами, напротив, он должен включать ценности, верования и ожидания, которые поддерживаются и передаются внутри группы (Bankston, 2004, p. 177).

Использование категории ценностей при рассмотрении проблематики социального капитала позволяет преодолеть проблему так называемого «черного» или «серого» социального капитала, когда сплоченность определенных групп используется не во благо обществу, а против него. В данной связи А. Гупта отмечал, что в классическом понимании социального капитала нет разделения такого его важного элемента, как доверие, на «хорошее» или «плохое» для социума. Ведь, например, доверие между членами теневого рынка или мафии не вносит вклад в социальный капитал. Этические ценности направляют социальное доверие, что впоследствии перерастает в «этически ориентированный» социальный капитал (Gupta, 2003, p. 975).

Примечательной является попытка правительства Ямайки улучшить состояние социального капитала данного региона с помощью кампании, направленной на ценности и установки населения (Grey, 2008). Данная кампания достигла своих целей и оказалась успешной. Ее теоретическая основа состояла в использовании когнитивного элемента социального капитала. Культура и ценности вносят определен-

ный вклад в формирование взаимовыгодного коллективного поведения людей. Таким образом, «инвестирование» в социальный капитал — это направленные действия по созданию или поддержанию общей системы ценностей, основанной на взаимном уважении, партнерстве, доверии, этическом поведении, а также поддержание условий, способствующих развитию данных ценностей (там же, p. 150).

Таким образом, индивидуальные ценностные ориентации в этих исследованиях, как правило, рассматриваются на групповом уровне (т.е. в агрегированном виде), а степень их согласованности внутри группы — в качестве одного из источников ее социального капитала. С одной стороны, это верно, однако следует внести важное уточнение в такую позицию. Ценности имеют разную модальность влияния на поведение человека, существуют и такие виды ценностей, которые заставляют конкурировать или приводят различные группы к противостоянию. В частности, существуют работы, показывающие, что быстрое распространение материалистических ценностных ориентаций, которое наблюдалось среди американской молодежи в 1970-х и 1980-х гг., сильно разрушало социальное доверие (Rahn, 1998, p. 545). Поэтому важно выделить именно такие группы ценностей, которые способствуют объединению, т.е. формированию социального капитала.

При изучении вопроса о влиянии ценностей на социально-психологический капитал в качестве теоретико-методологических оснований мы обращаемся к концепции ценностей

Ш. Шварца (Schwartz, 1992). Ш. Шварц разработал и обосновал культурно-универсальную ценностно-мотивационную структуру личности, выделив 10 блоков универсальных ценностей (Универсализм, Благожелательность, Самостоятельность, Конформность, Достижение, Безопасность, Власть, Гедонизм, Традиция, Стимуляция), которые он впоследствии объединил в 4 ценностные оппозиции: **Открытость изменениям** – **Сохранение** и **Самоутверждение** – **Выход за пределы собственного Я**. Нетрудно заметить, что не все из 10 ценностей, выделенных Ш. Шварцем, могут способствовать укреплению позитивных отношений и формированию социально-психологического капитала, например, ценности Власти, Традиции, Самостоятельности скорее будут разъединять, чем объединять.

Цель исследования – оценить влияние индивидуальных ценностей на социально-психологический капитал представителей различных этнических групп

Объект исследования – детерминанты социально-психологического капитала.

Предмет исследования – наличие и особенности причинно-следственной связи между индивидуальными ценностными ориентациями и социально-психологическим капиталом в различных этнических группах.

Общая гипотеза исследования состоит в том, что ценности блока **Выход за пределы собственного Я** (Универсализм, Благожелательность) позитивно связаны с социально-психологическим капиталом, соответственно, ценности блока **Са-**

моутверждение (Гедонизм, Власть) будут иметь противоположный эффект. Ценности блока **Сохранение** (Безопасность, Конформность) негативно связаны с социально-психологическим капиталом, а ценности блока **Открытость изменениям** (Самостоятельность, Стимуляция) либо позитивно связаны с социально-психологическим капиталом, либо вообще не имеют с ним взаимосвязей.

Гипотеза является достаточно общей по причине того, что данное исследование носит скорее поисковый характер, автор стремится понять, во-первых, насколько существенным фактором являются индивидуальные ценностные ориентации для формирования социально-психологического капитала, во-вторых, насколько культурно-универсальными являются связи индивидуальных ценностей и социально-психологического капитала.

Необходимость учета культуры проистекает из того, что в различных культурах универсальные индивидуальные ценности распределены неодинаково (Magun, Rudnev, 2010). Данная тенденция еще больше усиливается, когда анализ идет на уровне ценностных оппозиций, т.е. когда ценности, имеющие логически общие характеристики, объединяются в группы, поэтому можно предположить, что ценности, усвоенные в процессе социализации и культурной трансмиссии, влияют на отношение человека к социуму, т.е. на социально-психологический капитал, лежащий в основании социального капитала. Кроме этого, культура также сама по себе влияет на социальный капитал. Есть исследования, показывающие, что существует взаимосвязь

культурных измерений (в частности, индивидуализма-коллективизма) с социальным капиталом (Allik, Reallo, 2004).

Методика исследования

Участники исследования. Выборку составили представители трех этнических групп, проживающие в Северо-Кавказском федеральном округе России: русские, чеченцы и ингуши (см. таблицу 2).

Включение в выборку представителей именно трех данных этнических групп имеет следующие причины.

1. Чеченцы и ингуши принадлежат к одной культурной группе вайнахов, сходны по культуре и, следовательно, имеют схожие ценности. Сопоставление результатов, полученных по данным группам, позволит оценить степень сходства во влиянии ценностей на социально-психологический капитал в этнических группах, имеющих общие культурные корни.

2. Русские достаточно сильно отличаются от вайнахов по своим культурным особенностям. Сопоставление результатов, полученных по данным этническим группам, поз-

волит выявить универсальные и культурно-специфические тенденции во влиянии ценностей на социально-психологический капитал.

3. Опрос представителей трех данных этнических групп, проживающих в одном регионе, позволяет исключить влияние межрегиональных различий в качестве конкурирующего объяснения при анализе результатов, в качестве объяснительного фактора учитываются только межэтнические и межкультурные различия.

Переменные и их показатели

1. Социальный капитал.

1.1. *Воспринимаемый социальный капитал.* Респондентам предлагалось с помощью 5-балльной шкалы оценить, насколько характерны для окружающих их людей виды поведения, характеризующие сплоченность и взаимную поддержку (насколько для окружающих характерно доверять друг другу, вести себя уважительно друг по отношению к другу, относиться к окружающим как к равным).

1.2. *Измерения гражданской идентичности.* В исследовании оценивались три измерения гражданской идентичности:

Таблица 2

Характеристики выборки исследования

Этническая группа	N	Пол		Возраст (медиана)
		Мужчины	Женщины	
Русские	103	49	54	31.5
Чеченцы	105	39	65	24
Ингуши	109	54	55	23
Всего	317	142	174	

а) «Сила» гражданской идентичности (респонденту задавался вопрос: «В какой степени Вы ощущаете себя представителем своего государства» и для ответа предлагалась 5-балльная шкала).

б) Валентность (степень позитивности) гражданской идентичности. Задавался вопрос с вариантами ответов: «Какие чувства вызывает у Вас ощущение того, что Вы гражданин своего государства (РФ)?» Варианты ответов (гордость, спокойная уверенность, никаких чувств, обида, униженность) при обработке кодировались по нарастающей от 1 до 5 баллов.

в) Степень субъективной принадлежности к России оценивалась с помощью вопроса из ISSP (International Social Survey Program): «Насколько сильно Вы ощущаете свою принадлежность к России?» Для ответа респонденту предлагалась 4-балльная шкала.

1.3. *Общий уровень доверия личности.* Оценивался с помощью вопроса из «Всемирного обзора ценностей» (World Values Survey): «Считаете ли Вы, что большинству людей можно доверять?» Далее респондента просили выразить его согласие в соответствии с 5-балльной шкалой.

2. Индивидуальные ценностные ориентации.

Опросник Ш. Шварца включает 57 ценностей, отобранных таким образом, чтобы представлять каждый описанный им тип ценностей. Респондента просят ответить, насколько для него характерна каждая из ценностей, руководствуясь шкалой от 1 до 7.

В соответствии с ключом рассчитывается средний балл по 10 шкалам,

соответствующим 10 типам мотивации (или ценностям индивидуально-уровня), выделенных Ш. Шварцем: «Власть», «Конформность», «Благожелательность», «Безопасность», «Традиция», «Универсализм», «Самостоятельность», «Стимуляция», «Гедонизм», «Достижение» (Schwartz, 1992).

Результаты исследования

Тестируемая модель и средние значения показателей

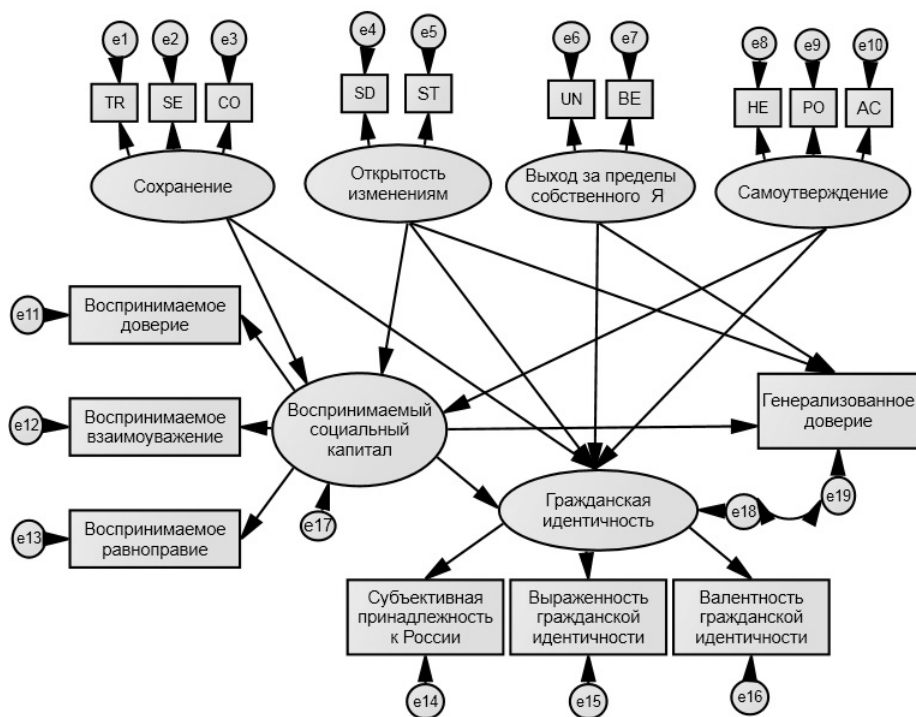
На рисунке 1 можно видеть тестируемую модель влияния ценностей на социально-психологический капитал поликультурного общества. На первом шаге анализа проводился симультанный конфирматорный факторный анализ. Результаты симультанного конфирматорного факторного анализа показали, что шкалы, используемые в исследовании, не обладают метрической инвариантностью для представителей трех этнических групп, поэтому дальнейшее моделирование проводилось отдельно для каждой этнической группы.

В таблице 3 приводятся средние значения всех показателей, использовавшихся в исследовании, по трем этническим группам. Статистическая значимость различий между показателями не оценивалась, поскольку нет условия эквивалентности шкал для всех трех выборок.

Шкалы всех показателей, представленных в данной таблице, являются 5-балльными, кроме шкалы оценки субъективной принадлежности к России.

Рисунок 1

Тестируемая модель влияния ценностей на социально-психологический капитал

Линейно-структурные модели, предсказывающие влияние индивидуальных ценностей на социально-психологический капитал

С помощью моделирования структурными уравнениями была проверена гипотеза о влиянии индивидуальных ценностей на показатели социально-психологического капитала у представителей трех этнических групп, проживающих в одном регионе России. Использование индексов модификации моделей показало, что для достижения их качества в них необходимо внести ряд изменений, поэтому далее финальные модели по

своей структуре отличаются от первоначально тестируемой. В таблице 4 приводятся характеристики качества моделей, а далее на рисунках 2, 3, 4 можно видеть графическое представление всех трех моделей.

На рисунке 2 показана взаимосвязь индивидуальных ценностей с социально-психологическим капиталом в группе русских. Данная модель претерпела ряд модификаций по сравнению с первоначальной. На этом и на приведенных ниже рисунках даны стандартизированные регрессионные коэффициенты и процент дисперии зависимых переменных, объясняемых совокупным воздействием независимых.

Таблица 3

Средние значения (M) и стандартные отклонения (SD) основных показателей

Показатели	Русские		Чеченцы		Ингуши	
	M	SD	M	SD	M	SD
Безопасность	4.9	0.8	4.7	0.7	5.0	0.8
Конформность	4.5	0.7	4.7	0.9	4.6	0.9
Традиция	3.1	0.9	3.7	0.9	4.0	0.9
Благожелательность	4.5	0.9	4.6	0.8	4.7	0.8
Универсализм	4.0	0.8	4.1	0.6	4.1	0.7
Самостоятельность	4.1	0.7	3.9	0.8	3.9	0.8
Стимуляция	3.4	1.2	3.2	1.1	2.9	1.3
Гедонизм	2.9	1.4	2.8	1.4	2.2	1.7
Достижение	3.9	0.9	3.8	0.7	3.9	0.7
Власть	2.9	1.1	2.8	1.2	2.7	1.3
Воспринимаемое доверие	3.6	0.9	3.5	1.1	3.2	0.9
Воспринимаемое взаимовуважение	3.9	0.8	3.8	1.0	3.7	0.9
Воспринимаемое равноправие	3.7	0.8	3.6	1.1	3.5	1.0
Субъективная принадлежность к России (шкала 4-балльная)	2.9	0.9	2.3	0.9	2.3	1.1
Выраженность гражданской идентичности	4.8	1.8	4.3	2.0	4.3	1.9
Позитивность гражданской идентичности	4.7	1.7	4.3	1.7	4.1	1.7
Доверие	3.3	1.5	3.6	1.9	3.2	1.7

Таблица 4

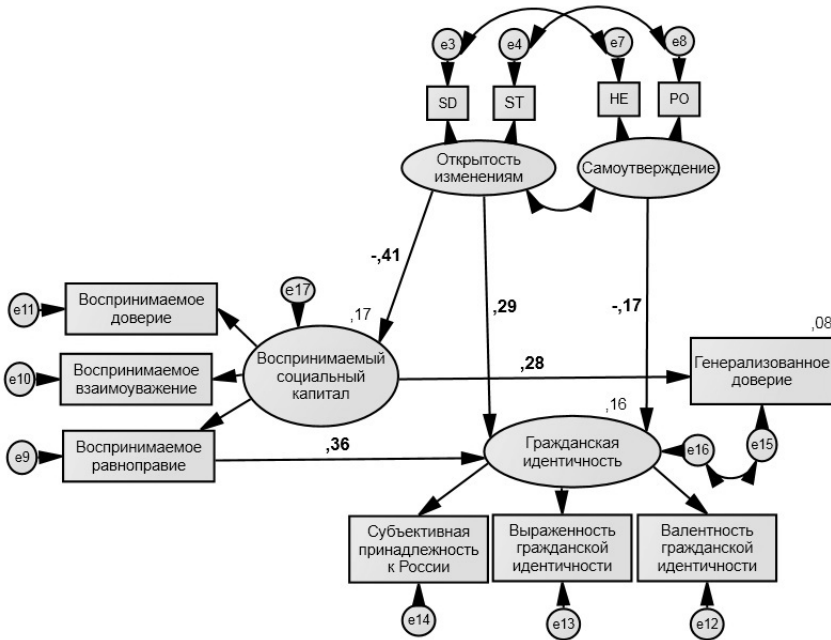
Индексы качества структурных моделей, связи ценностей и социально-психологического капитала в трех этнических группах

Группа	χ^2	df	CFI	RMSEA	PCLOSE	n
Русские	45.7	36	0.98	0.04	0.54	103
Чеченцы	44.2	36	0.97	0.05	0.51	100
Ингуши	27.2	37	1.0	0.00	0.99	109

Структурная модель, представленная на рисунке 2, показывает, что в выборке русских наилучшей предсказательной способностью по отношению к социально-психологическому капиталу обладают ценности

группы **Открытости изменениям** (Самостоятельность и Стимуляция) и ценности **Самоутверждения** (Гедонизм и Власть). Заметим, что ценности Достижения пришлось удалить из блока ценностей

Модель 1, предсказывающая влияние индивидуальных ценностей на социально-психологический капитал у русских

Самоутверждение, поскольку их наличие в данном блоке ухудшало качество модели. Воспринимаемый социальный капитал, предсказывает генерализованное доверие и гражданскую идентичность. Однако если на генерализованное доверие воспринимаемый социальный капитал влияет как целостная латентная переменная, то на гражданскую идентичность влияет только одна из его составляющих — «воспринимаемое равноправие».

На рисунке 3 представлена структурная модель влияния индивидуальных ценностей на социально-психологический капитал в группе чеченцев. Можно видеть, что у чеченцев, как и у русских, только группы ценностей **Открытость изме-**

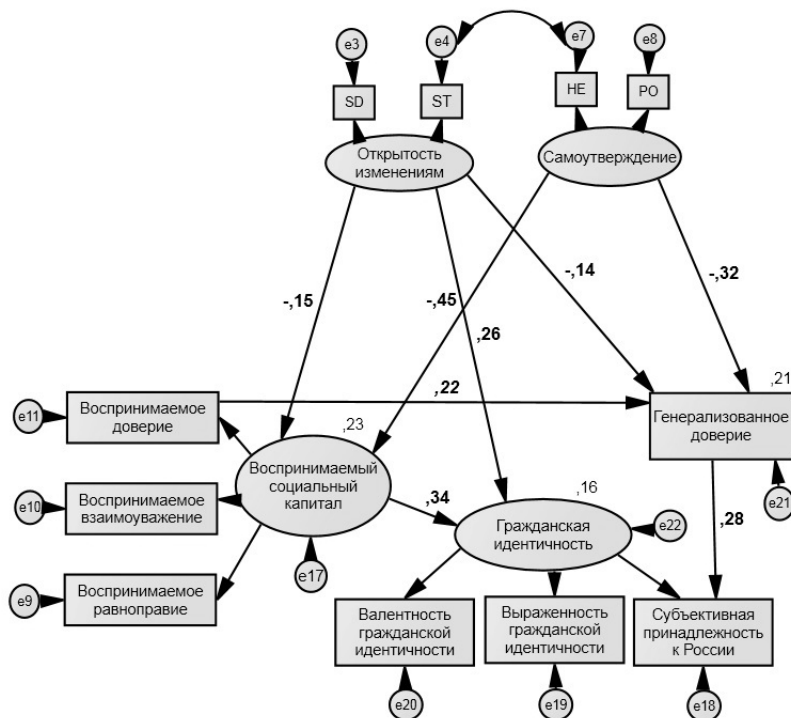
нениям и **Самоутверждение** предсказывают социально-психологический капитал.

Воспринимаемый социальный капитал, как можно видеть на рисунке 3, оказывает позитивное влияние на гражданскую (общероссийскую) идентичность. Но если в случае с гражданской идентичностью это эффект целостного конструкта, то на генерализованное доверие влияет только один компонент — «воспринимаемое доверие».

Согласно теории, такие компоненты социально-психологического капитала поликультурного общества, как гражданская идентичность и генерализованное доверие, должны иметь слабую корреляцию между собой, ясных теоретических оснований

Рисунок 3

Модель 2, предсказывающая влияние индивидуальных ценностей на социально-психологический капитал у чеченцев

для причинно-следственной связи между ними нет. Тем не менее в выборке чеченцев генерализованное доверие оказывает значимое влияние на уровень субъективного ощущения принадлежности к России.

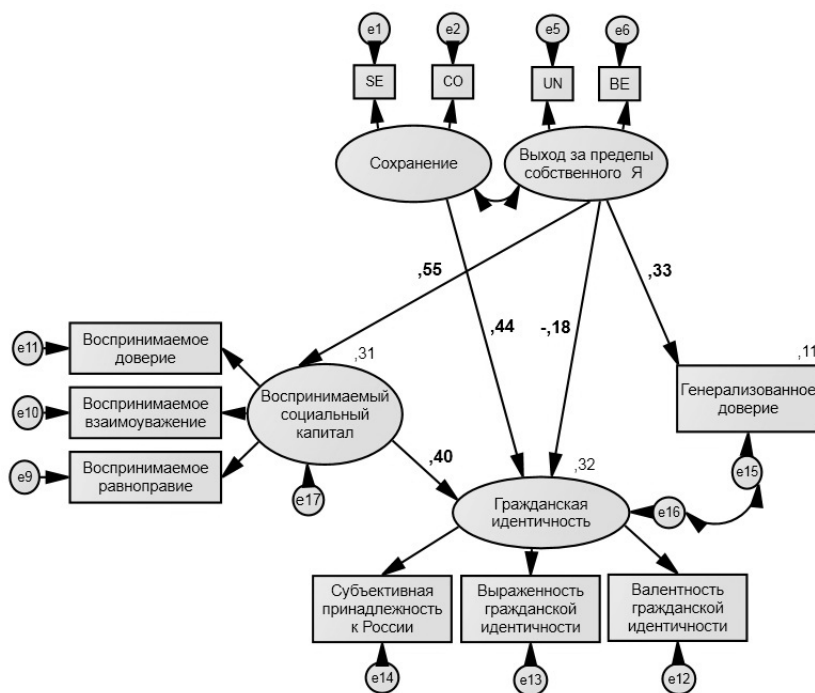
На рисунке 4 представлена модель, характеризующая влияние индивидуальных ценностных ориентаций на социально-психологический капитал в группе ингушей. В данной этнической группе по сравнению с двумя предыдущими случаями взаимосвязь продемонстрировали противоположные полюса ценностных оппозиций — ценности **Сохранения** (Безопасность и Конформность) и

ценности блока **Выход за пределы своего Я** (Универсализм и Благожелательность). Для повышения качества модели из состава блока **Сохранение** пришлось удалить ценности Традиции.

В группе ингушей воспринимаемый социальный капитал не продемонстрировал предсказательную способность по отношению к генерализованному доверию, но стандартизированный коэффициент регрессии, характеризующий влияние воспринимаемого социального капитала общества на гражданскую идентичность, довольно существенный.

Рисунок 4

Модель 3, предсказывающая влияние индивидуальных ценностей на социально-психологический капитал у ингушей

Обсуждение результатов

Эмпирические данные этого исследования указывают на то, что ценности лучше предсказывают социально-психологический капитал на уровне ценностных оппозиций, чем по отдельности. На данном этапе рассмотрения проблемы можно констатировать три выявленных факта:

- 1) ценностные ориентации связаны с социальным капиталом;
- 2) существуют ясные тенденции во влиянии ценностей на социальный капитал;
- 3) существуют межкультурные различия влияния индивидуальных

ценностей на социально-психологический капитал.

Межкультурные сходства связи ценностных ориентаций и социально-психологического капитала

Универсальным для русских и чеченцев оказалось влияние на воспринимаемый социальный капитал и гражданскую идентичность группы ценностей **Открытость изменениям**. Данная группа ценностей позитивно влияет на гражданскую идентичность и отрицательно — на воспринимаемый социальный капитал. Таким образом, при высокой выраженности

ценностей Самостоятельности и Стимуляции индивид более критично настроен по отношению к обществу, однако это не исключает его идентификации с обществом.

*Межкультурные различия связи
ценностных ориентаций и
социально-психологического
капитала*

Различий во влиянии ценностей на социально-психологический капитал между этническими группами больше, чем сходств. Обращает на себя внимание тот факт, что в группе русских не обнаружено влияния ценностей на общее доверие. У чеченцев группы ценностей **Самоутверждение** и **Открытость изменениям** демонстрируют отрицательную связь с доверием, т.е. в данной этнической группе ценности, отражающие стремление к доминированию над другими, могут препятствовать формированию такого важного компонента социально-психологического капитала, как доверие. В группе ингушей можно видеть реверсивное влияние — ценности группы **Выход за пределы собственного Я** позитивно влияют на доверие другим людям. Таким образом, на примере данных этнических групп было получено три возможных варианта соотношения ценностей и доверия: а) связь может отсутствовать; б) ценности **Самоутверждения** могут иметь негативный эффект по отношению к доверию; в) ценности **Выхода за пределы собственного Я** оказывают позитивное воздействие на общее доверие.

В выборке ингушей наибольшую предсказательную способность про-

демонстрировали ценности **Сохранения** и **Выхода за пределы собственного Я**. В данной этнической группе ценности **Сохранения** (Безопасность, Конформность) позитивно влияют на гражданскую (российскую) идентичность. Ценности **Выхода за пределы собственного Я** (Универсализм, Благожелательность) предсказывают доверие и достаточно существенно (на 31%) воспринимаемый социальный капитал.

*Роль индивидуальных ценностных
ориентаций для социально-
психологического капитала
поликультурного общества*

Что показало данное исследование и какова его польза для понимания влияния ценностей на социально-психологический капитал поликультурного общества? По этому поводу можно высказать несколько предположений, именно предположений, так как для их подтверждения требуется проведение исследования на больших выборках и с большим количеством этнических групп.

Для формирования и функционирования социально-психологического капитала в поликультурном обществе структура ценностей должна быть сбалансирована. Поскольку социально-психологический капитал включает различные измерения, то усиление какого-либо из блоков ценностных ориентаций будет сказываться негативно на его определенных компонентах. В частности, усиление в жизни личности роли ценностей **Самоутверждения** (Власть, Достижение, Гедонизм) будет негативно сказываться на доверии индивида и его оценке общества.

Усиление ценностей **Открытости изменениям** (Самостоятельность, Стимуляция) может иметь негативное влияние на воспринимаемый социальный капитал, но позитивное — на гражданскую идентичность.

Вероятно, что ценности групп **Выход за пределы собственного Я** и **Сохранение** в большей степени способствуют формированию позитивных отношений с окружающими, а значит, и формированию социально-психологического капитала, лежащего в основе капитала социального. Это ценности, способствующие устойчивости отношений внутри группы. Ценности групп **Открытость изменениям** и **Самоутверждение** являются базой развития личности, но находятся в конфронтации с установками на единство с группой. Тем не менее они важны для развития группы, поскольку индивиды с подобным «ценностным багажом» стимулируют изменения, инновации и «влекут» остальных за собой к достижениям. Поэтому группа будет успешной, если внутри нее будет существовать баланс ценностей. В противном случае она либо не будет активно развиваться, либо будет разрываемая противоречиями и конфликтами, т.е. в группах с высоким социальным капиталом теоретически все четыре ценностные оппозиции должны быть выражены примерно одинаково. Изменение в соотношении их выраженности, вероятно, будет способствовать снижению социального капитала.

Выводы

1. Индивидуальные ценностные ориентации оказывают определен-

ное влияние на социально-психологический капитал. Доля дисперсии социально-психологического капитала, объясняемая индивидуальными ценностями, колеблется от 8 до 32% по разным показателям в разных этнических группах. Таким образом, влияние индивидуальных ценностных ориентаций на социально-психологический капитал не является решающим, но оно существенно.

2. Можно сделать заключение, что ценности **Выхода за пределы собственного Я** оказывают позитивное влияние на социально-психологический капитал, а ценности **Самоутверждения** — негативное. Ценности **Открытости изменениям** позитивно влияют на гражданскую идентичность, но отрицательно — на воспринимаемый социальный капитал. Ценности **Сохранения** также демонстрируют позитивную связь с гражданской идентичностью. Однако в данном исследовании этот эффект проявился только у ингушей.

3. Индивидуальные ценностные ориентации, доминирующие у представителей общества оказывают влияние на социально-психологический капитал, поэтому нарушение сбалансированности динамической структуры ценностных ориентаций (усиление значимости определенных ценностей) может иметь в целом негативный эффект для социального капитала общества. Разумеется, социальный капитал не «пострадает», если в обществе возрастут ценности Благожелательности или Универсализма, но увеличение значимости других ценностей может негативно сказаться на социальном капитале.

Литература

Бодалев А.А. Психология общения. М.: Изд-во «Институт практической психологии»; Воронеж: НПО МОДЭК, 1996.

Градосельская Г.В. Сетевые измерения в социологии: Учебное пособие. М.: Издательский дом «Новый учебник», 2004.

Колумен Дж. Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. 2001. № 3. С. 122–139.

Коньков А.Т. Социальный капитал как концепция экономической социологии и его роль в системе экономического взаимодействия: Автореф. дис. ... докт. экон. наук. М., 2006.

Маршалл А. Принципы экономической науки: В 3 т. М.: Прогресс, 1993. Т. 1.

Мясищев В.Н. Психология отношений / Сост В.А. Журавель; Вступ. ст. и ред. А.А. Бодалева. М.: МПСИ; Воронеж, МОДЭК, 2011.

Патнэм Р. Чтобы демократия сработала. Гражданские традиции в современной Италии. М.: Ad Marginem, 1996.

Шихурев П.Н. Природа социального капитала: социально-психологический подход // Общественные науки и современность. 2003. № 2. С. 17–32.

Allik J., Reallo A. Individualism-collectivism and social capital // Journal of Cross-Cultural Psychology. 2004. 35. 1. 29–49.

Bankston C. Social capital, cultural values, immigration, and academic achievement: The host country context and contradictory consequences // Sociology of Education. 2004. 77. 176–179.

Carpenter J.P., Daniere A.G., Takahashi L.M. Cooperation, trust, and social capital in Southeast Asian urban slums // Journal of Economic Behavior and Organization. 2004. 55. 533–551.

Goldfinger J., Ferguson M. Social capital and governmental performance in large american cities // State & Local Government Review. 2009. 41. 1. 28–29.

Grey S. Social capital formation: A case study of the Jamaican values and attitudes campaign // Social and Economic Studies. 2008. 57. 149–170.

Gupta A. Mobilizing grassroots' technological innovations and traditional knowledge, values and institutions: articulating social and ethical capital // Futures. 2003. 35. 975–987.

Handbook of social capital / G. Svendsen (ed.). The Troika of Sociology, Political Science and Economics. Cheltenham, UK: Edward Elgar, 2010.

Häuberer J. Social capital theory: Towards a methodological foundation. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2011

Helliwell J., Putnam R. Economic growth and social capital in Italy // Eastern Economic Journal. 1995. 221. 295–307.

Helliwell J., Putnam R. Philosophical Transactions: Biological sciences to see the accompanying electronic appendix Published online, 31 August, 2004. 359. 1435–1446.

Kilkenny M., Nalbarte L., Besser T. Reciprocated community support and small town—small business success // Entrepreneurship and Regional Development. 1999. 11. 231–246.

Lehis E. Social capital in flux: Finding a job after conflict induced displacement. Josef Korbel School of International Studies. 2008. 54–55.

Lillbacka R. Measuring social capital: Assessing construct stability of various operationalizations of social capital in a finnish sample // Acta Sociologica. 2009. 49. 2. 201–220

Magun V., Rudnev M. The life values of the Russian population. Similarities and differences in comparison with other European countries // Sociological Research. 2010. 49. 4. 3–57.

Munene J.C., Schwartz S.H., Kibanja G. Escaping from Behavioral Poverty in Uganda. The role of Culture and Social Capital. Kampala: Fountain, 2005.

Nahapiet J., Ghoshal S. Social capital, intellectual capital, and the organizational advantage // Academy of Management Review. 1998. 23. 2. 242–266.

Onyx J., Bullen P. Measuring social capital in five communities in NSW: An analysis, centre for community organizations and management // Working Paper Series. Sydney: University of Technology, 1997. 41.

Onyx J., Bullen P. Sources of social capital // I. Winter (ed.). Social capital and public policy in Australia. Melbourne: Australian Institute of Family Studies, 2000. P. 105–134.

Putnam R. Social capital measurement and consequences // Canadian Journal of Policy Research. 2001. 2. 41–51.

Putnam R., Feldstain L. Better together: Restoring the American community. N.Y.: Simon and Schuster, 2003.

Rahn W. Social trust and value change: The decline of social capital in American youth, 1976–1995 // Political Psychology. 1998. 19. 545–565.

Schiff M. Social capital, labor mobility and welfare // Ration Soc. 1992. 4. 157–175.

Schwartz S.H. Universals in the content and structure of values: Theoretical advances and empirical tests in 20 countries // Advances in Experimental Social Psychology. 1992. 25. 1–65.

Van Staveren I., Knorringa P. Unpacking social capital in economic development: How social relations matter // Review of Social Economy. 2007. LXV (1). 107–135.

Veenstra G. Explicating social capital: Trust and participation in the civil space // Canadian Journal of Sociology. 2003. 27. 4. 547–572.

Westlund H., Calidoni-Lundberg F. Social capital and the creative class: Civil society, regional development and high-tech industry in Japan // CESIS Working Paper. 2007. 112.

ИМПЛИЦИТНЫЕ ТЕОРИИ ИННОВАТИВНОСТИ: МЕЖКУЛЬТУРНЫЕ РАЗЛИЧИЯ

Н.М. ЛЕБЕДЕВА

Лебедева Надежда Михайловна — профессор факультета психологии НИУ ВШЭ, заведующая Международной научно-учебной лабораторией социокультурных исследований Экспертного института НИУ ВШЭ, доктор психологических наук, профессор. Член Международной ассоциации кросс-культурной психологии (ИАССР).

Сфера научных интересов: кросс-культурные особенности социального поведения, межкультурное восприятие и взаимодействие, психологическая адаптация инокультурных мигрантов, культура и инновации и др. Автор 15 монографий, 10 учебных пособий и свыше 200 статей по проблемам этнической и кросс-культурной психологии.

Контакты: lebedhope@yandex.ru

Резюме

Выявлены межкультурные различия в имплицитных теориях инновативности: у русских более выражены индивидуальные теории инновативности, у респондентов из Северного Кавказа и Тувы — социальные ($N = 804$). С помощью моделирования структурными уравнениями построена культурно-универсальная модель влияния имплицитных теорий инновативности на личный опыт инноваций через установки по отношению к инновациям.

Влияние имплицитных теорий инновативности на отношение к инновациям более выражено в традиционных культурах (северокавказских, тувинской) и не является значимым в более модернизированной (русской) культуре.

Установки по отношению к инновациям влияют на опыт инноваций во всех трех культурах.

Ключевые слова: культура, инновации, имплицитные теории, установки, поведение, традиционность, модернизация, глобализация.

Экономический рост и процветание любой страны в современную эпоху зависят не столько от благо-

приятного географического положения и наличия природных ресурсов, сколько от концентрации и степени

развития интеллектуального потенциала (Инновационное развитие..., 2008). В настоящее время в России сохраняется довольно низкий для мировой державы уровень инновационной активности (там же), несмотря на то, что интеллектуальный и креативный потенциал российской молодежи очень высок (Лебедева, 2008, 2009; Kharkurin, Motalleebe, 2008).

В современной научной литературе, посвященной изучению креативности и инновативности, все чаще поднимается вопрос о сходстве и различии этих понятий.

Креативность — это одновременно когнитивный и социальный процессы, питаемые сознательной или бессознательной способностью проникновения в суть производства идей, понятий и ассоциаций (Lazarato, 1996). Инновативность — успешное внедрение новых идей: это результат творческого процесса в терминах «прибыльности», который включает производство и применение продуктов, услуг, процедур и процессов, желательных и жизнеспособных (Serrat, 2009). Инновативность в самом общем смысле может быть определена как способность к адаптации новых идей, использованию их на практике и созданию новых продуктов (Rogers, 2003; Styhre, Börjesson, 2006; West, 1997).

Некоторые авторы понимают под инновативностью способность субъекта черпать идеи вне существующей системы и привносить их вовнутрь, а также умение эффективно представлять эти идеи перед публикой. (Grewal et al., 2000; Larsen, Wetherbe, 1999). Таким образом, инновация является результатом успешного

применения возникающих креативных идей, а инновативность отражает способность оценки и реализации этих идей.

Зачастую под креативностью понимают некую составную часть инновативности: инновативность предполагает креативность, но креативность сама по себе недостаточна для устойчивой способности к инновативному поведению (Styhre, Börjesson, 2006; West, 2004). Креативность возникает не исключительно в голове человека, а только при взаимодействии с социальным контекстом. Существует ряд доказательств того, что культуры могут стимулировать либо фрустрировать креативность. С. Ариети (Arieti, 1976) изучал влияние культуры на креативность и предположил, что потенциальная креативность более распространена, чем креативность фактическая. Некоторые культуры способствуют креативности больше, чем другие, и он назвал эти культуры «креативогенными».

В течение многих лет на Западе для научных психологических и обыденных представлений было характерно приписывать креативность личностным, а не социальным или культурным факторам. Поэтому исследования креативности фокусировались на изучении характеристик личности (Barron, Harrington, 1981; Helsen, 1996), когнитивных процессов (The nature..., 1988) и жизненном пути креативных людей (Gardner, 1993).

Более 30 лет такой индивидуалистический западный подход отвергал необходимость изучения социальной природы креативных процессов. Многочисленные исследования в

китайской и корейской культурах (Chan, Chan, 1999; Rudowicz, Yue, 2000 и др.), культурах исламских стран и Турции (Khaleefa et al., 1997) показали, что не существует универсального понимания креативности. Этот феномен должен изучаться во взаимодействии индивидуальных и социокультурных переменных.

Теории, или концепты, креативности могут определяться как эксплицитные (внешние, явные) и как имплицитные (внутренние, неявные). Эксплицитные теории креативности — это конструкции психологов или других специалистов в сфере социальных наук, основанные на теоретических гипотезах, которые могут быть проверены эмпирически (Sternberg, 1985). Имплицитные теории проистекают из индивидуальных систем верований, коренящихся в сознании представителей той или иной культуры, их не изобретают, а выявляют. Люди используют свои имплицитные теории для формирования стандартов оценки своего и чужого поведения, они также могут служить основой для систем образования и формирования навыков.

В кросс-культурных исследованиях имплицитных теорий креативности на Западе (США, Европа) и Востоке (Китай, Япония, Корея) были выявлены явные несовпадения: на Западе неизменными атрибутами креативности и инноваций выступают *изобретательность, новизна, оригинальность, ориентация на самовыражение*, в то время как на Востоке любая инновация понимается как *интерпретация существующей традиции*.

В эмпирических исследованиях имплицитных теорий креативности

учителей в США и Китае были найдены как сходства, так и различия, которые заключались, прежде всего, в том, что в Китае в понятие креативности не входили такие качества, как «эстетические вкусы», «чувство юмора», но входили «честность», «уважение старших», «ответственность» и «коллективистские ориентации» (Rudowicz, Yue, 2000).

В кросс-культурном исследовании имплицитных теорий креативности учителей и родителей в Индии и США с помощью метода ACL — Adjective Check List (Runco et al., 1993) были получены результаты, согласно которым желательные для креативных детей качества могут быть оценены учителями и родителями как нежелательные (индивидуализм, независимость и др.), т.е. в имплицитных культурно-специфических теориях креативности доминируют культурно-одобряемые черты личности (Runco, Johnson, 2002).

В России проводились исследования оценки учителями понятия «хороший ученик», которые показали, что по степени желательности первое место делят такие качества, как «дисциплинированность» и «усидчивость», а нежелательные качества — «инициативность», «себе на уме», «дерзость» (Ефименко, Хван, 2006). Понятно, что креативность и инновативность личности больше сопряжены с независимостью и инициативностью, чем с дисциплинированностью и усидчивостью, поэтому встает вопрос, насколько российские практики социализации способствуют воспитанию в детях качеств, необходимых для инновационного развития? Поскольку сравнительных исследований имплицитных

теорий креативности и инновативности в поликультурном российском социуме не проводилось, мы считаем их актуальными и своевременными.

В связи с этой задачей встает ряд исследовательских вопросов: какие личностные качества необходимы новаторам? Различаются ли представления об этих качествах (имплицитные теории инновативности) в разных культурах России? Можно ли выделить так называемые «индивидуальные» (ориентированные на индивида) и «социальные» (ориентированные на группу) имплицитные теории инновативности?

Обзор теоретических и эмпирических исследований имплицитных теорий креативности (Seng et al., 2008; Runco, Johnson, 2002), а также исследований культуры, креативности и инноваций (Amabile, 1996; Chan, Chan, 1999; Leung, Morris, 2011; Lim, Plucker, 2001; Rudowicz, Yue, 2000; Runco, Johnson, 2002; West, Farr, 1990) позволил нам выдвинуть общую гипотезу исследования: имплицитные теории инновативности и их влияние на отношение к инновациям различаются в разных культурах.

Частные гипотезы:

1. Содержание имплицитных теорий инновативности у русских, народов Северного Кавказа и Тувы различается: для русских более значимы «индивидуальные» теории инновативности, для народов Кавказа и тувинцев — «социальные».

2. Существует культурно-универсальная модель влияния имплицитных теорий инновативности на инновативные установки и поведение индивида.

3. Влияние имплицитных теорий инновативности на установки по

отношению к инновациям более выражено в традиционных культурах (северокавказских, тувинской) и не выражено в более модернизированной (русской) культуре.

Цель исследования: выявить имплицитные теории инновативности у представителей трех этнокультурных групп: русских, народов Северного Кавказа (чеченцев и ингушей), тувинцев; провести их кросс-культурное сопоставление, а также изучить их влияние на отношение к инновациям.

Объект исследования: имплицитные теории инновативности

Предмет исследования: межкультурные различия имплицитных теорий инновативности у русских, народов Северного Кавказа и тувинцев.

Методика исследования

Участники исследования: студенты вузов и учителя средних школ, представители трех этнокультурных групп: русские (Москва, Новокузнецк), народы Северного Кавказа (ингуши, чеченцы — Южный Федеральный округ), тувинцы (Республика Тыва). Общий объем выборки — 804 человека (см. таблицу 1).

Студенты и учителя в качестве респондентов выбраны не случайно: учителя средних школ являются трансляторами культурных ценностей и представлений для последующих поколений, они активно участвуют в социокультурной социализации детей и молодежи, их представления о креативности и инновациях влияют на развитие творческих способностей и формирование установок по отношению к инновациям у их учеников.

Таблица 1

Характеристики выборки исследования

Группа	Количество респондентов, чел.	Пол		Возраст (лет)
		мужчины, кол-во (%)	женщины, кол-во (%)	
Русские	390	98 (22,3%)	292(77,7%)	M = 30.2, Me = 21 (min – 17, max – 63)
Народы Северного Кавказа (ингуши, чеченцы)	194	34 (18%)	160 (82%)	M = 31, Me = 28 (min – 17, max – 62)
Тувинцы	217	31 (14%)	186(86%)	M= 29.3, Me = 24 (min – 17, max – 69)
Всего	801	163 (19%)	638 (81%)	M = 30.1, Me = 23 (min – 17, max – 69)

Студенты вузов – это «продукт» российской школы, их имплицитные теории креативности и инноваций определяют их установки и поведение по отношению к инновациям, следовательно, формирование социально-психологического климата, в котором предстоит развивать инновационную экономику.

Процедура исследования: опросник на русском языке предъявлялся для заполнения индивидуально и в малых группах (5–7 человек) очно в присутствии интервьюера. Опрос проводился в учебных заведениях (вузах и средних школах), процедура исследования была одинакова. Среднее время заполнения опросника – 15–20 минут.

Методы исследования: социально-психологический опрос с применением следующих методов исследования.

Модифицированная методика ACL (Adjective Check List), или «Контрольный список прилагательных» (Runco et al., 1993) для измере-

ния качеств, необходимых новаторам. Методика содержала 30 прилагательных, определяющих потенциальные качества новатора. Инструкция респондентам: «Отметьте, пожалуйста, цифрой от 1 (min) до 7 (max) желательность каждой из указанных черт личности у новатора, изобретателя, творческого человека (попытайтесь выбирать разные цифры)».

2. Авторская методика «Инновативные качества личности» (Лебедева, Татарко, 2009), состоящая из 12 утверждений, в которых респондентам предлагалось оценить степень своего сходства с человеком, чьи характеристики описывались с помощью 5-балльной шкалы от 1 – абсолютно не похож на меня до 5 – абсолютно похож на меня. Методика в своем классическом варианте содержит 3 основные шкалы, выделенные с помощью эксплораторного факторного анализа: «Креативность», «Риск ради успеха», «Ориентация на будущее». Среднее значение вышеуказанных

шкал составило интегральный «Индекс инновативности личности» (α -Кронбаха = 0.79 — русские; 0.85 — кавказцы; 0.80 — тувинцы). Апробация и адаптация методики осуществлялась в ходе ряда кросс-культурных исследований (N = 4573) в России (2007–2011), Канаде (2008), Китае (2009).

3. Вопрос относительно личного опыта внедрения инноваций: «Приходилось ли Вам предлагать или внедрять новые идеи в своем коллективе?» Ответ представлял собой 5-балльную шкалу Лайкерта от 1 — нет до 5 — да.

Обработка данных проводилась с помощью статистического пакета SPSS (версия 19). При определении достоверности различий подсчитывался критерий Колмогорова—Смирнова для независимых выборок; в целях снижения размерности шкал применялись эксплораторный факторный анализ (метод главных компонент, вращение Varimax) и конфирматорный факторный анализ в среде AMOS (версия 19). Для определения взаимосвязей переменных применялось структурное моделирование латентными переменными с помощью приложения к SPSS AMOS (версия 19).

Результаты исследования

Межкультурные сходства и различия имплицитных теорий инновативности

Среди качеств, необходимых новатору, выявлены как сходства, так

и значимые различия между русскими, народами Северного Кавказа и тувинцами. В частности, межкультурные сходства в приоритетных качествах новатора проявляются в том, что во всех трех группах встречаются такие качества, как *интеллект, логика, изобретательность, уверенность в себе, активность*.

С помощью критерия Колмогорова—Смирнова для независимых выборок были выявлены значимые различия в качествах новаторов между русскими и представителями народов Северного Кавказа: для русских более значимы такие качества, как *любопытность* ($Z = 2.41^{***1}$), *высокая мотивация* ($Z = 1.36^*$), *ясное мышление* ($Z = 1.69^{**}$), для кавказцев: *конформизм* ($Z = 1.59^*$), *честность* ($Z = 2.77^{***}$), *доверие людям* ($Z = 2.05^{***}$), *послушание* ($Z = 3.00^{***}$). Нетрудно заметить, что основные различия касаются индивидуальных (более значимых для русских) и социальных (более значимых для народов Кавказа) качеств личности новатора. Сравнение качеств новатора у русских и тувинцев позволило выявить следующие значимые различия: русские более важными считают такие качества, как *амбициозность* ($Z = 1.70^*$), *энтузиазм* ($Z = 1.58^*$), *интуицию* ($Z = 1.69^*$), *воображение* ($Z = 1.36^*$), *склонность к риску* ($Z = 1.69^*$), *изобретательность* ($Z = 1.44^*$), *настойчивость* ($Z = 1.82^{**}$), *индивидуализм* ($Z = 1.59^*$), а тувинцы: *почитание авторитетов* ($Z = 1.58^*$), *конформизм* ($Z = 1.51^*$), *честность* ($Z = 2.60^{***}$), *доверие людям* ($Z = 1.96^{***}$), *послушание* ($Z = 3.68^{***}$). Как и в случае с представителями

¹ Здесь и далее: *** — $p < 0.001$, ** — $p < 0.01$, * — $p < 0.05$.

народов Кавказа, русские больше ценят индивидуальные качества новаторов, а тувинцы — социальные.

Межгрупповое сравнение предпочтений качеств, необходимых новатору, у северокавказских респондентов и тувинцев показало, что представители народов Северного Кавказа выше, чем тувинцы, ценят у новаторов *склонность к риску* ($Z = 1.43^*$), *ясное мышление* ($Z = 1.59^*$), *независимость* ($Z = 1.86^{**}$), *индивидуализм* ($Z = 1.94^{***}$), т.е. индивидуальные качества новаторов.

Результаты факторного анализа качеств новатора

Для снижения размерности шкал методики ASL и для более глубокого понимания природы имплицитных теорий инновативности мы применили эксплораторный факторный анализ 30 качеств новатора с помощью метода главных компонент путем вращения корреляционной матрицы по типу «варимакс» с заданием двухфакторного решения (КМО = 0.780; $p < 000$). В результате полученные нами два фактора объясняют 49.5% дисперсии.

В первый фактор «Индивидуальные теории инновативности» (вес — 3.15; дисперсия — 28.70%) вошли следующие качества с соответствующими нагрузками: *энтузиазм* (0.74), *изобретательность* (0.70), *склонность к риску* (0.67), *воображение* (0.66), *высокая мотивация* (0.65), *оптимизм* (0.63), *открытость новому* (0.61).

Во второй фактор «Социальные теории инновативности» (вес — 2.30; дисперсия — 20.86%) вошли следующие черты: *доверие людям* (0.79),

честность (0.76), *послушание* (0.73), *почитание авторитетов* (0.66).

Для проверки данных двух шкал, полученных в ходе эксплораторного факторного анализа, был применен конфирматорный факторный анализ с помощью приложения к SPSS AMOS (версия 19). Шкалы были представлены в модели как коррелирующие, поскольку оба конструкта представляют собой имплицитные теории инновативности (корреляция между шкалами значима; коэффициент корреляции — 0.36^{**}).

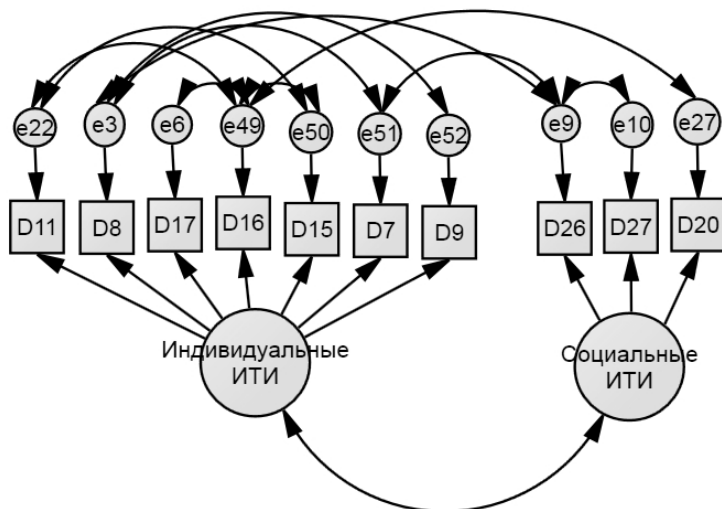
Все вопросы, вошедшие в шкалу «Индивидуальные теории инновативности», оказались достаточно согласованными. Из шкалы «Социальные теории инновативности» был удален пункт «Послушание». Несмотря на то что коэффициент регрессии, с которым этот вопрос входил в шкалу, был достаточно высок (0.70^{***}), он ухудшал общие показатели по модели за счет того, что влиял на другие вопросы шкалы, а также входил в шкалу «Индивидуальные теории инновативности», что противоречило теории. В результате модификаций была получена следующая модель (см. рисунок 1).

При выполнении условия конфигуральной инвариантности мы наблюдаем метрическую инвариантность ($p = 0.201$) и инвариантность ковариаций ($p = 0.183$), которые позволяют нам сравнивать средние. В таблице 2 представлены стандартизированные регрессионные веса переменных, вошедших в выделенные нами факторы у всех трех культурных групп.

Таким образом, в результате эксплораторного и конфирматорного факторного анализа мы получили

Рисунок 1

Результаты подтверждающего факторного анализа для шкал
Индивидуальных и Социальных имплицитных теорий инновативности

Примечание. Здесь и далее: ИТИ – имплицитные теории инновативности. Показатели модели: $\chi^2 = 118.209$; $df = 72$; $p < 0.000$; $CMIN/DF = 1.642$; $CFI = 0.975$; $PCLOSE = 1.000$; $RMSEA = 0.029$.

Таблица 2

Стандартизированные регрессионные веса переменных факторов
«Индивидуальные теории инновативности» и «Социальные теории инновативности»
(по данным подтверждающего факторного анализа)

Теории инновативности	Переменная из ASL, входящая в фактор	Русские	Кавказцы	Тувинцы
Индивидуальные	D11: Открытость новому	0.462***	0.701***	0.406***
	D17: Изобретательность	0.568***	0.542***	0.585***
	D8: Энтузиазм	0.745***	0.610***	0.666***
	D16: Склонность к риску	0.487***	0.562***	0.357***
	D15: Воображение	0.537***	0.596***	0.402***
	D7: Высокая мотивация	0.578***	0.571***	0.657***
	D9: Оптимизм	0.707***	0.456***	0.646***
Социальные	D20: Почитание авторитетов	0.795**	0.325	0.707**
	D26: Честность	0.372***	0.336***	0.358***
	D27: Доверие людям	0.536***	0.546*	0.572***

два набора переменных, составляющих **Индивидуальные и Социальные теории инновативности**.

*Межкультурные различия
имплицитных теорий
инновативности*

Затем мы провели межкультурное сравнение выявленных нами имплицитных теорий инновативности с помощью критерия Колмогорова—Смирнова (см. таблицы 3–5).

Согласно Z-критерию Колмогорова—Смирнова, выявлены значимые различия в «Социальных теориях инновативности» между русскими и представителями народов Северного

Кавказа, а именно: жители Кавказа считают социальные качества *почитание авторитета, честность, доверие людям* более необходимыми новатору, чем это представляется русским респондентам.

Из данных таблицы 4 следует, что в представлениях русских больший приоритет отдается индивидуальным качествам новатора, а в представлении тувинцев социальные качества новатора имеют большую ценность.

Значимых различий в имплицитных теориях инновативности у представителей народов Северного Кавказа и русских не выявлено (таблица 5).

Таблица 3

**Межкультурные различия имплицитных теорий инновативности
(русские — представители народов Северного Кавказа)**

Имплицитные теории инновативности	Русские			Народы Кавказа			Значимость различий Z-критерий
	Me	range	Min—max	Me	range	Min—max	
Индивидуальные ИТИ	5.50	5.17	1.83—7	5.33	4	3—7	1.119
Социальные ИТИ	3.75	6.25	0.75—7	4.5	5.75	1.25—7	1.957**

Таблица 4

**Межкультурные различия имплицитных теорий инновативности
(русские — тувинцы)**

Имплицитные теории инновативности	Русские			Тувинцы			Значимость различий Z-критерий
	Me	range	Min—max	Me	range	Min—max	
Индивидуальные ИТИ	5.50	5.17	1.83—7	5.17	5	2—7	2.196***
Социальные ИТИ	3.75	6.25	0.75—7	4.75	6	1—7	2.975***

Таблица 5

**Межкультурные различия имплицитных теорий инновативности
(представители народов Северного Кавказа – тувинцы)**

Имплицитные теории инновативности	Народы Кавказа			Тувинцы			Значимость различий <i>Z-критерий</i>
	<i>Me</i>	<i>range</i>	<i>Min–max</i>	<i>Me</i>	<i>range</i>	<i>Min–max</i>	
Индивидуальные ИТИ	5.33	4	3–7	5.17	5	2–7	1.063
Социальные ИТИ	4.5	5.75	1.25–7	4.75	6	1–7	0.814

Результаты конфирматорного факторного анализа методики «Инновативные качества личности»

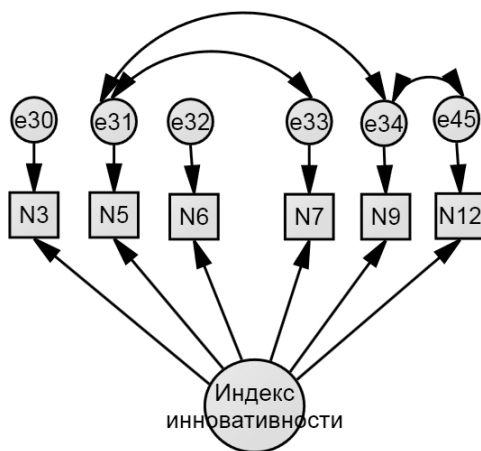
Для расчета Индекса инновативности личности был проведен конфирматорный факторный анализ методики «Инновативные качества личности» с помощью программы

AMOS. На рисунке 2 представлена полученная модель.

При выполнении условия конфигуральной инвариантности мы наблюдаем также метрическую инвариантность ($p = 0.056$) и инвариантность ковариаций ($p = 0.095$), которые позволяют нам сравнивать средние. В таблице 6 представлены стандартизированные регрессионные

Рисунок 2

Результаты конфирматорного факторного анализа для Индекса инновативности личности

Примечание. Показатели модели: $\chi^2 = 21.849$; $df = 18$; $p = 0.239$; $CMIN/DF = 1.214$; $CFI = 0.995$; $PCLOSE = 0.997$; $RMSEA = 0.017$.

веса переменных, вошедших в шкалу «Индекс инновативности» в кросс-культурном сопоставлении.

Далее мы провели межкультурное сравнение Индекса инноватив-

ности и Опыта инноваций в трех культурных группах по методу Колмогорова—Смирнова (см. таблицы 7–9). Мы видим, что значимых межкультурных различий в

Таблица 6

Стандартизированные регрессионные веса переменных, входящих в шкалу «Индекс инновативности» в трех культурных группах

Вопрос	Русские	Кавказцы	Тувинцы
N3: Он готов идти на риск ради достижений	0.533***	0.462***	0.430***
N5: Ему нравится делать все по-своему, оригинально	0.652***	0.672***	0.651***
N6: Для него важно разнообразие в жизни	0.692***	0.694***	0.653***
N7: Встреча с неизведанным, новым не пугает его	0.584***	0.689***	0.546***
N9: Он творческий человек, всегда стремится создать, придумать что-то новое	0.480***	0.264**	0.270**
N12: Для него характерна любовь к исследованию нового, любознательность	0.537***	0.182*	0.256*

Таблица 7

Межгрупповые различия в Индексе инновативности и опыте инноваций между русскими и представителями народов Северного Кавказа

Переменные	Русские			Народы Кавказа			Значимость различий Z-критерий
	Me	range	Min–max	Me	range	Min–max	
Индекс инновативности	3.4	4	1–5	3.4	3.4	1.6–5	0.52
Опыт инноваций	3	4	1–5	3	4	1–5	0.23

Таблица 8

Межгрупповые различия в Индексе инновативности и опыте инноваций между русскими и тувинцами

Переменные	Русские			Тувинцы			Значимость различий Z-критерий
	Me	range	Min–max	Me	range	Min–max	
Индекс инновативности	3.4	4	1–5	3.2	3.8	1.2–5	1.32
Опыт инноваций	3	4	1–5	3	4	1–5	0.77

Таблица 9

Межгрупповые различия в Индексе инновативности и опыте инноваций между представителями народов Северного Кавказа и тувинцами

Переменные	Народы Кавказа			Тувинцы			Значимость различий
	Me	range	Min–max	Me	range	Min–max	
Индекс инновативности	3.4	3.4	1.6–5	3.2	3.8	1.2–5	1.32
Опыт инноваций	3	4	1–5	3	4	1–5	0.77

показателях этих двух шкал не выявлено.

*Эмпирическая модель влияния
имплицитных теорий
инновативности на опыт
инноваций*

С помощью моделирования структурными уравнениями была проверена гипотеза о влиянии имплицитных теорий инновативности на отношение к инновациям (Индекс инновативности и Опыт инноваций). Предполагалось, что шкала Индекс инновативности, измеряющая, по замыслу авторов методики, установки личности по отношению к инновациям (Лебедева, Татарко, 2009), является опосредующим фактором во влиянии имплицитных теорий инновативности на опыт инноваций.

Тестировались две конкурирующие модели: модель полной медиации (рисунок 3, слева), где Имплицитные теории инновативности влияют на Опыт инноваций только через Индекс инновативности (т.е. на установки по отношению к инновациям) и модель частичной медиации (рисунок 3, справа), где Имплицитные теории инновативно-

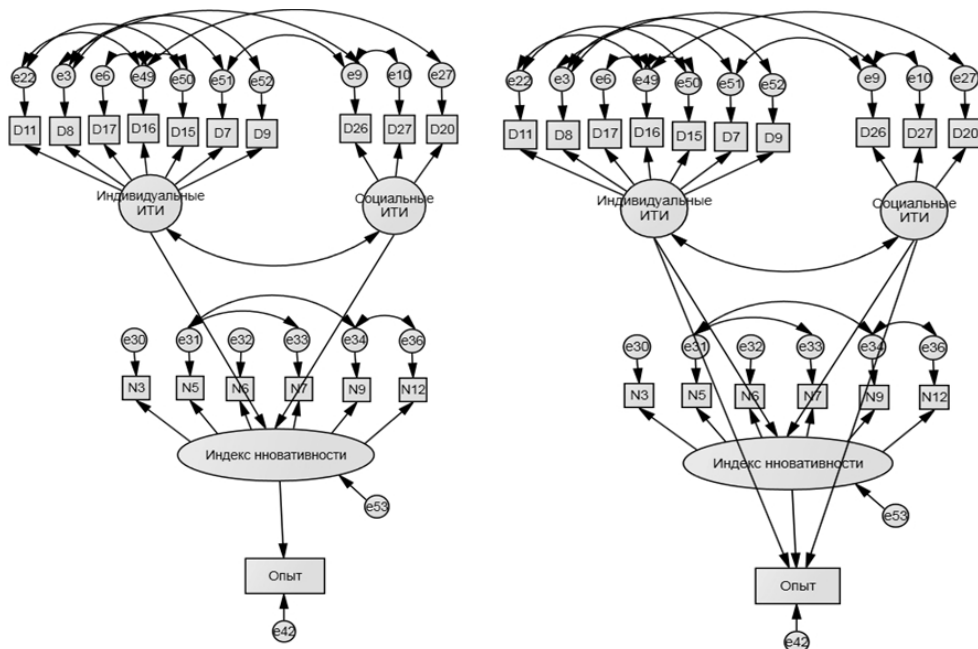
сти имеют также и прямое влияние на Опыт инноваций. По своим показателям модели полной и частичной медиации идентичны, однако прямое влияние Имплицитных теорий инновативности на Опыт инноваций статистически не значимо, поэтому для межгруппового анализа мы используем модель полной медиации.

Показатели модели в межгрупповом анализе: $\chi^2 = 454.857$; $df = 309$; $p = 0.000$; $CMIN/DF = 1.472$; $CFI = 0.948$; $PCLOSE = 1.000$; $RMSEA = 0.025$

Так как уровень CFA < 0.950 , модель требует доработки. Индексы модификаций показывают, что в выборке тувинцев существует значимая корреляционная связь между двумя ошибками — к вопросу Изобретательность по шкале Индивидуальные теории инновативности и к вопросу о наличии опыта инноваций («Приходилось ли Вам предлагать или внедрять новые идеи в своем коллективе?»). Это может свидетельствовать о том, что изобретательность как компонент имплицитных теорий инновативности была ведущим конструктом при оценке личного опыта инноваций у тувинцев. Добавляя данную корреляционную связь, мы

Рисунок 3

**Модели влияния Имплицированных теорий инновативности на отношение к инновациям:
полная (слева) и частичная (справа) медиации**

χ^2	DF	<i>p</i>	CMIN/DF	CFI	PCLOSE	RMSEA	χ^2	DF	<i>p</i>	CMIN/DF	CFI	PCLOSE	RMSEA
222.180	103	0.000	2.157	0.956	0.994	0.039	218.750	101	0.000	2.166	0.956	0.992	0.40
Индивидуальные ИТИ → ИИ					0.241***		Индивидуальные ИТИ → ИИ					0.244***	
Социальные ИТИ → ИИ					-0.037		Социальные ИТИ → ИИ					-0.029	
ИИ → Опыт инноваций					0.267***		ИИ → Опыт инноваций					0.280***	
							Индивидуальные ИТИ → Опыт инноваций					-0.024	
							Социальные ИТИ → Опыт инноваций					-0.072	

получаем модель, представленную на рисунке 4.

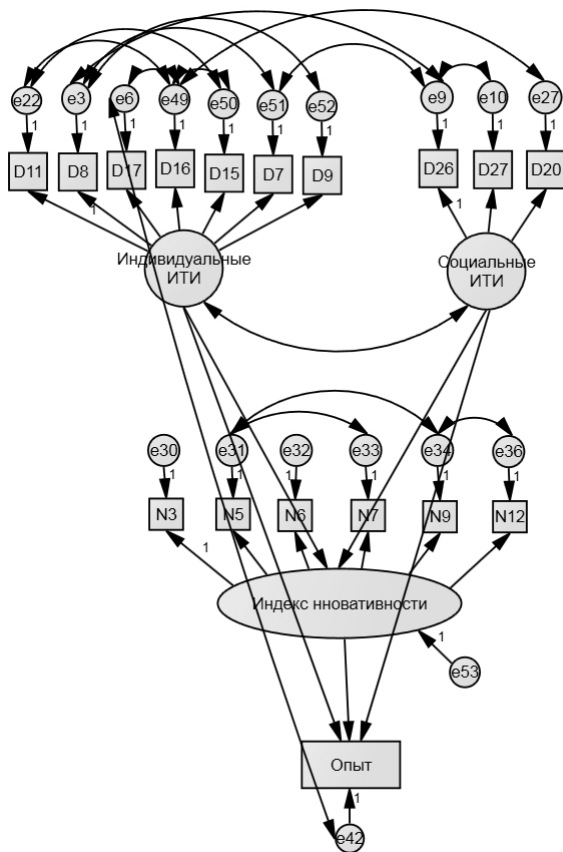
При выполнении условия конфигуральной инвариантности мы наблюдаем также метрическую инвариантность ($p = 0.174$) и инвариантность ковариаций ($p = 0.075$), которые позволяют нам сравнивать коэффициенты регрессий в трех группах (таблица 10).

Мы видим, что Индивидуальные имплицитные теории инновативно-

сти значимо влияют на установки по отношению к инновациям (Индекс инновативности) у представителей Северного Кавказа и тувинцев и не оказывают значимого влияния у русских. Социальные теории инновативности не влияют на установки по отношению к инновациям (Индекс инновативности) ни в одной из исследованных групп. Индекс инновативности значимо влияет на Опыт инноваций во всех трех выборках.

Рисунок 4

**Модель влияния ИмPLICITНЫХ теорий инновативности на Опыт инноваций.
Медиативная роль Индекса инновативности**

Примечание. Показатели модели в межгрупповом анализе: $\chi^2 = 435.371$; $df = 306$; $p = 0.000$; $CMIN/DF = 1.423$; $CFI = 0.954$; $PCLOSE = 1.000$; $RMSEA = 0.024$.

Таблица 10

**Стандартизированные коэффициенты регрессии влияния переменных
для трех культурных групп**

Влияние переменных	Русские	Кавказцы	Тувинцы
Индивидуальные имплицитные теории инновативности → Индекс инновативности	0.071	0.369*	0.420*
Социальные имплицитные теории инновативности → Индекс инновативности	0.074	-0.139	-0.178
Индекс инновативности → Опыт инноваций	0.322***	0.268**	0.244**

Данная модель демонстрирует опосредующую роль установок по отношению к инновациям во влиянии имплицитных теорий инновативности на инновативное поведение (опыт инноваций).

Обсуждение результатов

Итак, в нашем исследовании обнаружены межкультурные сходства и различия в определении качеств, необходимых новатору, русскими, респондентами с Северного Кавказа и тувинцами. С помощью эксплораторного и конфирматорного факторных анализов удалось выделить два блока имплицитных теорий инновативности: «Индивидуальные имплицитные теории инновативности»: *открытость новому, изобретательность, энтузиазм, склонность к риску, воображение, высокая мотивация, оптимизм* — и «Социальные имплицитные теории инновативности»: *почтение авторитетов, честность, доверие людям*. Их значимость для представителей разных культур различается: для русских более значимы «Индивидуальные имплицитные теории инновативности», для народов Кавказа и тувинцев — «Социальные имплицитные теории инновативности». Это подтверждает нашу первую частную гипотезу и совпадает с результатами зарубежных исследований, обнаруживших включение в понятие креативности китайскими учителями таких характеристик, как «честность», «уважение старших», «ответственность» и коллективистские ориентации (Rudowicz, Yue, 2000), и факт доминирования в имплицитных культурно-специфи-

ческих теориях креативности в Индии и США культурно-одобряемых черт личности (Runco, Johnson, 2002).

Наше исследование с помощью моделирования структурными уравнениями выявило культурно-универсальную модель влияния имплицитных теорий инновативности на отношение к инновациям и опыт инноваций в трех разных культурах. Было показано, что **Индивидуальные имплицитные теории инновативности** значимо влияют на установки по отношению к инновациям у представителей Северного Кавказа и тувинцев и не оказывают значимого влияния у русских. При этом **Социальные теории инновативности** не влияют на установки по отношению к инновациям ни в одной из исследованных групп. Позитивное отношение к инновациям («Индекс инновативности») значимо влияет на личный опыт инновационной деятельности во всех трех группах. Данная модель продемонстрировала медиативную роль установок по отношению к инновациям в модели влияния имплицитных теорий инновативности на инновативное поведение («Опыт инноваций»).

Исследование показало, что влияние имплицитных теорий инновативности на отношение к инновациям более выражено в традиционных культурах (северокавказских, тувинской) и не выражено в более модернизированной (русской) культуре. Это вполне объяснимо тем, что в модернизированных, испытавших процесс глобализации (Интернет, географическая мобильность, технологический прогресс и т.п.) культурах отношение к инновациям определяется не

столько культурно-специфическими имплицитными теориями креативности и инновативности, сколько влиянием единого глобального информационного поля и массовым принятием инноваций в социальном дискурсе повседневной жизни. Полученные нами результаты позволили подтвердить общую гипотезу исследования о том, что имплицитные теории инновативности и их влияние на отношение к инновациям различаются в разных культурах.

В заключение следует сказать, что в данном исследовании впервые выявлялись имплицитные теории инновативности у разных культурных групп российского социума. Была показана культурно-универсальная модель влияния имплицитных теорий инновативности на опыт инноваций через установки по отношению к инновациям. Это означает, что инновативное поведение человека обусловлено его установками по отношению к инновациям и культурой, в которой он прошел социализацию. С ростом модернизации и глобализации роль имплицитных теорий инновативности в отношении к инновациям и инновационном поведении, предположительно, будет снижаться. Однако в процессе модернизации необходимо понимать, что у представителей более традиционных культур в большей степени выражены **Социальные теории**

инновативности, т.е., по их мнению, новатор должен обладать социально ориентированными качествами личности (доверие людям, честность, послушание, почитание авторитетов), и это важно учитывать при планировании и внедрении инноваций в разных регионах России.

Выводы

1. Выявлены межкультурные различия в имплицитных теориях инновативности: у русских более выражены **Индивидуальные теории инновативности**, у респондентов из Северного Кавказа и Тувы более выражены **Социальные теории инновативности**.

2. Построена культурно-универсальная модель влияния имплицитных теорий инновативности на личный опыт инноваций через установки по отношению к инновациям.

3. Влияние имплицитных теорий инновативности на отношение к инновациям более выражено в традиционных культурах (северокавказских, тувинской) и не является значимым в более модернизированной (русской) культуре.

4. **Индивидуальные теории инновативности** влияют на отношение к инновациям, а **Социальные теории инновативности** не влияют.

5. Установки по отношению к инновациям влияют на опыт инноваций во всех трех культурах.

Литература

Ефименко О.Г., Хван А.А. Ученик глазами учителя: опыт анализа ценностных ориентаций педагогов // Актуальные

проблемы прикладной психологии: Материалы конференции. Калуга, 2006. С. 82–85.

Инновационное развитие — основа модернизации экономики России: Национальный доклад. М.: ИМЭМО РАН; ГУ ВШЭ, 2008.

Лебедева Н.М. Ценности культуры, экономические установки и отношение к инновациям в России // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2008. № 2 С. 68–88.

Лебедева Н.М. Ценности и отношение к инновациям: межкультурные различия // Психологический журнал. 2009. № 6. С. 81–92.

Лебедева Н.М., Татарко А.Н. Методика исследования отношения личности к инновациям // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2009. № 4 (23): Педагогика, психология, социология и методика их преподавания: В 2 ч. Ч. 2. С. 89–96.

Amabile T.M. Creativity in context. Boulder, CO: Westview, 1996.

Arieti S. Creativity: The magic synthesis. N.Y.: Basic Books, 1976.

Barron F.X., Harrington D.M. Creativity, intelligence, and personality // Annual Review of Psychology. 1981. 32. 439–476.

Chan D.W., Chan L.K. Implicit theories of creativity: Teachers' perceptions of student characteristics in Hong Kong // Creativity Research Journal. 1999. 12. 3. 185–195.

Gardner H. Creating minds: An anatomy of creativity. N.Y.: Basic Books, 1993.

Grewal R., Mehta R., Kardes F. The role of the social-identity function of attitudes in consumer innovativeness and opinion leadership // Journal of Economic Psychology. 2000. 21. 3. 233–252.

Helsen R. In search of the creative personality // Creativity Research Journal. 1996. 9. 4. 295–306.

Khaleefa O.H., Erdos G., Ashria I.H. Traditional education and creativity in an Afro-Arab culture: The case of Sudan //

Journal of Creative Behavior. 1997. 31 (3). 201–211.

Kharkhurin A., Motallebi S.N.S. The impact of the creative potential of American, Russian, and Iranian college students // Creativity Research Journal. 2008. 20. 4. 404–411.

Larsen T.J., Wetherbe J.C. An exploratory field study of differences in information technology use between more- and less-innovative middle managers // Information & Management. 1999. 36. 2. 93–108.

Lazzarato M. Immaterial labour // P. Virno, M. Hardt (eds). Radical thought in Italy. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1996. P. 132–146.

Leung K., Morris M. Culture and creativity: A social psychological analysis // D. de Cremer, R. van Dick, J.K. Murnighan (eds). Social psychology and organizations. N.Y.: Routledge, 2011. P. 371–396.

Lim W., Plucker J.A. Creativity through a lens of social responsibility: Implicit theories of creativity with Korean samples // Journal of Creative Behavior. 2001. 35. 2. 115–130.

The nature of creativity / R.J. Sternberg (ed.). Cambridge University Press, 1988.

Rogers E.M. Diffusion of innovations. N.Y.: Free Press, 2003.

Rudowicz E., Yue X. Concepts of creativity: Similarities and differences among mainland, Hong Kong and Taiwanese Chinese // Journal of Creative Behavior. 2000. 25. 311–319.

Runco M.A., Johnson D.J. Parents' and teachers' implicit theories of children's creativity: A cross-cultural perspective // Creativity Research Journal. 2002. 20. 3 & 4. 427–438.

Runco M.A., Johnson D.J., Bear P.K. Parents' and teachers' implicit theories of children's creativity // Child Study Journal. 1993. 23. 91–113.

Seng Q.K., Keung Y.K., Cheng S.K. Implicit theories of creativity: A comparison of student-teachers in Hong Kong and Singapore // *Compare*. 2008. 38. 1. 71–86.

Serrat O. Harnessing creativity and innovation in the workplace // *Knowledge Solutions*. Mandaluyong: Asian Development Bank, 2009.

Sternberg R.J. Implicit theories of intelligence, creativity and wisdom // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1985. 49. 607–627.

Styhre A., Börjesson S. Innovativeness and creativity in bureaucratic organizations: Evidence from the pharmaceutical and the automotive industry // Submitted to OLKC 2006 Conference at the University of Warwick. Coventry, 2006, 20–22 March.

West M.A. Effective teamwork: Practical lessons from organizational research. Oxford: Blackwell Publishing, 2004.

West M.A., Farr J.L. Innovation at work // M.A. West, J.L. Farr (eds). *Innovation and creativity at work: Psychological and organizational strategies*. Chichester, UK:

Короткие сообщения

ОБЪКТНЫЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ И ЗРИТЕЛЬНЫЕ ПРИЗНАКИ: ВКЛАД В ИЛЛЮЗОРНЫЕ ЗРИТЕЛЬНЫЕ ИСЧЕЗНОВЕНИЯ

Д.В. ДЕВЯТКО

Резюме

В феномене «слепоты, вызванной движением» (СВД) заметный зрительный стимул, предъявляемый на вращающемся фоне, время от времени перестает осознаваться. Возможная причина этих иллюзорных исчезновений — соревнование объектных репрезентаций целевого стимула и маски (Vopneh et al., 2001). Однако ранее не исследовался вопрос о том, какое количество зрительных признаков, различающих целевой стимул и маскирующий паттерн, необходимо, чтобы запустить механизм исчезновений при СВД. Мы систематически варьировали тип и количество отличительных признаков, измеряя продолжительность и количество исчезновений целевого стимула при СВД.

Показано, что достаточно любого одного различающего признака, чтобы вызвать исчезновения. Различие между целевым стимулом и маской по цвету влияет на число исчезновений, тогда как различие по признаку движения — на их продолжительность.

Ключевые слова: слепота, вызванная движением, зрительные признаки, объектные репрезентации.

Весь воспринимаемый нами мир, по сути, состоит из объектов, которые наша зрительная система выделяет из поступающей информации (Грегори, 2003). Из-за ощущения непосредственной данности зритель-

ных впечатлений, обычно сопровождающего наш сознательный опыт, лишь сталкиваясь с иллюзиями, мы вспоминаем о той скрытой работе, которая стоит за восприятием объектов. Исчезновение яркого и хорошо

различимого объекта из центральной части поля зрения наблюдателя кажется вполне естественным, если речь идет о лице пассажира, который вдруг развернул перед собой газету, или о монстре из компьютерной игры, который был выведен игроком из строя. Эти примеры зрительного исчезновения объединяет между собой наличие физической причины (заслонение или устранение зрительного стимула), которая вызвала отсутствие входного сигнала, необходимого для построения в сознании образа объекта. Но может ли «исчезнуть» предъявленный на экране компьютера отчетливо воспринимаемый объект, на который мы обращаем внимание, следуя инструкции экспериментатора? Утвердительный ответ противоречит здравому смыслу, особенно если известно, что в реальном мире объект постоянно присутствует на экране. Тем не менее такие субъективные исчезновения характерны для феномена «слепоты, вызванной движением» (motion-induced blindness, далее — СВД): отчетливо видимый статичный стимул время от времени исчезает из сознания, будучи наложенным на вращающуюся «маску», не перекрывающую этот стимул (Bonneh et al., 2001). На иллюзорные исчезновения целевых стимулов при СВД влияет широкий спектр факторов: размер и яркость целевых стимулов, скорость вращения маски (там же), упорядочивание по глубине (Graf et al., 2002), перцептивная группировка (Bonneh et al., 2001; Mitroff, Scholl, 2005; Shibata et al., 2010) и внимание (Devyatko, 2011; Geng et al., 2007). Были выдвинуты различные предположения о механизмах возникновения феномена

СВД (подробнее см.: Gorea, Caetta, 2009; New, Scholl, 2008; Wallis, Arnold, 2009). Большая часть накопленных к настоящему времени данных свидетельствует в пользу теории соревнования объектных репрезентаций, модулируемого вниманием (Bonneh et al., 2001). Одно из основных положений данной теории заключается в том, что модулируемое вниманием соревнование, ведущее к «вытеснению» целевого стимула из сознания, может происходить между конкурирующими объектными репрезентациями целевого стимула и маскирующего паттерна. Описываемый конфликт возникает, когда механизмы внимания не могут быть распределены или разделены между дискретными элементами в одно и то же время в одном и том же месте (там же, р. 800).

Зрительные объекты иногда рассматриваются как связанные наборы признаков (цвет, яркость, форма, ориентация), располагающиеся в определенном локусе зрительного поля (Scholl, 2001, р. 15). Очевидно, для запуска соревнования между репрезентациями двух наложенных друг на друга зрительных объектов необходимо, чтобы эти объекты различались хотя бы по одному признаку. В противном случае можно будет заключить, что это один и тот же объект, и запуск предполагаемого соревнования не состоится. Поскольку ранее данный аспект выдвинутой Й. Боннэ с соавт. гипотезы напрямую не изучался, мы посчитали необходимым экспериментально проверить, какого количества признаков, по которым различаются целевой и маскирующий стимулы, достаточно, чтобы запустить гипотетический

механизм СВД — соревнование между объектными репрезентациями.

В рамках исследований эффекта выскакивания в зрительном поиске был описан «эффект избыточного сигнала» или выгоды от переопределенности (*redundancy gain*) (Krummenacher et al., 2001). Данный феномен заключается в том, что время обнаружения целевого объекта среди отвлекающих становится значимо меньше в ситуации, когда он отличается от них по двум релевантным заданию признакам, в сравнении с ситуацией, когда цель отличается по какому-то одному признаку. Например, испытуемые быстрее обнаруживают красную наклонную линию на фоне синих вертикальных линий в сравнении с красной вертикальной линией или синей наклонной линией среди синих вертикальных линий. Поскольку преимуществом в захвате внимания обладают целевые объекты, отличающиеся большим количеством признаков, а одним из условий запуска обсуждаемого выше механизма СВД является захват внимания целевыми стимулами (Geng et al., 2007), мы предположили, что увеличение количества признаков, отличающих целевой стимул от элементов маскирующего паттерна, приведет к росту количественных параметров СВД. Таким образом, гипотезы исследования заключаются в следующем:

1) для запуска механизма объектного соревнования репрезентаций целевого стимула и маскирующего паттерна в условиях СВД необходимо и достаточно, чтобы они различались по какому-либо одному зрительному признаку;

2) чем больше признаков будут отличать целевой стимул от маски,

тем сильнее будет объектное соревнование, что выразится в увеличении количества и продолжительности субъективных исчезновений целевого стимула.

Для экспериментальной проверки этих гипотез мы систематически варьировали количество и тип признаков, которые отличали целевой стимул от элементов маски, чтобы оценить их влияние на основные характеристики СВД. В типичной стимуляции СВД целевой стимул обычно отличается от элементов маски по форме (круг в сравнении с крестами), цвету (желтый против синего) и наличию/отсутствию движения (статичная цель наложена на вращающуюся маску). Мы использовали целевые стимулы, которые отличались от составляющих маску элементов по одному, двум или трем указанным признакам, тогда как маска всегда представляла собой вращающийся вокруг своей оси квадрат, состоящий из синих крестиков (см. рисунок 1).

Процедура и методы исследования

Испытуемые. В эксперименте приняли участие 25 человек в возрасте от 17 до 26 лет (5 юношей и 20 девушек). Все испытуемые имели нормальное или скорректированное до нормального зрение.

Аппаратура. Для предъявления стимулов использовался персональный компьютер IBM PC на базе процессора Athlon 2000, видеокарта NVIDIA GeForce 4 MX, монитор Samsung SyncMaster 757 DFX, 17". Зрительная стимуляция была создана с помощью программы Macromedia

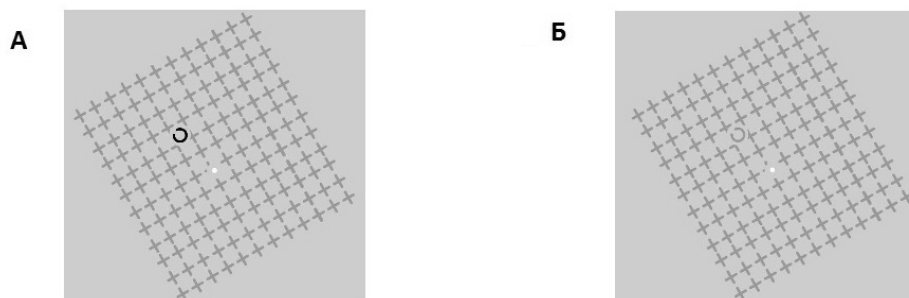
Рисунок 1

Примеры стимуляции. В оригинальной стимуляции использовался черный фон.

Светло-серым представлен синий цвет, черным – желтый цвет.

А – статичная желтая цель-подкова, на фоне вращающейся маски из синих крестиков (три признака отличают цель от элементов маски).

Б – подкова вращается вокруг своей оси (цель отличается от маски только по форме)

Flash MX 2004 и предъявлялась с помощью программы Macromedia Flash Player 7. Для фиксации ответов испытуемых (времени и продолжительности нажатий клавиш) использовалась специально написанная программа, нажатия фиксировались с обычной клавиатуры (BTC model 52 01, input +5V, 170mH), подключенной к другому компьютеру Intel Pentium 4 CPU 2.40 GHz 514, 608 kB RAM.

Стимуляция и процедура. Использовался внутрисубъектный план $2 \times 2 \times 2$ с тремя факторами: наличие/отсутствие различия между целевым стимулом и маской по форме, цвету или движению. Так как в условии с отсутствием каких-либо различий между целью и маской невозможно обнаружить целевой стимул, мы его исключили и использовали только 7 условий, в которых стимулы могли отличаться сразу по трем признакам, паре любых двух признаков или одному из трех признаков. В зависи-

мости от условия цель была либо в форме креста ($0.367^\circ \times 0.367^\circ$), либо в форме подковы ($d = 0.367^\circ$), ее цвет мог быть желтым (яркость 31.55 кд/м^2) или синим (яркость 3.88 кд/м^2). В пробах, где целевой стимул и маска различались только по одному признаку (цвет или форма), а также в пробе с различием по цвету и форме цель вращалась в том же направлении и с той же скоростью, что и маска. Маскирующий паттерн ($6^\circ \times 6^\circ$) всегда состоял из синих крестиков одного размера с целью; он вращался по часовой стрелке со скоростью $240^\circ/\text{сек}$. Целевой стимул располагался на 1° зрительного угла выше и на 2° левее белой фиксационной точки ($d = 0.1^\circ$; яркость 28.48 кд/м^2) в центре экрана и был окружен защитной зоной ($0.4^\circ \times 0.4^\circ$). Во всех условиях использовался черный фон (1.13 кд/м^2).

Эксперимент проходил в затемненной комнате. В условиях естественного

зрения испытуемых просили удерживать взгляд на точке фиксации и внимательно следить за исчезновением целевого стимула. Каждый раз, когда цель исчезала, испытуемые должны были нажимать на кнопку на клавиатуре и удерживать ее нажатой до появления цели.

Продолжительность каждой пробы составляла 120 сек., межпробный интервал — 30 сек. Каждому условию соответствовала одна проба.

Результаты

Анализ полученных показателей количества исчезновений целевого стимула с помощью дисперсионного анализа (ANOVA) с повторными измерениями выявил значимые главные эффекты сходства/различия по цвету ($F(1, 24) = 64.498, p < 0.001, \eta_p^2 = 0.729$) и движению ($F(1, 24) = 72.023, p < 0.001, \eta_p^2 = 0.750$). Также был обнаружен менее выраженный эффект сходства/различия по форме целевого стимула ($F(1, 24) = 6.267,$

$p < 0.05, \eta_p^2 = 0.207$). Были выявлены значимые взаимодействия для пар факторов сходства/различия по форме и цвету ($F(1, 24) = 29.293, p < 0.001, \eta_p^2 = 0.550$) и форме и движению ($F(1, 24) = 10.578, p < 0.01, \eta_p^2 = 0.306$).

Для суммарной продолжительности исчезновений были выявлены значимые главные эффекты факторов сходства/различия по цвету ($F(1, 24) = 7.709, p < 0.01, \eta_p^2 = 0.243$) и движению ($F(1, 24) = 39.211, p < 0.001, \eta_p^2 = 0.620$). Кроме того, значимыми оказались взаимодействия всех трех факторов ($F(1, 24) = 15.645, p < 0.01, \eta_p^2 = 0.395$) и пар факторов сходства/различия по форме и цвету ($F(1, 24) = 15.936, p < 0.01, \eta_p^2 = 0.399$) и форме и движению ($F(1, 24) = 7.040, p < 0.01, \eta_p^2 = 0.227$).

На рисунках 2 и 3 приведены диаграммы с данными о центральной тенденции и разбросе в каждом условии для суммарного количества и продолжительности иллюзорных исчезновений целевого стимула,

Рисунок 2

Суммарное количество исчезновений в каждом условии (\pm одно стандартное отклонение)

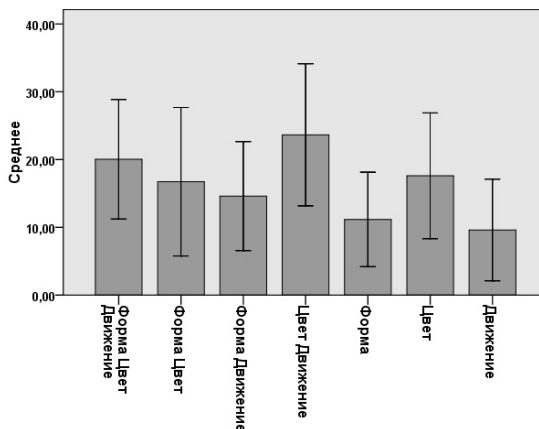

Рисунок 3

Суммарная продолжительность исчезновений в каждом условии
(\pm одно стандартное отклонение)

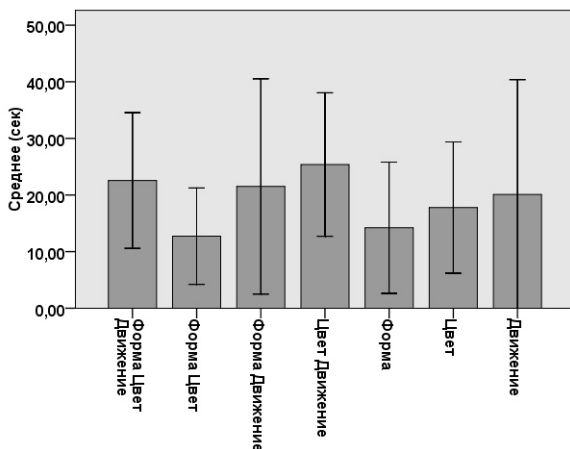

Таблица 1

Результаты t-теста для общего количества и продолжительности исчезновений

Условие	ФЦД	ФЦ	ФД	ЦД	Ф	Ц	Д
ФЦД		$t = 2.109$, $p < 0.05^*$	$t = 3.632$, $p < 0.01^*$	n.s.	$t = 5.723$, $p < 0.01^*$	n.s.	$t = 5.575$, $p < 0.01^*$
ФЦ	$t = 6.814$, $p < 0.01^*$		n.s.	$t = -3.305$, $p < 0.01^*$	$t = 2.651$, $p < 0.05^*$	n.s.	$t = 2.818$, $p < 0.01^*$
ФД	n.s.	$t = -2.306$, $p < 0.05^*$		$t = -4.525$, $p < 0.01^*$	$t = 3.517$, $p < 0.01^*$	n.s.	$t = 2.704$, $p < 0.05^*$
ЦД	n.s.	$t = -6.285$, $p < 0.01^*$	n.s.		$t = 6.424$, $p < 0.01^*$	$t = 4.962$, $p < 0.01^*$	$t = 6.882$, $p < 0.01^*$
Ф	$t = 2.977$, $p < 0.01^*$	n.s.	$t = 2.855$, $p < 0.01^*$	$t = 3.802$, $p < 0.01^*$		$t = -3.587$, $p < 0.01^*$	n.s.
Ц	$t = 2.472$, $p < 0.05^*$	$t = -2.286$, $p < 0.05^*$	n.s.	$t = 4.949$, $p < 0.01^*$	n.s.		$t = 4.106$, $p < 0.01^*$
Д	n.s.	n.s.	n.s.	n.s.	n.s.	n.s.	

Примечание. На светло-сером фоне приведены значения t-Стьюдента (кол-во степеней свободы = 24) для количества исчезновений, на белом — для суммарной продолжительности исчезновений. Звездочкой отмечены значимые различия; n.s. — различия не значимы. Ф — форма, Ц — цвет, Д — движение.

результаты попарного сравнения с помощью теста Стьюдента см. в таблице 1.

Обсуждение результатов

Результаты показывают, что достаточно различия между целевым стимулом и маскирующим паттерном по любому из признаков (цвет, форма, движение), чтобы вызвать иллюзорные исчезновения в условиях СВД. Наибольшее количество исчезновений наблюдалось во всех условиях, в которых цель отличалась от маски по цвету. Этот результат поддерживает уточняющую теорию соревнования объектных репрезентаций при СВД гипотезу Х. Гена с соавт. о том, что яркие желтые стимулы захватывают непроизвольное внимание (Geng et al., 2007). Способность желтого цвета притягивать внимание отмечал еще классик психологии внимания Э.Б. Титченер: «...существуют известные качества, которые непреодолимо привлекают к себе внимание: <...> горький вкус, запах мускуса и желтый цвет» (Титченер, 2005, с. 185). Захват непроизвольного внимания, в свою очередь, приводит к интенсификации обработки зрительной информации в ближайшем окружении целевого стимула и усиливает соревнование между ним и маской (Geng et al., 2007). Цель одного цвета с маской менее «успешна» в захвате внимания, что выражается в меньшем количестве исчезновений. Наибольшая продолжительность исчезновений наблюдалась в условиях со статичной целью, наложенной на вращающуюся маску. Согласно теории объектного соревнования, у движе-

ния есть приоритет в захвате внимания, поэтому оно побеждает в соревновании за осознание (Bonneh et al., 2001). Вращение целевого стимула может вызывать более быстрые переключения внимания от побеждающей в соревновании маски назад, к целевому стимулу, что в результате может приводить к более коротким периодам субъективного исчезновения, чем в условиях со статичным целевым стимулом. Работа этого принципа легко прослеживается в наших данных: на продолжительность исчезновений особое влияние оказывает фактор движения (статичная цель дольше отсутствует в сознании после субъективного исчезновения). Так, в условии «Форма — Цвет — Движение» продолжительность исчезновений стимула дольше, чем в условии «Форма и Цвет», но не наблюдается значимых различий по данному показателю между условием с тремя отличительными признаками и двумя парами признаков, включающих в себя различие по признаку движения.

Сопоставим наши результаты с данными Л.-Ч. Ши с соавт. (Hsu et al., 2004), которые изучали влияние группировки между целевым стимулом и маскирующим паттерном на продолжительность исчезновений при СВД. Они обнаружили, что в условии, когда целевой стимул и маскирующий паттерн были сгруппированы друг с другом по признаку «хорошего продолжения» или сходства, продолжительность исчезновений СВД была ниже, чем в условии без группировки. Условие «Движение» в нашем эксперименте похоже на условие, в котором цель хорошо группировалась по принципу сходства

с маской в эксперименте Л.-Ч. Ши с соавт., а условие «Форма и Движение» — на условие с плохой группировкой (целевой стимул был статичен и отличался по форме). Мы получили значимо больше исчезновений целевого стимула в условии «Форма и Движение», тогда как по суммарной продолжительности исчезновений наши условия не различались. К сожалению, Л.-Ч. Ши с соавт. приводят только данные о времени, прошедшем до первого исчезновения, и суммарной продолжительности исчезновений в процентах. В их работе продолжительность исчезновений в условии с плохой группировкой между целевым стимулом и маской больше, чем в условии с хорошей группировкой, хотя из текста статьи непонятно, достигает ли это различие уровня статистической значимости.

Результаты дисперсионного анализа, показывающие различия силы основного эффекта для каждого из факторов, косвенно отражают различие в их относительном вкладе в соревнование объектных репрезентаций. Из величин объясненной дисперсии (см. значения частичного этаквадрат — η_p^2 в разделе «Результаты») для каждого из факторов видно, что наличие/отсутствие сходства по признаку движения вносит самый большой вклад в наблюдаемую дисперсию значений количества ($\eta_p^2 = 0.750$) и суммарной продолжительности исчезновений ($\eta_p^2 = 0.620$), тогда как сходство/различие по цвету имеет большой вклад только в дисперсию количества исчезновений ($\eta_p^2 = 0.729$).

Эти данные могут служить некоторым подтверждением нашей гипотезы о том, что разные отличительные признаки вносят неодинаковый вклад в возникновение соревнования объектных репрезентаций. Они влияют на разные аспекты (наблюдаемые характеристики) исчезновений в условиях слепоты, вызванной движением.

Возможно, именно из-за непропорциональности вклада каждого признака и их различных взаимодействий в количественные характеристики СВД на наших данных не наблюдается простого «аддитивного» эффекта сложения признаков. В силу описанных причин, мы нашли лишь частичное подтверждение нашей гипотезы о том, что увеличение количества признаков, различающих целевой стимул и маску, приводит к усилению объектного соревнования, являющегося причиной субъективных исчезновений. Результаты парных сравнений демонстрируют, что количество исчезновений целевого стимула при СВД значимо больше в условии, когда цель отличается по всем трем признакам («Форма — Цвет — Движение»), чем в условиях с парами отличительных признаков «Форма и Движение» или «Форма и Цвет» (но не «Цвет и Движение»). Тем не менее наши данные служат подтверждением теории объектного соревнования, поскольку нам удалось показать влияние отличительных признаков на количественные характеристики СВД, а также выявить особый вклад каждого признака в механизмы феномена.

Выводы

Различия по одному признаку между целевым стимулом и маской

достаточно, чтобы запустить объектное соревнование при «слепоте, вызванной движением».

Увеличение числа признаков, отличающих целевой стимул от маски, может приводить к росту количества и/или продолжительности исчезновений целевого стимула при СВД.

Литература

Грегори Р.Л. Разумный глаз. М.: Едиториал УРСС, 2003.

Титченер Э.Б. Внимание // Психология внимания / Под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер, В.Я. Романова. М.: ЧеРо, при участии издательства «Омега-Л», 2005. С. 182–211.

Bonneh Y., Cooperman A., Sagi D. Motion-induced blindness in normal observers // *Nature*. 2001. 411. June. 798–801.

Devyatko D.V. Attentional distribution affects motion-induced blindness // *Journal of Russian and East European Psychology*. 2011. 49. 5. September–October. 30–44.

Geng H.Y., Song Q.L., Li Y.F., Xu S., Zhu Y. Attentional modulation of motion-induced blindness // *Chinese Science Bulletin*. 2007. 52. January. 1063–1070.

Gorea A., Caetta F. Adaptation and prolonged inhibition as a main cause of motion-induced blindness // *Journal of Vision*. 2009. 9. 6. 1–17.

Graf E.W., Adams W.J., Lages M. Modulating motion-induced blindness with depth ordering and surface completion // *Vision Research*. 2002. 42. 2731–2735.

Hsu L.-C., Yeh S.-L., Kramer P. Linking motion-induced blindness to perceptual

Различие по цвету между целевым стимулом и маской приводит к более частым исчезновениям, тогда как различие по признаку движения (наличие/отсутствие движения) влияет на продолжительность исчезновений целевого стимула, увеличивая последнюю.

filling-in // *Vision Research*. 2004. 24. 44. 2857–2866.

Krummenacher J., Müller H.J., Heller D. Visual search for dimensionally redundant popout targets: Evidence for parallel-coactive processing of dimensions // *Perception & Psychophysics*. 2001. 63. 907–917.

Mitroff S.R., Scholl B.J. Forming and updating object representations without awareness: Evidence from motion-induced blindness // *Vision Research*. 2005. 45. 8. 961–967.

New J.J., Scholl B.J. «Perceptual Scotomas»: A functional account of motion-induced blindness // *Psychological Science*. 2008. 19. 7. 653–59.

Scholl B.J. Objects and attention: the state of the art // *Cognition*. 2001. 80. 1–2. June. 1–46.

Shibata M., Kawachi Y., Gyoba J. Combined effects of perceptual grouping cues on object representation: Evidence from motion-induced blindness // *Attention, Perception & Psychophysics*. 2010. 72. 387–397.

Wallis T.S.A., Arnold D.H. Motion-induced blindness and motion streak suppression // *Current Biology*. 2009. 19. 325–329.

Девятко Дина Викторовна, факультет психологии МГУ им. М.В. Ломоносова, аспирант

Контакты: tsukit86@gmail.com

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ И ДИАГНОСТИКА КОГНИТИВНОГО СТИЛЯ «ДИАПАЗОН ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ»

В.В. КОСИХИН

Резюме

В статье представлен анализ существующих подходов к психологическому содержанию когнитивного стиля «диапазон эквивалентности» (ДЭ), предлагается новая интерпретация этого конструкта, интегрирующая ряд предшествующих теорий. Указано направление для исследования детерминант ДЭ, его практической значимости. Описанное в работе эмпирическое исследование посвящено диагностике ДЭ. Выдвинута и получила подтверждение гипотеза: проявление ДЭ связано со способностью к понятийному обобщению (СПО). Разработана и апробирована методика диагностики ДЭ, свободная от влияния СПО, — ограниченная сортировка объектов.

Ключевые слова: когнитивный стиль, диапазон эквивалентности, категоризация, свободная сортировка объектов, ограниченная сортировка объектов, рабочая память.

Диапазон эквивалентности (ДЭ) представляет собой биполярное измерение (широкий vs. узкий) индивидуально-специфичных свойств процесса переработки информации, которое диагностируется с помощью различных модификаций методики «Свободная сортировка объектов» (ССО). Если индивид объединяет объекты в небольшое число групп, то

его диапазон эквивалентности считается широким, а если групп много, то диапазон эквивалентности узкий (Gardner et al., 1959; Колга, 1976).

В первоначальном варианте ССО, предложенном Р. Гарднером, автором понятия «диапазон эквивалентности» (Gardner et al., 1959), для сортировки используются 75 реальных предметов, предположительно хорошо

знакомых современному городскому жителю. В.А. Колга создал две аналогичные методики, в одной из которых стимульный материал состоит из карточек со словами, принадлежащими к категории «моменты и отрезки времени», а в другой слова соответствуют категориям «водоемы», «сосуды», «емкости» (Колга, 1976). В настоящее время в исследованиях применяются незначительно различающиеся по составу объектов модификации методики В.А. Колги, каждая из которых включает 35–38 карточек.

Практическими познавательными задачами, в которых должен проявляться ДЭ, является приобретение профессиональных и других структурированных знаний, а также использование компьютера. ДЭ имеет особую актуальность для дизайна веб-сайтов и пользовательских интерфейсов (определение набора управляющих элементов и индикаторов, структура вложенных меню), проектирования технологий автоматической организации и поиска информации.

Диапазон эквивалентности представляет собой, в первую очередь, феномен, выявленный с помощью методики ССО; существующие взгляды на его психологическое содержание представляют собой различные интерпретации ее показателей. Согласно Р. Гарднеру, смысл узкого диапазона эквивалентности состоит в использовании испытуемым точных стандартов в оценке объектов, высокой чувствительности к их различиям (Gardner et al., 1959). Впоследствии Р. Гарднер предположил, что диапазон эквивалентности представляет собой меру понятийной

дифференциации: чем он уже, тем больше категорий представлено в индивидуальном понятийном опыте. В.А. Колга и И.П. Шкуратова рассматривают ДЭ как проявление склонности ориентироваться на черты сходства либо различия объектов при их категоризации (Колга, 1976; Шкуратова, 1994). В дополнение к этому В.А. Колга утверждал, что широкий ДЭ благоприятствует способности оперирования высокообобщенными понятийными структурами, а узкий ДЭ — точности. Узкий ДЭ также трактуется как результат использования жестких субъективных критериев категоризации или оценочных шкал с малой ценой деления, а широкий — как результат применения мягких критериев или малодифференцированных оценочных шкал.

Помимо количества групп объектов, сформированных испытуемым, методика ССО позволяет получить еще один показатель — характер оснований группировки, определяемый путем анализа отчетов испытуемых. М.А. Холодная утверждает, что индивиды, отличающиеся по этому признаку, используют при сортировке объектов различные когнитивные механизмы. Механизм категориальной сортировки основан на «вертикальных разноуровневых преобразованиях родовидовых признаков», а индивиды, предпочитающие «ситуативные» и «субъективно-значимые» критерии, используют «горизонтальные классификации», что, по утверждению М.А. Холодной, является свидетельством их «когнитивной незрелости» (Холодная, 2002). И только при преобладании категориальных оснований количество

групп может интерпретироваться как настоящий показатель когнитивного стиля — «степени обобщенности критериев сортировки» или «категориального контроля».

Все вышеперечисленные интерпретации ДЭ (за исключением позднейших взглядов Р. Гарднера, которые рассмотрены отдельно ниже) сводятся к степени жесткости (детализации) критериев оценки объектов и, таким образом, раскрывают содержание этого когнитивного стиля скорее на операциональном, чем на психологическом языке. Более полно психологический смысл ДЭ раскрывается в том случае, если, развивая идеи М.А. Холодной, рассматривать его как проявление контроля над процессом категоризации (там же, выявить *эффект, цель* этого контроля и *ресурсы*, которые его ограничивают).

Для этого автор настоящей работы предлагает рассматривать группы объектов в ССО не как проявления отдельных актов категоризации, а как отражение целостной ментальной репрезентации (МР) данного множества объектов в рабочей памяти. В таком случае *эффектом* категориального контроля в процессе построения МР будет предпочтение для кодирования объектов категорий определенного уровня абстракции. Последний обратно связан с числом используемых категорий по той причине, что абстрактная категория позволяет закодировать больше объектов, чем конкретная, как в методике ССО, так и в более экологических познавательных задачах. Таким образом, можно выдвинуть новое, выходящее за рамки операциональности, определение ДЭ: это *показатель*

индивидуально-специфичной степени концептуальной дифференциации МР в рабочей памяти.

Известно, что конкретные категории обладают большей информативностью по сравнению с абстрактными (Rosch, 1978) и, таким образом, более четко и детально характеризуют объекты (что полностью согласуется с вышеперечисленными интерпретациями ДЭ как показателя жесткости или дифференциации критериев оценки объектов). Следовательно, в качестве *цели* категориального контроля можно обозначить достижение предпочтительной для индивида информативности МР.

Также считается, что использование конкретных, высокоинформативных категорий для описания объектов в большей степени задействует когнитивные ресурсы индивида, чем использование абстрактных (Rosch, 1978). *Ресурсами*, на которые опирается категориальный контроль, могут быть индивидуальные особенности рабочей памяти.

В позднейшей трактовке ДЭ, данной ему Р. Гарднером, этот стиль также рассматривается как показатель концептуальной дифференциации, но не кратковременных МР, а всего понятийного опыта индивида. Против этого можно выдвинуть следующее возражение: разделение объектов на группы на определенных категориальных основаниях, как это происходит в ССО, не раскрывает всего множества категорий, с которыми связаны эти объекты в долговременной памяти. Вывод о дифференциации понятийного опыта индивида можно сделать лишь в том случае, если он может сгруппировать объекты в ССО

одним-единственным способом, а также при условии, что дифференциация различных категориальных доменов одинакова.

В дальнейших работах планируется выявить детерминанты ДЭ: метакогнитивные особенности индивида (top-down-влияние) и свойства его рабочей памяти (bottom-up). Но основная цель настоящей работы связана с проблемой диагностики диапазона эквивалентности: если ДЭ является эффектом категориального контроля, то на практике его проявление может ограничиваться продуктивностью самого процесса категоризации — так называемой «способностью к понятийному обобщению» (СПО).

ССО рассматривается в данном исследовании как методика, релевантная практически всем познавательным задачам, так как ставит перед испытуемым двойную цель, которая заключается, с одной стороны, в категоризации объектов, а с другой — в отборе предпочитаемых категорий. Таким образом, чем больше СПО, тем шире индивидуальный репертуар различных вариантов категориальной группировки, доступный испытуемому, и тем сильнее в результате теста проявится ДЭ. Напротив, для испытуемых с низкой СПО результат ССО не будет валидным отражением ДЭ.

Для диагностики ДЭ, свободной от влияния СПО, пришлось сконструировать новую методику под названием Ограниченная сортировка объектов. Оценка ее психометрических свойств является второй целью работы.

Гипотеза исследования: проявление ДЭ связано со способностью к понятийному обобщению.

Методика исследования

Использованные методики

Свободная сортировка объектов.

Применялась методика В.А. Колги, представленная в двух модификациях, объекты одной из которых принадлежат к категории «отрезки и моменты времени» (ССО Время), а другой — к категориям «емкости», «сосуды», «водоемы» (ССО Емкости) (см. приложение 1).

В каждой пробе испытуемые получали следующую инструкцию.

«На карточках приведены слова, обозначающие различные отрезки и моменты времени (различные емкости, сосуды и водоемы). От вас требуется разложить предложенные карточки на группы наиболее логичным и удобным для вас способом. Начинайте по команде экспериментатора. При этом имейте в виду, что задание не имеет правильного или неправильного решения. Каждый раскладывает карточки по-своему. Количество групп и их размер могут быть любыми. Группы можно переделывать сколько угодно раз. Время выполнения задания не ограничено. Если какая-либо карточка, по-вашему, никак не соотносится с другими, то можно оставить ее отдельно. Выполнять задание нужно вдумчиво и внимательно. По завершении сортировки потребуется объяснить, что общего у объектов в каждой группе. При сортировке не складывайте карточки в стопки, все слова должны быть у вас на виду».

После выполнения сортировки записывалось число сформированных групп, число «единичных групп», объем каждой группы и ее

описание со слов испытуемого. Основание для формирования группы, которое указал испытуемый, оценивалось как категориальное (соответствует суперординатной категории в классическом понимании этого термина — на основе общего признака объектов) или некатегориальное: принадлежность объектов к одной теме или придуманному испытуемым эпизоду, сходство названий объектов либо соответствие субъективно значимым критериям испытуемого.

Показатели каждой модификации методики, использованные в исследовании:

- 1) количество групп объектов (карточки, оставленные отдельно, не учитывались);
- 2) доля категориальных групп.

Множественная классификация (МК). Эта методика была использована в качестве инструмента для измерения способности к понятийному обобщению в исследовании М.А. Холодной (Холодная, 2002). В настоящем исследовании испытуемые проходили ее после прохождения методики ССО Время: карточки на столе расформировывались, и испытуемому давалось задание со следующей инструкцией.

«От вас требуется составить из предложенных карточек как можно больше групп в дополнение к тем, которые вы создали в предыдущем тесте, а также объяснить, что общего у объектов в каждой из них. Группы составляются последовательно. После группировки карточки возвращаются в общий набор и могут быть использованы повторно неограниченное количество раз. Группы могут состоять из любого числа объектов и

формироваться на любых основаниях. Когда вы почувствуете, что новые группы придумать слишком трудно или они получаются основанными на слишком нелепых и вычурных основаниях, дайте об этом знать, и эксперимент прекратится».

В ходе выполнения задания записывалось число сформированных групп, объем каждой из них и ее описание со слов испытуемого, а затем группы классифицировались как категориальные и некатегориальные таким же образом, как и в методике ССО (см. выше).

Затем вычислялись значения следующих переменных:

- 1) количество категориальных групп;
- 2) стандартное отклонение размера категориальной группы;
- 3) доля категориальных групп.

Первые два показателя характеризуют репертуар групп, доступных испытуемому для сортировки объектов, и, следовательно, отражают аспекты СПО: количество актуализируемых категорий и разнообразие степени их абстракции. В отличие от исследования М.А. Холодной (Холодная, 1990) в качестве диагностического показателя не рассматривается доля категориальных групп, так как, помимо СПО, на нее может оказывать влияние дивергентная продуктивность испытуемого (проявляющаяся в количестве некатегориальных групп).

Группы, полученные по этой методике, рассматривались как отдельно, так и совокупно с группами, полученными в методике ССО Время. Последний вариант расчета дает возможность изучить весь репертуар групп, доступный испытуемому для

сортировки набора карточек ССО
Время.

Ограниченная сортировка объектов. Методика под названием «Ограниченная сортировка объектов» (ОСО) позволяет диагностировать ДЭ путем свободного выбора между предложенными категориями, различающимися по степени абстракции и числу объектов, которые соответствуют им в рамках стимульного материала.

Такая конструкция исключает влияние СПО на диагностический результат. Кроме того, уровень абстракции категорий, предложенных в качестве оснований для группировки объектов, прямо связан с размером групп. Наконец, методика ОСО исключает возможность группировки объектов на основании тематических либо формальных критериев и менее подвержена влиянию индивидуальной значимости тех или иных категорий для испытуемого.

Методика включает пять отдельных проб, в каждой из которых стимульным материалом являются 16 бумажных карточек, на которых изображены и подписаны предметы, принадлежащие к определенной категории: одежда, мебель, продукты питания, животные, кухонная утварь (см. приложение 2). Каждая отдельно взятая карточка представляет категорию базового уровня (Rosch et al., 1976). Предметы в рамках пробы можно разделить на группы различного размера на определенных основаниях, соответствующих категориям, которые образуют иерархию с тремя уровнями абстракции. Размер группы объектов соответствует уровню абстракции категории. Наиболее

конкретные категории соответствуют группам из двух объектов (например, «псовые», «кошачьи», «парнокопытные», «непарнокопытные»), более абстрактные — группам из четырех («хищники», «травоядные»), наиболее абстрактные — группам из восьми объектов («млекопитающие», см. рисунок 1).

Карточки в каждой пробе предъявляются испытуемому одновременно в виде матрицы 4×4. Затем зачитывается следующая инструкция.

«Перед вами карточки с различными предметами одежды (животными, продуктами питания и т.д.). Их можно разделить на группы различного размера по определенным признакам. Самые мелкие группы — пары объектов. Вам нужно постараться удержать в памяти признаки, по которым сформированы эти пары».

Экспериментатор разбивает карточки на пары и объясняет, на каком основании сформирована каждая из них.

«Пары объектов можно объединить друг с другом таким образом, что получатся более крупные группы, четверки, объединенные по новым основаниям».

Экспериментатор объединяет пары объектов в четверки и объясняет, на каком основании сформирована каждая из них.

«Далее, четверки можно объединить друг с другом, получатся восьмерки, объекты в которых также имеют общие признаки».

Экспериментатор объединяет четверки объектов в восьмерки и объясняет, на каком основании сформирована каждая из них, а затем расформировывает все группы.

Стимульный материал ОСО, проба «Животные»

«Теперь вам нужно представить иерархию вложенных друг в друга групп и категорий объектов, а затем самостоятельно рассортировать карточки на группы наиболее логичным и удобным для вас способом, но с одним условием. Если бы это был

полностью свободный тест, вы могли бы формировать любое количество групп любого объема. Однако в данном случае вы можете использовать только те группы (пары, четверки и восьмерки), которые я вам показал, — в любых комбинациях. При

этом нужно ориентироваться именно на те признаки объектов, которые я назвал. Имейте в виду, что задание не имеет правильного и неправильного решения».

Экспериментатор еще раз показывает, каким образом можно формировать группы, передвигая карточки на столе. Особо подчеркивается, что в рамках решения задачи можно комбинировать группы разного объема.

После того как испытуемый сформировал группы, экспериментатор осведомляется, понял ли испытуемый, что мог сгруппировать карточки по-другому, и использовал ли для группировки именно те признаки, которые были названы в инструкции. В случае отрицательного ответа на эти вопросы испытуемому разъясняют непонятные аспекты задания и просят, если он считает нужным, переделать результат сортировки.

Диагностическим показателем методики является суммарное количество групп объектов, сформированных во всех пяти пробах. Чем оно больше, тем уже ДЭ. Для оценки согласованности результатов всех проб в рамках методики в данном исследовании фиксировалось количество групп, сформированных испытуемым в каждой пробе.

Процедура исследования

Исследование проводилось в индивидуальном порядке в присутствии экспериментатора. Все инструкции зачитывались вслух.

Методику ССО Время, а затем МК каждый испытуемый проходил в последнюю очередь. Позиция отдельных проб методик ОСО и ССО

Емкости определялась сбалансированным латинским квадратом таким образом, чтобы каждая проба равное количество раз предъявлялась до и после любой другой пробы.

Испытуемые

В качестве испытуемых в исследовании участвовали 29 человек, большинство из которых были студентами психологического факультета ГАУГН и аспирантами Института психологии РАН. Средний возраст — 25 лет, минимальный — 18, максимальный — 54. 25 испытуемых — женщины.

Обработка результатов

Для проверки основной гипотезы исследования выборка была разделена на группы испытуемых с высоким и низким показателем по методике МК. В качестве последнего использовалось либо количество категориальных групп, либо стандартное отклонение их размера, а выборка разделялась по медиане либо среднему значению показателя. Для каждой группы испытуемых вычислялись корреляции между количеством групп карточек в методике ОСО и обоих вариантах методики ССО. Затем сравнивались полученные корреляции в парах групп испытуемых, сформированных с помощью одинакового критерия и метода деления.

В рамках задачи по оценке психометрических свойств методики ОСО вычислялась ее α -Кронбаха на основе количества групп карточек, сформированных испытуемым в каждой пробе.

Результаты

Описательная статистика полученных переменных приведена в таблице 1. α -Кронбаха методики ОСО = 0.76. Средняя доля категориаль-

ных групп значимо выше в ССО Емкости и ССО Время по сравнению с методикой МК (как с учетом групп из ССО Время, так и без него) — вывод сделан с помощью критерия Т Уилкоксона, $p < 0.001$.

Таблица 1

Описательная статистика переменных

Переменная	Среднее значение	Ст. откл.
Одежда, количество групп	5.59	1.84
Животные, количество групп	4.69	1.49
Мебель, количество групп	5.59	1.55
Продукты питания, количество групп	5.14	1.48
Кухонная утварь, количество групп	5.31	1.39
ОСО, количество групп	26.31	5.54
Свободная сортировка объектов		
Время, количество групп	7.48	1.74
Время, доля категориальных групп	0.90	0.20
Время, средний размер категориальных групп	4.90	1.70
Время, ст. откл. размера категориальных групп	2.54	1.74
Емкости, количество групп	6.31	2.38
Емкости, доля категориальных групп	0.87	0.24
Емкости, средний размер категориальных групп	6.82	3.81
Емкости, ст. откл. размера категориальных групп	2.58	1.71
Множественная классификация		
Количество групп	16.07	8.25
Доля категориальных групп	0.40	0.29
Средний размер категориальных групп	3.72	3.07
Ст. откл. размера категориальных групп	2.40	2.90
Множественная классификация + Время		
Количество групп	23.55	8.03
Доля категориальных групп	0.58	0.23
Средний размер категориальных групп	4.58	1.41
Ст. откл. размера категориальных групп	2.84	2.08

Связь между результатами ОСО и ССО в группах испытуемых с разной СПО

1. **Вся выборка.** Число групп в ОСО коррелирует с числом групп в ССО Емкости: $r = 0.39$, $p = 0.03$. Корреляция с числом групп в ССО Время не значима: $r = 0.30$, $p = 0.12$.

2. **Испытуемые, у которых число категориальных групп в МК или стандартное отклонение их объема меньше медианы либо среднего.** Корреляция числа групп в ОСО и ССО не значима: r от -0.14 до 0.37 , $p > 0.05$.

3. **Испытуемые, у которых число категориальных групп в МК или стандартное отклонение их объема выше медианы либо среднего.** Число групп в ССО Емкости коррелирует с числом групп в ОСО: r от 0.55 до 0.64 , $p > 0.05$. Число групп ССО Время значимо коррелирует с числом групп в ОСО только в группе, где выше среднего находится стандартное отклонение объема категориальных групп в МК (и только с учетом групп из ССО Время): $r = 0.68$, $p = 0.02$.

Значимость разницы между корреляциями результатов ОСО и ССО в группах испытуемых с разной СПО

Значима разница корреляций между количеством групп в ОСО и ССО Время в группах, полученных при разделении по среднему значению стандартного отклонения размера категориальных групп в методике МК (с учетом групп из ССО Время): $r = -0.14$ и 0.68 . Значение Z-критерия = 0.24 , $p = 0.03$. При использова-

нии другого критерия оценки СПО и другого способа разделения выборки разница между корреляциями оказалась не значима (см. таблицы 2 и 3).

Обсуждение результатов

Большая доля категориальных групп в ССО по сравнению с методикой МК в сочетании с высоким средним значением доли категориальных групп в ССО (0.90 для Времени и 0.87 для Емкостей) показывает, что испытуемые предпочитают использовать для сортировки объектов категориальные основания, а следовательно, результат процедуры для большинства испытуемых является продуктом именно понятийного обобщения, и в нем могут проявляться как СПО, так и ДЭ — проявление контроля над процессом категоризации.

Приемлемая согласованность проб методики ОСО позволяет использовать сумму количества групп, полученных в ходе всех проб, в качестве единого диагностического показателя.

Теоретическая гипотеза о связи СПО с проявлением ДЭ подтвердилась на материале методики ССО Время при разделении выборки по среднему значению стандартного отклонения размера категориальных групп в репертуаре, доступном испытуемому. В таком случае сила связи между результатами ССО и ОСО в двух группах испытуемых, обладающих разной СПО, достоверно различается.

При использовании ОСО Емкости и/или других методов разделения выборки можно отметить лишь тенденцию в предполагаемом направлении,

Таблица 2

Связь диагностических показателей ОСО и ССО Время

Группа испытуемых	Кол-во наблюдений	<i>r</i> Спирмена	<i>p</i> для <i>r</i>	<i>Z</i>	<i>p</i> для <i>Z</i>
Вся выборка	29	0.30	0.118	–	–
Выборка разделена по среднему значению модератора					
Мало категориальных групп (МК + Время)	17	0.11	0.687	0.94	0.345
Много категориальных групп (МК + Время)	11	0.48	0.134		
Малое ст. откл. размера категориальных групп (МК + Время)	18	–0.14	0.578	2.24	0.025
Большое ст. откл. размера категориальных групп (МК + Время)	11	0.68	0.020		
Выборка разделена по медиане модератора					
Мало категориальных групп (МК + Время)	13	–0.02	0.960	1.23	0.219
Много категориальных групп (МК + Время)	12	0.50	0.098		
Малое ст. откл. размера категориальных групп (МК + Время)	14	–0.08	0.796	1.50	0.133
Большое ст. откл. размера категориальных групп (МК + Время)	14	0.51	0.062		

но говорить о фальсификации теоретической гипотезы при этих экспериментальных условиях нельзя, если учесть следующие аргументы.

1. Число актуализируемых категорий (соответствует количеству категориальных групп в МК) — менее значимый для проявления ДЭ аспект СПО, чем разнообразие степени их абстракции (соответствует стандартному отклонению размера категориальных групп в МК). Это логично, так как именно предпочтение категорий определенной степени абстракции является тем эффектом категориального контроля, который отражается в феномене под названием ДЭ.

2. Данные методики МК со стимульным материалом методики ССО Время специфичны для данного категориального домена и в меньшей степени позволяют предсказать свойства репертуара категориальных групп, доступных испытуемому при сортировке стимульного материала ССО Емкости.

3. Модификация ССО Емкости благодаря более конкретным и семантически разнообразным категориям, подлежащим сортировке, менее подвержена влиянию СПО. В пользу этого предположения свидетельствует слабая, но значимая корреляция количества групп, полученных с ее

Таблица 3

Связь диагностических показателей ОСО и ССО Емкости

Группа испытуемых	Кол-во наблюдений	r Спирмена	p для r	Z	p для Z
Вся выборка	29	0.39	0.035	–	–
Выборка разделена по среднему значению модератора					
Мало категориальных групп (МК + Время)	17	0.14	0.593	1.35	0.175
Много категориальных групп (МК + Время)	11	0.63	0.038		
Малое ст. откл. размера категориальных групп (МК + Время)	18	0.26	0.293	1.13	0.257
Большое ст. откл. размера категориальных групп (МК + Время)	11	0.64	0.033		
Выборка разделена по медиане модератора					
Мало категориальных групп (МК + Время)	13	0.29	0.343	1.00	0.316
Много категориальных групп (МК + Время)	12	0.64	0.025		
Малое ст. откл. размера категориальных групп (МК + Время)	14	0.38	0.186	0.54	0.588
Большое ст. откл. размера категориальных групп (МК + Время)	14	0.56	0.039		

помощью, с количеством групп в ОСО на всей выборке испытуемых.

4. Субъективная значимость категорий, которая в данном исследовании не оценивалась, также может оказывать сильное влияние на результаты сортировки объектов, уменьшая эффект СПО.

Заключение

В работе проведен анализ существующих представлений о когнитивном стиле «диапазон эквивалентности», в результате которого предложена новая, более содержательная, интерпретация его психологического содержа-

ния: ДЭ – *показатель индивидуально-специфичной степени концептуальной дифференциации репрезентаций в рабочей памяти*. Она объединяет ряд предшествующих теорий – В.А. Колги, И.П. Шкуратовой, а также ранние взгляды Р. Гарднера (Gardner et al., 1959; Колга, 1976; Холодная, 2002; Шкуратова, 1994). По позднейшим воззрениям Р. Гарднера, с которыми представленная интерпретация находится в оппозиции, выдвинуты критические возражения. Открыта возможность для интеграции ДЭ с обобщенными теориями о познавательных механизмах индивида, указано направление для исследования его детерминант.

Эмпирическое исследование показало, что проявление ДЭ в продукте познавательной деятельности связано со способностью к понятийному обобщению (СПО). Этот результат свидетельствует в пользу представления о ДЭ как показателе контроля над процессом категоризации, а также является критически важным для диагностики стиля и интерпретации результатов работ, посвященных его связи с другими психологическими конструктами. При низкой СПО ДЭ проявляется в малой степени.

В исследовании апробирована новая методика диагностики ДЭ, свободная от влияния СПО, — Ограниченная сортировка объектов (ОСО). Выявлено соотношение результатов ОСО и популярной методики Свободная сортировка объектов (ССО) в модификации В.А. Колги (Колга, 1976), показана приемлемая согласованность заданий.

Литература

Колга В.А. Дифференциально-психологическое исследование когнитивного стиля и обучаемости: Дис. ... канд. психол. наук. Л., 1976.

Сочивко Д.В. Метод измерения индивидуального стиля познавательной деятельности // Методы психологического исследования: проблемы и поиски путей реализации / Под ред. В.А. Барабанщикова и др. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1986.

Холодная М.А. Когнитивные стили: о природе индивидуального ума. М.: ПЕР СЭ, 2002.

Холодная М.А. Структурная организация индивидуального интеллекта: Дис. ... докт. психол. наук. М., 1990.

ОСО рекомендуется в качестве альтернативы ССО для измерения ДЭ в будущих исследованиях его связи с другими конструктами. Практическое достоинство ОСО — простая и краткая процедура, ее можно легко компьютеризировать. Но с этим связана и трудность: экспериментатор должен убедиться, что испытуемый понял инструкцию и вдумчиво выполняет задание.

Напротив, методика ССО включает комплексную познавательную задачу, на продукт которой влияют и ДЭ, и СПО. ССО валидна только для испытуемых с высокой СПО и требует обязательного контроля последней. Это сильно затягивает процедуру: ССО в сочетании с методикой «Множественная классификация» может занимать 45 минут и больше. Тем не менее испытуемые хорошо мотивированы, и со стороны исследователя не требуется постоянного контроля.

Шкуратова И.П. Когнитивный стиль и общение. Ростов-н/Д.: Изд-во РПУ, 1994.

Gardner R., Holzman P., Klein G., Linton H., Spence D. Cognitive control: A study of individual consistencies in cognitive Behaviour // Psychological Issues. 1959. 1. Monograph 4.

Gardner R.W., Schoen R.A. Differentiation and Abstraction in Concept Formation // Thought and Personality / P.D. Warr (ed.). Baltimore, 1970.

Rosch E. Principles of categorization // Cognition and Categorization / E. Rosh, B.B. Lloyd (eds). Hillsdale, NJ, 1978.

Rosch E., Mervis C. B., Gray W., Johnson D., Boyes-Braem P. Basic objects in natural categories // Cognitive Psychology. 1976. 8. 382–439.

Приложение 1

Стимульный материал ССО

Модификация Время: момент, сейчас, поколение, отрочество, сезон, вечность, весна, юность, детство, осень, зима, семестр, скоро, урок, ночь, минута, обед, утро, завтрак, лето, день, эра, век, ужин, эпоха, месяц, тысячелетие, неделя, секунда, миллисекунда, старость, год, вечер, молодость, сутки, столетие, смена, учебная четверть.

Модификация Емкости: залив, бассейн, бухта, река, море, сосуд, пещера, водопровод, котлован, озеро, канал, труба, долина, щель, колодец, русло, впадина, ущелье, приток, поток, водопад, шахта, окоп, яма, ров, ведро, выемка, ванна, аквариум, канава, траншея, чашка, стакан, ручей, океан, туннель, точка, кратер.

Приложение 2

Стимульный материал ОСО

Животные							
Млекопитающие							
Хищники				Травоядные			
Псовые		Кошачьи		Непарнокопытные		Парнокопытные	
Собака	Волк	Пума	Гепард	Зебра	Лошадь	Антилопа	Корова
Птицы							
Дневные хищные птицы		Ночные хищные птицы		Птицы, живущие на пресных водоемах		Морские птицы	
Орел	Гриф	Сова	Филин	Лебедь	Утка	Баклан	Пеликан
Одежда							
Одежда							
Верхняя одежда				«Нижняя» одежда			
Верхняя одежда, которая надевается на тело		Головные уборы		Одежда, которая надевается на ноги		Одежда, которая надевается на туловище	
Куртка	Плащ	Шапка	Шляпа	Брюки	Шорты	Свитер	Пиджак
Обувь							
Обувь для холодного времени года				Летняя обувь			
Короткая обувь для холодной погоды		Высокая обувь для холодной погоды		Открытая обувь		Спортивная обувь	
Ботинки	Калоши	Валенки	Сапоги	Сандалии	Шлёпки	Кеды	Кроссовки

Приложение 2 (продолжение)

Продукты питания							
Растительная пища							
Фрукты				Овощи			
Садовые фрукты		Цитрусы		Овощи, вызревающие на грунте		Корнеплоды	
Яблоко	Груша	Апельсин	Лимон	Огурец	Баклажан	Репа	Редис
Животная пища							
Мясные продукты				Морепродукты			
Тушки мелких животных		Части туш крупного скота		Ракообразные		Рыбные продукты	
Кролик	Курица	Ребра	Окорок	Лобстер	Креветки	Икра	Рыба
Мебель							
Мебель, на которой может расположиться человек							
Мебель для сидения				Мебель для лежания			
Мягкая мебель для сидения		Жесткая мебель для сидения		Относительно жесткая мебель для лежания		Мягкая мебель для лежания	
Пуфик	Кресло	Табурет	Стул	Кушетка	Кровать	Диван	Софа
Мебель, не предназначенная для сидения или лежания							
Рабочие поверхности				Контейнеры, мебель для хранения вещей			
Рабочие поверхности для письма, канцелярской работы		Рабочие поверхности для физической деятельности		Контейнеры большого размера		Контейнеры малого размера	
Канторка	Парта	Верстак	Стол	Гардероб	Стеллаж	Комод	Тумба
Кухонная утварь							
Инструменты							
Инструменты для механической обработки продуктов				Инструменты для перемещения продуктов в процессе приготовления			
Инструменты для измельчения продуктов		Инструменты для крупной нарезки продуктов		Инструменты для перемешивания пищи при жарке		Инструменты для зачерпывания жидкой пищи	
Терка	Яйцерезка	Тесак	Нож	Лопатка	Шумовка	Половник	Ложка

Приложение 2 (окончание)

Емкости							
Емкости для приготовления пищи				Емкости для приема пищи			
Емкости для варки		Емкости для жарки		Для приема основных блюд		Для приема напитков	
Котел	Кастрюля	Противень	Сковорода	Миска	Тарелка	Кружка	Чашка

Косихин Валерий Валерьевич, научный сотрудник МГППУ

Контакты: vkosikhin@gmail.com

ОСОБЕННОСТИ ВОЛЕВОЙ РЕГУЛЯЦИИ У СПОРТСМЕНОВ-ЮНИОРОВ

В.Н. ШЛЯПНИКОВ, Ю.Н. ХРУЛЁВА

Резюме

Приводятся результаты исследования особенностей волевой регуляции спортсменов-юниоров. Сравниваются группы спортсменов-юниоров (n=195) и студентов, не занимающихся спортом (n=195), в возрасте от 20 до 24 лет. Обнаружены значимые различия между сравниваемыми группами по показателям «Шкалы контроля за действием» (Ю. Куль), поведенческому и социальному самоконтролю, самооценке ряда волевых качеств (дисциплинированности, целеустремленности, обязательности, настойчивости, решительности, воли, инициативности, выдержанности, энергичности, деловитости, уверенности, организованности, внимательности).

Ключевые слова: *воля, волевая регуляция, самоконтроль, саморегуляция, волевые качества, спорт.*

Введение

В XXI в. здоровье стало рассматриваться в качестве одной из важнейших ценностей, как индивидуальных, так и общественных. Здоровье составляет основу высокого уровня гражданской, социальной, экономической и профессиональной активности личности, что является залогом благополучия каждого человека

в отдельности и процветания государства в целом. Г.С. Никифоров отмечает, что проблема сохранения здоровья «по своей практической значимости и актуальности считается одной из сложнейших проблем современной науки, не уступающей таким направлениям, как проблема охраны природы, охраны окружающей среды» (Психология здоровья, 2006, с. 41). И хотя сохранение здоровья предполагает целый комплекс

различных мероприятий, традиционно важную роль в решении этой задачи, особенно в юном возрасте, играют занятия спортом.

Наряду с этим, хотя сегодня польза занятий спортом для здоровья является общеизвестным и доказанным фактом, количество людей, в том числе и подростков, занимающихся спортом, все еще остается невелико. Существует множество причин, по которым люди не занимаются спортом, и немаловажное место среди них принадлежит сугубо психологическим факторам.

Во-первых, несмотря на то что физическая культура и спорт являются важной составляющей учебного процесса как в средних, так и в высших образовательных учреждениях, серьезные занятия спортом носят добровольный характер, т.е. решение о том, заниматься ему спортом или нет, человек принимает сам.

Во-вторых, занятия спортом требуют регулярного приложения усилий в течение длительного периода времени, а в идеале на протяжении всей жизни. При этом человеку приходится преодолевать целый ряд внешних и внутренних препятствий, связанных с его вовлечением в другие виды деятельности. Примером таких препятствий могут служить усталость или необходимость решать другие, более актуальные жизненные задачи.

В-третьих, результат занятий спортом, как правило, имеет отсроченный во времени характер. Чаще всего он бывает не заметен сразу, и человеку требуется значительное время для того, чтобы добиться хорошего состояния здоровья или высоких

достижений в спорте. В результате этого человек, не видящий немедленных результатов от занятий спортом, может испытывать дефицит побуждения к этому виду деятельности.

Все вместе это обуславливает необходимость обращения к волевой регуляции в процессе занятий спортом для восполнения дефицита побуждения к действию и преодоления различных внешних и внутренних препятствий. В подтверждение вышесказанному, исследования как отечественных, так и зарубежных авторов показывают, что волевая регуляция является существенным фактором, обеспечивающим высокие достижения в спорте (Пуни, 1977; Elbe, Szymanski, Beckmann, 2005).

В своей работе мы придерживались культурно-исторического и деятельностно-смыслового подходов к волевой регуляции, согласно которым воля представляет собой личностный уровень произвольной регуляции, позволяющий человеку овладевать своим поведением и психическими функциями для решения жизненных задач, соответствующих его ценностно-смысловым установкам (Иванников, 2006; Шляпников, 2010).

Важным принципом культурно-исторического и деятельностно-смыслового подходов к воле является положение о ее прижизненном развитии в ходе освоения различных видов деятельности, в результате решения личностью значимых жизненных задач (Шляпников, 2010). В отечественной психологии распространена точка зрения, согласно которой занятия спортом способствуют развитию волевой регуляции. В частности, А.Ц. Пуни отмечает, что

у спортсменов развивается определенный набор волевых качеств, соответствующий типу препятствий, характерных для данного вида спорта (Пуни, 1977). Наряду с этим, до сих пор не было получено эмпирических данных, подтверждающих эту точку зрения.

Для того чтобы исследовать роль занятий спортом в развитии волевой регуляции, мы поставили перед собой цель: изучить особенности волевой регуляции спортсменов-юниоров.

Выбор спортсменов-юниоров в качестве объекта исследования был продиктован тем соображением, что подростковый и юношеский возраста являются сензитивными периодами для развития волевой регуляции (Божович, 2001).

Исходя из предположения, что освоение различных видов спорта способствует развитию волевой регуляции, мы выдвинули следующую исследовательскую гипотезу: в группе спортсменов-юниоров показатели волевой регуляции будут выше, чем в контрольной группе, состоящей из людей, не занимающихся спортом.

Процедура и методы исследования

Для проверки выдвинутой гипотезы нами был проведен сравнительный анализ показателей волевой регуляции между группой спортсменов-юниоров и контрольной группой, состоящей из людей, не занимающихся спортом.

Методы исследования. Для диагностики индивидуальных особенностей волевой регуляции респондентов нами использовались следующие

методики: субшкала «Контроль за действием при планировании» из опросника «Шкала контроля за действием» Ю. Куля (НАКЕМР-90) в адаптации С.А. Шапкина (Шапкин, 1997); Вопросник для выявления выраженности самоконтроля в эмоциональной сфере, деятельности и поведении Г.С. Никифорова, В.К. Васильева и С.В. Фирсова (Ильин, 2003); Формализованная модификация методики самооценки (СО) Дембо—Рубинштейн в адаптации В.А. Иванникова, Е.В. Эйдмана (Иванников, Эйдман, 1990). Также опросник содержал вопросы, касающиеся ряда демографических характеристик респондентов.

Испытуемые. Нами было обследовано 70 девушек и 125 юношей спортсменов-юниоров разных специальностей, учащихся факультета физической культуры ГОУ ВПО Московский областной университет, в возрасте от 17 до 22 лет (средний возраст — 19.25 года). Всего в нашем исследовании приняли участие 195 человек.

В качестве контрольной группы в нашем исследовании выступали студенты ГОУ ВПО МО Академия социального управления, которые не занимаются спортом. Подбор в группу осуществлялся квазислучайным образом. Группы были уравнены по возрасту и полу. Объем контрольной группы составил 195 человек: 70 девушек и 125 юношей в возрасте от 17 до 22 лет (средний возраст — 19.25 года).

Процедура. Исследование проводилось нами в 2010/2011 учебном году на базе факультета физической культуры ГОУ ВПО Московский областной университет и факультетов

психологии и управления ГОУ ВПО МО Академия социального управления. Опросные листы раздавались респондентам на занятиях и заполнялись ими в групповом порядке в присутствии исследователя. Участие в исследовании было добровольным.

Результаты

Для того чтобы исследовать особенности волевой регуляции спортсменов-юниоров, мы сравнили их показатели с показателями респондентов из контрольной группы. В ходе статистической обработки полученных результатов использовались методы непараметрической статистики (тест для двух независимых выборок Манна–Уитни). Для статистической обработки данных использовался статистический пакет SPSS 11.0.5. Подробно результаты сравнения групп, а также описательные статистики сравниваемых показателей приведены в таблице 1.

Шкала контроля за действием. Как видно из таблицы 1, спортсмены-юниоры превосходят студентов из контрольной группы по показателям методики Шкала контроля за действием. Это означает, что в среднем спортсмены-юниоры обладают более эффективным типом волевой регуляции: они успешнее реализуют запланированные намерения в действии и оказываются менее подверженными влиянию со стороны различных негативных факторов (неудачи, стресса, наличия конкурирующих намерений и т.д.) (Kuhl, 1996). Также можно предположить, что спортсмены-юниоры владеют более эффективными способами волевой саморегуляции, обучение

которым составляет отдельную педагогическую задачу в спорте. Эти данные хорошо согласуются с результатами немецких исследователей, показавших, что спортсмены-юниоры владеют более эффективными способами волевой регуляции по сравнению с их сверстниками, не занимающимися спортом (Elbe, Szymanski, Beckmann, 2005).

Самоконтроль. Как видно из таблицы 1, спортсмены-юниоры превосходят студентов из контрольной группы по показателям поведенческого и социального самоконтроля. Данные различия свидетельствуют о том, что спортсмены-юниоры более склонны к самоконтролю как в деятельности, так и в общении. Самоконтроль играет важную роль в спорте как на этапе подготовки, так и на этапе соревнований. А.Ц. Пуни отмечает, что овладение различными техниками самоуправления является важной составляющей волевой подготовки спортсменов (Пуни, 1977, с. 14). Примечателен тот факт, что по уровню эмоционального самоконтроля спортсмены-юниоры уступают обычным студентам, однако эта закономерность проявляется лишь на уровне статистической тенденции.

Волевая самооценка. Как видно из таблицы 1, в целом у спортсменов-юниоров волевая самооценка выше, чем у студентов из контрольной группы, что хорошо согласуется с данными В.А. Иванникова и Е.В. Эйдмана (Иванников, Эйдман, 1990). Только по качеству Самостоятельность самооценки в контрольной группе выше, чем у спортсменов.

Если рассматривать самооценки по отдельным качествам, то на первый план у спортсменов выходят

Таблица 1

**Сравнение среднегрупповых значений показателей волевой регуляции в группе спортсменов-юниоров и в контрольной группе студентов
(непараметрический тест Манна–Уитни)**

Показатели	Спортсмены (n=195)		Контрольная группа (n=195)		Тест Манна–Уитни	
	М	SD	М	SD	U	p
Шкала контроля за действием	9.24	1.31	8.77	1.27	15115.50	0.00
<i>Вопросник для выявления выраженности самоконтроля в эмоциональной сфере</i>						
Эмоциональный самоконтроль	12.87	3.05	13.49	3.52	16767.50	0.06
Поведенческий самоконтроль	16.74	4.20	15.41	4.21	15510.50	0.00
Социальный самоконтроль	16.67	4.06	15.16	4.06	15448.50	0.00
<i>Формализованная модификация методики самооценки (СО) Дембо–Рубинштейн</i>						
Ответственный	4.07	0.86	3.95	0.88	17564.50	0.19
Дисциплинированный	4.01	0.98	3.55	1.02	13923.00	0.00
Целеустремленный	4.14	0.79	3.87	0.95	15788.50	0.00
Принципиальный	3.82	0.90	3.84	1.12	17987.00	0.38
Обязательный	3.95	0.86	3.76	0.87	16495.50	0.02
Настойчивый	4.13	0.87	3.53	1.01	12489.50	0.00
Решительный	4.25	0.90	3.47	0.99	10338.00	0.00
Волевой	3.75	1.08	3.53	1.03	16432.50	0.02
Инициативный	3.85	0.98	3.27	1.18	13602.00	0.00
Выдержанный	4.05	0.82	3.61	1.07	14569.00	0.00
Самостоятельный	3.92	0.79	4.08	0.85	16778.00	0.04
Энергичный	4.04	0.74	3.78	1.05	16775.00	0.04
Терпеливый	3.99	0.91	3.76	1.09	16896.50	0.06
Упорный	3.78	0.94	3.73	0.97	18413.00	0.63
Смелый	3.69	1.00	3.64	1.02	18406.00	0.63
Спокойный	3.57	1.25	3.68	1.14	18306.00	0.57
Деловитый	3.43	0.99	3.06	1.08	14948.50	0.00
Уверенный	3.96	0.83	3.61	0.95	14757.00	0.00
Организованный	3.97	0.94	3.48	1.08	13849.50	0.00
Внимательный	3.97	0.89	3.66	0.99	15229.50	0.00

несколько групп качеств. Наглядно профили волевых самооценок в сравниваемых группах представлены на рисунке 1.

Наибольший пик на профиле самооценок мы наблюдаем по такому качеству, как решительность. Вместе с уверенностью, инициативностью и волей это качество образует группу так называемых собственно волевых качеств (Иванников, Эйдман, 1990). А.Ц. Пуни отмечает, что эти качества играют важную роль в спорте, особенно на начальных этапах тренировок, так как они позволяют преодолеть страх, связанный с риском, неопределенностью и новизной (Пуни, 1977, с. 17). Именно эта группа качеств помогает спортсменам продвигаться вперед, ставить рекорды, покорять новые рубежи.

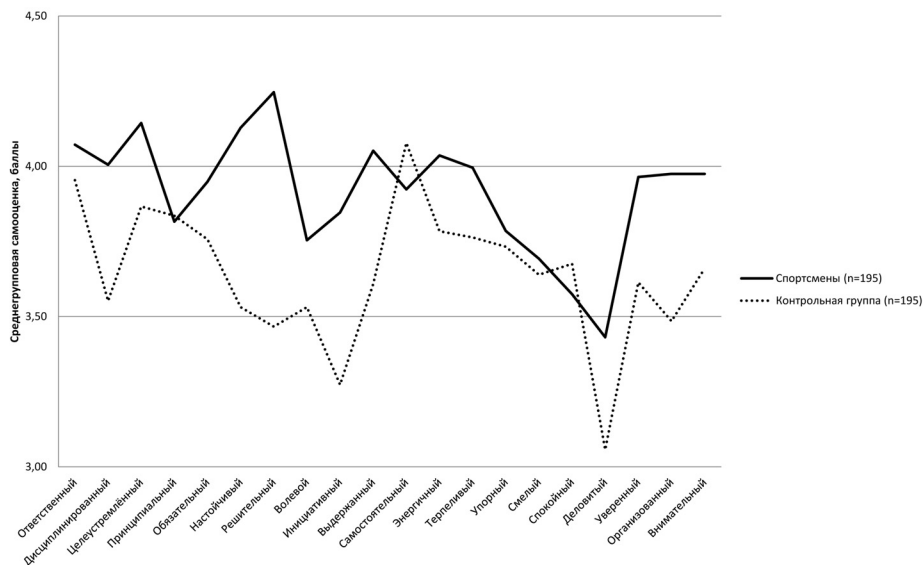
Второй по величине пик мы наблюдаем по таким параметрам, как

целеустремленность и настойчивость. А.Ц. Пуни рассматривает эти качества как фактор, «объединяющий и цементирующий всю структуру волевых качеств спортсмена» (там же, с. 22). Они одинаково важны как на этапе тренировок, так и на этапе соревнований, особенно в видах спорта, требующих «длительного сохранения энергии и активности в борьбе за достижение цели» (там же, с. 17).

Третий пик на профиле мы наблюдаем по качеству выдержанность. Это качество связано с самообладанием и эмоциональным самоконтролем, способностью «управлять мыслями, действиями, чувствами в условиях эмоционального возбуждения или подавленности, интенсивных напряжений, утомления, возникновения неожиданных препятствий, неудач и влияния других неблагоприятных факторов» (там же, с. 18).

Рисунок 1

Среднегрупповые значения самооценок волевых качеств в сравниваемых группах

Еще один пик на профиле мы наблюдаем по качеству дисциплинированности. Наряду с обязательностью, организованностью, деловитостью и энергичностью она может быть отнесена к группе морально-волевых качеств, в первую очередь, необходимых спортсмену на тренировках. Дисциплина играет крайне важную роль в спорте, поэтому А.Ц. Пуни отмечает, что волевая подготовка спортсменов должна включать в себя формирование навыков самоорганизации и самодисциплины (там же, с. 19).

Также у спортсменов-юниоров мы наблюдаем значимо более высокие самооценки по качеству внимательность, которое также играет большую роль во многих видах спорта.

Обсуждение результатов

Полученные результаты подтверждают выдвинутую нами гипотезу, так как почти по всем показателям спортсмены-юниоры превосходят студентов из контрольной группы. Они обладают более эффективным типом волевой регуляции по Ю. Кулю, т.е. успешнее реализуют свои намерения в действии и менее подвержены влиянию негативных факторов. Они более склонны контролировать свою деятельность и социальное взаимодействие в различных ситуациях, обладают более высокой волевой самооценкой.

Как же можно объяснить обнаруженные различия?

Во-первых, мы можем предположить, что занятия спортом способствуют развитию волевых качеств, так как спорт предполагает высокий уровень самодисциплины и органи-

зации своей деятельности, постоянное преодоление как внешних, так и внутренних препятствий, постоянное самосовершенствование и работу над собой.

Во-вторых, можно предположить, что высокие показатели волевой регуляции являются следствием целенаправленной волевой подготовки спортсменов-юниоров, включающей в себя обучение различным способам и приемам саморегуляции: самоорганизации, самомобилизации, самоконтроля и т.д. (Пуни, 1977).

В-третьих, мы можем предположить, что высокие показатели спортсменов могут быть результатом неравномерного отсева детей из спортивных секций и ДЮСШ. Занятия спортом предъявляют очень высокие требования к волевой регуляции человека, поэтому дети, не обладающие необходимым уровнем развития воли, скорее всего, будут отсеиваться из ДЮСШ либо по собственному желанию, либо по причине плохой успеваемости.

В-четвертых, мы могли бы предположить, что в большой спорт изначально идут люди с развитой волевой регуляцией. Однако не следует забывать о том, что большая часть волевых качеств формируется только в подростковом возрасте, а в большинство видов спорта ребенок приходит гораздо раньше: в дошкольном или младшем школьном возрасте. Вместе с этим некоторые индивидуальные качества, участвующие в формировании волевой регуляции, например уровень общей активности, проявляются достаточно рано и могут служить причиной, по которой родители отдают ребенка в спортивную секцию (Божович, 2001).

Наряду с этим, не следует забывать о том, что все методы, использованные нами, основаны на данных самоотчетов. В современной психологии нет однозначного мнения о том, насколько можно доверять самооценке волевой регуляции. С одной стороны, эмпирические исследования показывают, что в ряде случаев самооценки волевых качеств хорошо согласуются с данными внешних экспертных оценок и уровнем объективных достижений в разных видах деятельности. С другой стороны, данные самооценки неизбежно подвержены искажающему влиянию со стороны факторов неволевой природы, в частности, со стороны фактора социальной желательности (Иванников, Эйдман, 1990; Ильин, 2000). В связи с этим нельзя исключать тот факт, что полученные нами данные свидетельствуют не только об объективно высоком уровне развития волевой регуляции у спортсменов, но и об их желании быть настойчивыми, решительными, уверенными, целеустремленными и т.д., так как именно этого требуют от них занятия спортом.

По нашему мнению, все эти объяснения являются равновероятными и не исключают друг друга. Скорее всего, в спорт приходят дети, обладающие определенными предпосылками, необходимыми для развития волевой регуляции. В процессе занятий спортом волевая регуляция ин-

тенсивно развивается, так как требования к ней очень высоки, а те, кто не обладает необходимым уровнем волевой регуляции, отсеиваются из спортивных секций и ДЮСШ. В результате всего этого мы и наблюдаем такие высокие показатели волевой регуляции в группе спортсменов. Для того чтобы дать более точный ответ на поставленный нами вопрос о том, как занятия спортом влияют на развитие волевой регуляции, необходимо провести исследования динамики волевой регуляции у детей, обучающихся в ДЮСШ и спортивных секциях, что и составляет предмет нашего дальнейшего исследования.

Выводы

Таким образом, полученные нами результаты подтверждают выдвинутую гипотезу: спортсмены-юниоры по сравнению со студентами из контрольной группы обладают более высокими показателями по «Шкале контроля за действием» (Ю. Куль), уровню самооценки, дисциплинированности, целеустремленности, обязательности, настойчивости, решительности, развитию воли, инициативности, выдержанности, энергичности, деловитости, уверенности, организованности, внимательности, а также выше оценивают собственную склонность к поведенческому и социальному самоконтролю.

Литература

Божович Л.И. Развитие воли в онтогенезе // Проблемы формирования личности: Избранные психологические труды / Под ред. Д.И. Фельдштейна. М.: МПСИ; Воронеж: НПО «МОДЭК», 2001. С. 302–332.

Иванников В.А. Психологические механизмы волевой регуляции. СПб.: Питер, 2006.

Иванников В.А., Эйдман Е.В. Структура волевых качеств по данным самооценки // Психологический журнал. 1990. Т. 11. № 3. С. 39–49.

Ильин Е.П. Психология воли. СПб.: Питер, 2000.

Психология здоровья: Учебник для вузов / Под ред. Г.С. Никифорова. СПб.: Питер, 2006.

Пуни А.Ц. Психологические особенности волевой подготовки в спорте: Учебное пособие. Л.: МФК им. П.Ф. Лесгафта, 1977.

Шапкин С.А. Экспериментальное изучение волевых процессов. М.: Смысл; ИП РАН, 1997.

Шлятников В.Н. Роль волевой регуляции в процессе профессиональной адаптации молодых специалистов // Вопросы психологии. 2010. № 6. С. 78–90.

Elbe A.-M., Szymanski B., Beckmann J. The development of volition in young elite athletes // Psychology of Sport and Exercise. 2005. 6. 5. 559–569.

Kuhl J. Who controls whom when «I control myself»? // Psychological Inquiry. 1996. 7. 1. 61–68.

Шлятников Владимир Николаевич, декан факультета психологии ГОУ ВПО МО Академия социального управления, кандидат психологических наук

Контакты: corona0mundi@mail.ru

Хрулёва Юлия Николаевна, факультет психологии ГОУ ВПО МО Академия социального управления, студентка

Контакты: pljuscha-90@mail.ru

Обзоры и рецензии

РАЗВИВАЮЩИЙ ЭФФЕКТ ОБУЧЕНИЯ ПРОГРАММИРОВАНИЮ: ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

И.Б. РОГОЖКИНА

Резюме

Вопрос о влиянии обучения программированию на умственное и интеллектуальное развитие учащихся является одной из актуальных проблем современной психологии и педагогики. В статье проведен анализ когнитивных навыков и способностей, развиваемых в процессе обучения программированию. Обсуждаются психолого-педагогические факторы, влияющие на результат обучения.

Ключевые слова: обучение программированию, умственное и социально-эмоциональное развитие, методика обучения.

Введение

Программирование — сложная интеллектуальная деятельность, предоставляющая широкие возможности для развития мышления (Бабаева, Войскунский, 2003). Возраст знакомства детей с информационными технологиями и элементами программирования стабильно снижается из года в год. Так, новые федеральные государственные образовательные стандарты предусматривают обязательное введение информатики уже в начальной школе. В ближай-

шие несколько лет будет реализована программа информатизации дошкольного образования. В этой связи важно понять, какой эффект на умственное и эмоциональное развитие учащихся оказывает обучение информатике и программированию.

Вопрос о развивающем эффекте программирования был поднят еще в 1970-е гг., когда появилась среда Лого, с помощью которой даже младшие школьники получили возможность создавать несложные программы (Papert, 1972). В то время была популярна идея о том, что обучение

программированию влечет за собой развитие важнейших когнитивных навыков, таких как умение планировать и организовывать свою деятельность, а также развитие математических способностей и абстрактного мышления (Feurzeig et al., 1981). Сторонники бихевиористского подхода, считавшие, что, обучаясь программированию, человек всего лишь знакомится с набором команд и научается по определенным синтаксическим правилам соединять их друг с другом, были в меньшинстве и не могли умерить царивший в то время энтузиазм.

Однако спустя несколько лет проведенные исследования продемонстрировали, что влияние обучения программированию на развитие умственных способностей и когнитивных навыков зачастую оказывается незначительным. Возник вопрос об условиях, которые способствуют или, напротив, мешают формированию и развитию тех или иных навыков. Целью настоящей работы является анализ эффекта обучения программированию на умственное и социоэмоциональное развитие учащихся и выявление психолого-педагогических факторов, оказывающих влияние на величину этого эффекта.

Влияние обучения программированию на умственное и социоэмоциональное развитие

Первым языком программирования, который можно было использовать для обучения младших школьников, стал ЛОГО, разработанный в 1967 г. Сеймуром Папертом и Идит Харель. Начиная с 1970-х гг. ЛОГО широко использовался для обучения

программированию детей в американских школах. Именно поэтому основная масса исследований, посвященных выявлению эффекта обучения программированию на умственное и социальное развитие школьников, была проведена на базе ЛОГО.

Математические способности.

В ранних работах, посвященных изучению влияния обучения программированию на математические знания и способности, указывалось, что связь между развитием математических способностей и программированием либо отсутствует, либо незначительна. Так, Дж. Хоу, Т. О'Ши и Ф. Плэйн (Howe, O'Shea, Plane, 1980) пытались доказать, что программирование способствует лучшему пониманию и усвоению математики. В течение двух лет они преподавали ЛОГО 11-летним школьникам. После этого контрольная и экспериментальная группы выполнили несколько математических тестов. Результаты оказались противоречивыми: если по одному из тестов экспериментальная группа продемонстрировала более высокие показатели, то по другому — более высокие показатели были у контрольной группы. Во многих работах было показано, что, обучаясь программированию, дети начинают проявлять интерес к изучению математики. Они спонтанно исследовали и осваивали математические понятия, такие, например, как «переменная» (Lawler, 1980). Однако вопрос о том, проявлялась ли активность детей в изучении математических понятий вне компьютерного класса, не изучен. Некоторые исследования были посвящены анализу связи между обучением программированию и развитием

пространственного мышления и геометрических представлений. Так, было показано, что, работая в ЛОГО, дети получают представления о различных геометрических формах (Clements, 1999). Например, вместо восприятия геометрических фигур как целого («Это выглядит, как прямоугольник») дети начинали думать об этих фигурах в терминах их свойств («Это прямоугольник, потому что у него противоположные стороны равны и все углы прямые»). Что касается влияния обучения программированию на понимание алгебраических концепций, то результаты исследований противоречивы. С одной стороны, во многих работах (Lehrer, Smith, 1986) показывается, что перенос алгебраических понятий из соответствующей программной среды в другие предметные области маловероятен (например, дети, вполне умело работающие с переменными в ЛОГО, затруднялись использовать их в других ситуациях). Другие же авторы утверждают, что интуитивные и примитивные концепции, возникшие у детей во время обучения программированию, в будущем станут базой для серьезных занятий алгеброй (Noss, Hoyles, 1992).

Решение проблем и абстрактное мышление. Сходная ситуация наблюдается и в выяснении вопроса о влиянии обучения программированию на развитие абстрактного мышления и умения решать проблемы (problem-solving) в разных предметных областях. Если одни авторы (Choi, Rerpan, 1993) указывают на положительный эффект освоения программирования на способности к планированию, вычленению в проблеме подзадач, нахождению путей

решения, то другие полностью этот эффект отрицают. Так, Р. Пи и Д. Курланду (Pea, Kurland, 1983) не удалось обнаружить разницу в планировании различных деятельностей (решения головоломки «Ханойская башня» и собирания пазлов) между группой, изучавшей ЛОГО, и контрольной группой.

Алгоритмическое мышление. В среде специалистов по информационным технологиям часто высказывается мнение, что занятия программированием способствуют формированию и развитию особого типа мышления, называемого алгоритмическим (Кушниренко, Лебедев, 2000; Futschek, 2006). При этом отмечается, что этот вид мышления способствует не только успешному обучению программированию, но и эффективному освоению современного информационного пространства в целом. Для А.П. Ершова (Ершов, 1972) культура алгоритмического мышления, к которой относится, например, умение вычленить подзадачи и потом соединить их решения вместе или общее умение составить и понять инструкцию, — важнейшая часть общей культуры, ее базы — грамотности. Как можно определить алгоритмическое мышление? Для А.Г. Кушниренко, одного из создателей обучающих программных систем КуМир и ПиктоМир, алгоритмическое мышление тесно связано с наличием таких навыков и умений, как 1) умение планировать структуру действий, необходимых для достижения заданной цели при помощи фиксированного набора средств; 2) умение строить информационные структуры для описания объектов и систем; 3) умение организовать

поиск информации, необходимой для решения поставленной задачи. В работах Дж. Фучика (Futschek, 2006) показано, что алгоритмическое мышление содержит и творческий аспект, который проявляется в процессе создания новых алгоритмов. По его мнению, этот вид мышления служит операционной базой для всех методов и приемов обработки и использования информации, а оптимальной деятельностью для его развития являются занятия программированием. О необходимости развития алгоритмического мышления говорят создатели программ по информатике для школьников. Так, в содержание курса информатики для начальной школы Т.А. Рудченко и А.Л. Семенова (Семенов, 2004а, б) входят основы логической и алгоритмической компетентности. При этом необходимо отметить, что специфика алгоритмического мышления и связь между его развитием и обучением программированию остались вне поля внимания профессиональных психологов.

Развитие речи. Связь между обучением программированию и развитием языковых способностей многим кажется неочевидной. Вместе с тем ряд данных свидетельствует о положительном эффекте изучения программирования в раннем возрасте. Так, у младших школьников, обучающихся программированию, увеличивается словарный запас, речь становится более богатой и эмоциональной (Genishi et al., 1985).

Творческое мышление. В работах С. Вайды и Ж. Маккиби (Vaidya, McKeeby, 1984) было показано, что дети способны создать с помощью ЛОГО более интересные рисунки,

чем на бумаге. Они черпали новые идеи из своего опыта программирования и переносили их на бумагу, создавая оригинальные работы. После обучения программированию дети показывали более высокие результаты по тесту креативности Торренса. Однако разница была не слишком значительной (Clements, Nastasi, 1992). Наибольшую разницу в результатах теста экспериментальная группа продемонстрировала по шкале оригинальности.

Социоэмоциональное развитие. Вопреки широко распространенному мнению о программистах как о замкнутых интровертах во многих работах было показано, что обучение программированию способствует социальному и эмоциональному развитию детей. Учителя обращали внимание на то, что дети, изучающие программирование, имели тесные контакты со сверстниками, активно участвовали в групповых мероприятиях, требующих выработки совместного плана действий и творческого подхода. Дети, занимающиеся программированием, были более склонны сотрудничать со своими сверстниками и делиться с ними полученными знаниями (Genishi et al., 1985). В то же время школьники, работающие в ЛОГО, больше конфликтовали друг с другом. Однако эти конфликты носили не социальный, а когнитивный характер и в большинстве случаев позволяли группе выбрать оптимальное решение (Nastasi, Clements, Battista, 1990). Таким образом, работа в ЛОГО стимулировала умственную и социальную активность школьников, позитивно влияла на их способность разрешать конфликты.

Факторы, влияющие на развивающий эффект обучения программированию

Профессиональные и личностные качества преподавателя. Профессиональные и личностные качества преподавателя играют важную (иногда решающую) роль в том, какими будут результаты обучения детей программированию. В работах Т. Макгилла и С. Волет (McGill, Volet, 1997) было показано, что эффективный преподаватель: 1) отбирает или создает задания, направленные на достижение учебных целей; 2) обращает внимание учащихся на определенные аспекты их учебного опыта; 3) стремится ввести формальный язык для описания математических концепций; 4) подчеркивает важность планирования при создании алгоритмов; 5) развивает метакогнитивные навыки учащихся; 6) переносит изучаемые концепции и идеи в другие контексты; 7) поощряет взаимодействие между учащимися и обеспечивает возможность контакта между учащимся и преподавателем.

Особенно важными нам кажутся пункты 5 и 6. Одно из основных возражений противников идеи развивающего эффекта занятий программированием состояло в том, что, даже научившись планировать, анализировать и оценивать свою деятельность на уроках программирования, учащиеся не способны применить полученные навыки в других предметных областях. Перенос изучаемых идей и концепций в другие контексты, развитие метакогнитивных навыков учащихся помогут решить эту проблему.

Программная среда. Один и тот же язык программирования может

быть реализован разными программными средами. Хорошо разработанная программная среда позволяет составлять программы более эффективно. Именно поэтому в последние десятилетия появилось множество систем, которые имеют простой интерфейс, но при этом обеспечивают возможность создания достаточно сложных и интересных проектов (Brusilovsky et al., 1997).

Выше упоминалось, что в процессе программирования в ЛОГО у детей могут спонтанно возникать и формироваться математические концепции и представления. Программные среды могут в той или иной степени содействовать развитию творческих способностей учащихся. Так, программирование с использованием систем Alice и Scratch предполагает создание собственных проектов — анимационных историй, игр или фильмов. Было показано, что работа в этих программных средах способствует возникновению ярких, творческих идей у студентов (Resnick et al., 2009)

Обучение программированию положительно влияет на социоэмоциональное развитие детей, если занятия предусматривают совместную деятельность. Некоторые программные среды особенно подходят для создания совместных проектов. Так, платформа Scratch позволяет юным программистам не только загружать собственные проекты на сайт, но и участвовать в создании и улучшении программного кода других людей (там же). Кроме того, Scratch предоставляет пользователям возможность делать краткие замечания о ходе работы над проектом, отражающие их размышления, сомнения или

новые идеи, обмениваться этими записями с другими программистами и возвращаться к ним по мере необходимости. В работах Э. Розенбаума (Rosenbaum, 2009) было показано, что составление таких комментариев положительно влияет на развитие рефлексивного мышления, способность анализировать ход своих мыслей.

Методика обучения. Методика обучения программированию влияет не только на объем и качество усвоенного материала, но и на формирование и развитие когнитивных навыков. При неправильно выстроенной методике дети могут научиться выполнять определенные упражнения, но будут неспособны ухватить суть той или иной концепции и, следовательно, воспользоваться своими знаниями в новых ситуациях. Так, в исследовании Р. Пи (Pea, 1983) было показано, что 8–12-летние дети после 30-часового курса обучения программированию в ЛОГО научились использовать команду ПОВТОРИТЬ (REPEAT) для многократного вывода на экран компьютера своего имени. А вот применить эту команду для рисования на экране квадрата они не смогли. Вместо этого дети четыре раза подряд записывали одну и ту же последовательность команд, предназначенную для изображения прямой линии. С другой стороны, с помощью продуманной методики можно обучать азам программирования и формировать алгоритмическое мышление даже у дошкольников. Так, в цикле исследований, посвященных обучению 6-летних детей программированию (Рогожкина, Бабаева, 2011; Rogozhkina, Kushnirenko,

2011), было показано, что для достижения этих целей в учебный курс необходимо включать не только упражнения на компьютере, но и другие виды деятельности: задания на бумаге, составление устных планов, реализацию придуманных алгоритмов «вживую» и групповые проекты.

Заключение

Обзор литературы продемонстрировал растущий интерес к вопросу о влиянии обучения программированию на умственное и интеллектуальное развитие учащихся. Обучение программированию может способствовать развитию математических представлений, абстрактного, творческого и алгоритмического мышления, а также умения работать в команде. Было показано, что величина развивающего эффекта зависит от нескольких факторов: личностных и профессиональных качеств преподавателя, программной среды и методики обучения. Несмотря на большой объем проведенных исследований, многие вопросы остались нерешенными. В частности, осталась без внимания связь между возрастными особенностями детей и эффектом обучения программированию. Как стоит выстраивать методику обучения для детей младшего, среднего и старшего школьного возраста, какие программные среды наиболее подходят для того или иного возраста? В связи с введением основ программирования в курс не только средней, но и начальной школы заявленная проблематика нуждается в дальнейшей разработке.

Литература

Бабаева Ю.Д., Войскунский А.Е. Одаренный ребенок за компьютером. М., 2003.

Куширенко А.Г., Лебедев Г.В. Информатика: 12 лекций о том, для чего нужен школьный курс информатики и как его преподавать. Лаборатория Базовых Знаний, 2000.

Рогожжина И.Б., Бабаева Ю.Д. Одаренный ребенок в мире современных информационных технологий: выявление и развитие способностей к программированию // Психолого-педагогические проблемы одаренности: теория и практика. Иркутск, 2011.

Семенов А.Л. Современный курс математики и информатики в школе. Часть 1 // Вопросы образования. 2004а. № 1. С. 79–94.

Семенов А.Л. Современный курс математики и информатики в школе. Часть 2 // Вопросы образования. 2004б. № 2. С. 110–126.

Brusilovsky P., Calabrese E., Hvorecky J., Kouchnirenko A., Miller P. Mini-languages: a way to learn programming principles // Education and Information Technologies. 1997. 2. 1. 65–83.

Choi W.S., Repman J. Effects of Pascal and FORTRAN programming on the problem-solving abilities of college students // Journal of Research on Computing Education. 1993. 25. 3. 290–302.

Clements D.H. The future of educational computing research: the case of computer programming // Information Technology in Childhood Education Annual. 1999. 1. 147–179.

Clements D.H., Nastasi B.K. Computers and early childhood education // M. Gettinger, S.N. Elliott, T.R. Kratochwill (eds). Advances in school psychology: Preschool and early childhood treatment directions. Hillsdale, NY, 1992. P. 187–246.

Feurzeig W., Horwitz P., Nickerson R.S. Microcomputers in education (Report No. 4798). Cambridge, MA, 1981.

Futschek G. Algorithmic thinking: the key for understanding computer science // Lecture Notes in Computer Sciences. Springer, 2006. 4226. 159–168.

Genishi C., McCollum P., Strand E.B. Research currents: The interactional richness of children's computer use // Language Arts. 1985. 62. 5. 526–532.

Howe J.A.M., O'Shea T., Plane F. Teaching mathematics through Logo programming: An evaluation study // Computer-Assisted Learning – Scope, Progress and Limits. Amsterdam; N.Y., 1980.

Lawler R.W. Extending a powerful idea. MIT Artificial Intelligence Laboratory. Cambridge, MA, 1980.

Lehrer R., Smith P. Logo learning: Is more better? // Paper presented at the meeting of the American Educational Research Association. San Francisco, 1986.

McGill T.J., Volet S.E. A conceptual framework for analyzing students' knowledge of programming // Journal of Research on Computing in Education. 1997. 29. 276–297.

Nastasi B.K., Clements D.H., Battista M.T. Social-cognitive interactions, motivation, and cognitive growth in Logo programming and CAI problem-solving environments // Journal of Educational Psychology. 1990. 82. 150–158.

Noss R., Hoyles C. Afterword: Looking back and looking forward // C. Hoyles, R. Noss (eds). Learning mathematics and Logo. Cambridge, MA: MIT, 1992. P. 227–268.

Papert S. Teaching children thinking // Programmed Learning and Educational Technology. 1972. 9. 245–255.

Pea R.D. Programming problem solving: Children's experience with Logo // Paper

presented at Annual Meetings of the American Educational Research Association. Montreal, Canada, 1983.

Pea R.D., Kurland D.M. Logo programming and the development of planning skills (Tech. Rep. No. 16). N.Y.: Center for Children and Technology, Bank Street College, 1983.

Resnick M., Maloney J., Monroy-Hernandez A., Rusk N., Eastmond E., Brennan K., Millner A., Rosenbaum E., Silver J., Silverman B., Kafai Y. Scratch: Programming for all // Communications of the ACM. 2009. 52. 11. 60–67.

Rogozhkina I.B., Kushnirenko A.G. PiktoMir: Teaching programming concepts to preschoolers with a new tutorial environment // Procedia – Social and Behavioral Sciences. 2011. 28. 601–605.

Rosenbaum E. Jots: Reflective learning in scratch // Proceedings of the 8th International Conference on Interaction Design and Children. N.Y.: ACM New York, 2009. 284–285.

Vaidya S., McKeeby J. Computer turtle graphics: Do they affect children's thought processes? // Educational Technology. 1984. 24. 46–47.

Рогожкина Ирина Борисовна, Научно-исследовательский институт системных исследований РАН, младший научный сотрудник

Контакты: snleo@mail.ru

SUMMARY OF THE ISSUE

Theory and Philosophy of Psychology

A.A. Lebedeva. Theoretical Approaches and Methodological Issues of Life Quality Research in Human Sciences

The paper presents an analysis of different views of life quality as a multi-disciplinary research topic. The theoretical review presents a view of the problem of content of the concept of life quality in human sciences. Life quality is usually associated with objective factors, such as physical health, economic well-being, external circumstances and conditions of life, etc. However, many researchers also associate life quality with subjective evaluation of life that is dependent on individual perception of life, and an attitude towards it. Recently, the research emphasis in psychology has been shifting towards the subjective parameters of life, and the category of subjective life quality was introduced as an integral concept for the subjective basis of psychological well-being. Subjective approach to life quality seems a promising research direction, but needs more theoretical and empirical support.

Keywords: life quality, subjective well-being, positive psychology.

Special Theme of the Issue.

Cross-Cultural Psychology: Theory, Methods, Applications

R. Fischer. Applied Cross-Cultural Psychology of Social Change and Development: The Example of Well-Being and Corruption Research

What can cross-cultural psychology contribute to broad debates on societal change and development? I am arguing that cross-cultural researchers can

actively contribute in at least three domains: a) an examination of processes that are of societal importance and relevance, b) development and application of culturally sensitive change programs and c) a culture-sensitive evaluation of existing intervention programs so that the needs of communities are better met. I provide two examples that are focus on the first aspect, because this area is closest to current cross-cultural research. I discuss recent work on understanding cross-cultural differences in well-being (Fischer & Boer, 2011) and an examination of changes in corruption over time (O'Connor & Fischer, 2011). How can cross-cultural research contribute to the development and well-being of societies? What are the tools that psychologists interested in culture can use to inform politicians and political decision-making? How can we make cross-cultural relevant to everyday actions and events, considering the massive challenges that humanity faces through globalization, climate change and increasing interdependencies at a global level? In this paper I will outline three different paths that may address these broad questions of policy relevance and societal development. Engaging with these questions can help sharpening our basic research questions and theories as well as contributing to understanding and managing global issues. I will review two recent examples using traditional cross-cultural research in some more detail and discuss how it can fit in with such an agenda.

Keywords: applied cross-cultural psychology, well-being, corruption, values

S. Schwartz, T.P. Butenko, D.S. Sedova, A.S. Lipatova. A Refined

Theory of Basic Personal Values: Validation in Russia

The paper presents a refined theory of basic individual values by S. Schwartz that aims to offer more heuristic and explanatory possibilities compared to an earlier theory of 10 values (Schwartz, 1992), as well as the results of its empirical validation in Russia. The refined theory is based on the key assumption of value theory that is often ignored in research: the circular motivational continuum of values. The theory postulates 19 values placed on a circular continuum in a way that reflects their mutual compatibility (adjacent values are the most compatible, opposing values, in turn, the most conflicting). The theory was validated using a Russian version of the questionnaire in a sample of 506 respondents. Confirmatory factor analysis and multidimensional scaling indicated 19 values. The theoretically proposed order of values was mostly confirmed by the results of multidimensional scaling.

Keywords: value theory, value continuum, basic values, value structure, predictive power of values.

A.N. Tatarko. Individual Values and Social Psychological Capital: A Cross-Cultural Analysis

The paper analyses the phenomenology of social psychological capital seen as a resource of psychological relationships that forms the basis of social capital. A cross-cultural analysis of the influence of value orientations on social psychological capital was conducted. A study of three ethnic groups, Russians (N = 109), Chechens (N = 100), and Ingushs (N = 109), indicates that the influence of personal values on social psychological capital exhibits certain

cultural features. The Self-Transcendence values (Benevolence, Universalism) have positive influence on social psychological capital in multicultural societies, in contrast to Self-Enhancement values that influence it negatively. The values of Openness to Change have a positive impact on civic identity, but are negatively associated with perceived social capital. The values of Conservation have a positive influence on civic (Russian) identity within the Ingush ethnic group.

Keywords: social capital, social psychological capital, value orientations, trust, civic identity.

N.M. Lebedeva. Implicit Theories of Innovativeness: Cultural Differences

The study in a sample comprised by members of three ethnic groups (N = 804) uncovered cultural differences in implicit theories of innovativeness. Russians were more inclined to endorse individualistic theories of innovativeness, whereas respondents from North Caucasus and Tuva tended towards social ones. A universal cultural model of influence of implicit theories of innovativeness on personal experience of innovation mediated by attitudes to innovation was validated using structural equation modeling. The influence of implicit theories of innovativeness upon attitudes to innovation was more pronounced in traditional cultures of North Caucasus and Tuva, and was not significant in a more modernized Russian setting. Attitudes to innovation influenced the experience of innovation in all three cultures.

Keywords: culture, innovations, implicit theories, attitudes, behavior, traditionalism, modernization, globalization.

Work in Progress

D.V. Devyatko. Contribution of Object Representations and Visual Attributes to Illusory Visual Disappearances

The phenomenon of «motion-induced blindness» involves a visible stimulus presented against a rotating background so that the awareness of the target stimulus stops from time to time. A possible cause of such illusory disappearances is the competition between the object representations of the target stimulus and of the mask (Bonneh et al., 2001). However, no studies to date have investigated the number of visual attributes differentiating the target stimulus from the mask necessary for the disappearance mechanism of motion-induced blindness to start functioning. The number and type of differentiating attributes was systematically varied in an empirical study, and the number and duration of target stimulus disappearances was measured. Any single differentiating attribute was shown to be sufficient to cause the disappearance phenomenon. The color difference between the target stimulus and the mask influences the number of visual disappearances, whereas the movement difference influences their duration.

Keywords: motion-induced blindness, visual attributes, object representations.

V.V. Kosikhin. Psychological Substance and Assessment of the Equivalence Range Cognitive Style

The paper presents an analysis of existing approaches to understanding the psychological substance of the

«range of equivalence» cognitive style. A new interpretation of the construct is proposed, integrating a number of existing theories. New directions are suggested for the research of determinants and practical significance of the equivalence range phenomenon. An empirical study of equivalence range assessment is described. A hypothesis of association between the equivalence range phenomenon and conceptual generalization ability was proposed and confirmed. A new method for assessment of equivalence range free of the influence of conceptual generalization ability, limited sorting of objects, was developed and validated.

Keywords: cognitive style, equivalence range, categorization, free sorting of objects, limited sorting of objects, working memory.

V.N. Shlyapnikov, Yu.N. Khrulyova. Volitional Control in Junior Athletes

The results of a study of volitional control features in junior athletes are presented. A group of athletes aged 20 to 24 (N = 195) was compared to a group of students of the same age not engaged in any sports (N = 195). Significant differences between the groups were found in action orientation (HAKEMP, J. Kuhl), behavioral and social self-regulation, and self-ratings of a number of volitional qualities (discipline, goal commitment, conscientiousness, persistence, resolution, willpower, initiative, self-control, zeal, efficiency, self-assurance, orderliness, attentiveness).

Keywords: will, volitional control, self-regulation, self-control, volitional qualities, sports.

*Reviews***I.B. Rogozhkina. Developmental Effect of Learning Programming: Psychological and Educational Perspectives**

The effects of learning programming (software development) on mental and intellectual development of learners is a topical issue in contemporary psy-

chology and pedagogics. The paper presents an analysis of cognitive skills and abilities that undergo development in the process of learning programming. Psychological and educational factors influencing the learning outcomes are discussed.

Keywords: learning programming, cognitive development, social and emotional development, teaching methods.

Правила подачи статей и подписки можно найти на сайте журнала:

<http://psy-journal.hse.ru>

Адрес издателя и распространителя

Фактический: 115230 Москва, Варшавское ш., д. 44а, оф. 405а,

Издательский дом НИУ ВШЭ

Почтовый: 101000 Москва, ул. Мясницкая, д. 20

Тел. (499) 611-15-08, E-mail: id.hse@mail.ru

Формат 70x100/16. Тираж 450 экз. Печ. л. 9.5